

Челябинский государственный университет

На правах рукописи

ЛИКСУНОВА АННА СЕРГЕЕВНА

**ЦЕННОСТНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ
ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ**

Специальность 09.00.11. – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель – доктор социологических наук, доцент

Тараданов А. А.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Ценностные регулятивы формирования личности	16
1.1. Регулятивы формирования личности: честь и достоинство.....	16
1.2. Ценностное содержание чести и достоинства	43
1.3. Диалектика ценности и нормы в становлении чести и достоинства личности.....	62
Глава 2. Формирование личности военнослужащего современной российской армии	83
2.1. Армия как социальный институт формирования личности военнослужащего	83
2.2. Регулятивная функция чести в формировании личности военнослужащего современной российской армии	98
2.3. Регулятивная функция достоинства в формировании личности военнослужащего современной российской армии	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	151

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современная политическая ситуация в мире диктует необходимость в сильной, боеспособной и мобильной российской армии. Реалии международной агрессии против РФ и борьба с терроризмом показывают, что боеспособность Вооруженных Сил России является важным фактором её суверенитета и государственной целостности. Президент РФ В. Путин 3 декабря 2015 года свое ежегодное Послание к Федеральному Собранию начал со слов благодарности российским военнослужащим, борющимся с международным терроризмом. Россия нуждается в защите верных воинов. России нельзя «ослабевать в военном деле» (Петр I), необходимо постоянно «помнить о войне» (завет адмирала С. О. Макарова).

Сегодня российское государство укрепляет престиж армии в обществе, развивается социальная защита военнослужащих, растет их материальная поддержка, совершенствуется вооружение. Но сила армии всегда определялась «силой войскового духа»: задачи материальной составляющей состоят лишь в её достойном обеспечении и поддержке.

Проблематика отношений армии и общества будет оставаться актуальной до тех пор, пока существует государство, обеспечивающее своим суверенитетом благополучие своих граждан, а достоинство и честь военнослужащих представляются всеми мыслителями и государственными деятелями духовной основой боеспособности армии и проповедуются её высшими ценностями.

Однако отсутствие в социально-философском дискурсе содержательной проработки таких основных регулятивов формирования личности военнослужащих современной российской армии, как честь и достоинство, ослабляет идейно-теоретическую основу воспитательных и образовательных программ и мероприятий в военной сфере социальных отношений.

Степень разработанности проблемы.

Философская разработка таких ценностных регулятивов формирования личности, как достоинство и честь, идет в нескольких направлениях и с различными подходами.

Концепции личности представлены В. Соловьевым, Л. П. Карсавиным, А. Ф. Лазурским, П. П. Блонским, Л. С. Выготским. Тема формирования личности нашла отражение в трудах Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева. Место деятельности в формировании личности освещено в работах К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинского.

Место воспитания в формировании личности исследовалось Н. Г. Емузовой, С. Н. Ющенко. Формирование личности посредством воспитания чести и достоинства рассмотрено в трудах Я. А. Коменского, Дж. Локка, В. А. Сухомлинского.

В работах Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Сен-Симона, Н. А. Чернышевского, Н. Г. Емузовой, С. Н. Ющенко процесс воспитания личности связан с созданием условий для самореализации, самопознания и самовоспитания личности, т.е. направлен на активизацию и актуализацию внутренних сил и способностей личности.

Аксиологический и онтологический смысл чести и достоинства исследовали уже представители древнегреческих философских школ: Цицерон (честность как мера и конечная цель всех поступков); Сократ (честь есть главное в жизни человека); Платон (основанием всякой гражданской чести является влечение к идеалу); Аристотель (честь есть в ряду внешних благ самое большое). В древнекитайской философской школе понятие о человеческом достоинстве упоминается уже в учении Конфуция и его концепции «благородный муж».

В эпоху Возрождения тема чести и достоинства становится еще более актуальной. Её развивают Дж. Пико дела Мирандола, Дж. Манетти, Г. Гвинецелли. Г. Гвинецелли высказывает весьма инновационную для того времени идею о личном благородстве каждого человека, независимо от его

происхождения. Дж. Манетти в своем трактате «О достоинстве и превосходстве человека» размышляет о превосходстве человека, подтверждая достоинство человеческой природы. «Речь о достоинстве человека» Дж. Пико дела Мирандола провозглашает ценностное представление о достоинстве человека.

В эпоху Просвещения теме чести и достоинства как ценности посвящены работы Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Вольтера, Шиллера, Фихте, А. Шопенгауэра, И. Экштейна. И. Экштейн в «Честь в философии и праве» рассматривает понятие чести в двух ипостасях: честь как духовное «я» человека, то есть внутренняя честь, и честь как этическая оценка личности, то есть внешняя честь. А. Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» особо выделяет рыцарскую честь, так называемую «point d'honneur».

Проблема ценностей является одной из центральных в современном социально-философском дискурсе. «Все науки заранее должны приготовить задачу философа будущего, состоящую в том, чтобы разрешить проблему ценностей и установить иерархию ценностей» – утверждал Ф. Ницше.

Впервые вопрос о ценностях был поставлен Сократом, сделавшим его центральным пунктом своей философии и сформулировавшим его в виде вопроса о том, что есть благо. Благо есть реализованная ценность – полезность. Аристотель в своем произведении «Большая этика» впервые вводит термин «ценимое» («тимиа»). Понятие ценности как категории впервые вводит Р. Г. Лотце в работе «Основания практической философии», рассматривая ценность в качестве «значимости» для субъекта. И. Кант рассматривал понятие ценности в качестве требований, обращенных к воле; В. Виндельбанд и Г. Риккерт сопоставляют ценность с идеальным бытием, связанным с трансцендентным, «чистым» сознанием. Р. Б. Перри, Дж. Дьюи, К. И. Льюис, А. Мейнонг видели источник ценностей в биопсихологически интерпретированных потребностях человека; М. Шелер и Н. Гартман сопоставляли определенный тип личности соответствующей ей иерархии

ценностей, образующей онтологическую основу личности; В. Дильтей, А. Тойнби, О. Шпенглер, П. Сорокин проповедовали идею аксиологического плюрализма; М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Знанецкий рассматривали понятие ценностей в соотношении с нормой.

Системный анализ проблемы соотношения ценностей, оценок и норм начали неокантианцы. Большой вклад в разделение понятий ценностей и оценок принадлежит В. Виндельбанду, Г. Риккету, Г. Мюнстербергу. Э. Дюркгейм в своих исследованиях также приходит к выводу, что ценность не тождественна оценке. Проблема значимости и смысла, а, следовательно, ценности и оценки, выступает одной из центральных в феноменологии Э. Гуссерля. М. Хайдеггер утверждал, что любая оценка предполагает определенную зависимость её предмета для человека. Идеи Ж.-П. Сартра близки по духу идеям М. Хайдеггера. Ж.-П. Сартр считает, что оценивание само по себе является источником отчуждения в обществе. Нетождественность ценности и оценки исследуют В. П. Тугаринов, Н. Л. Худякова.

Изучением ценностных оснований нравственного поведения личности занимались отечественные мыслители Н. Бердяев, И. Ильин, Н. Лосский, В. Соловьев, С. Франк. Проблему классификации ценностей исследовали М. Рокич, А. Маслоу, Ш. Шварц и У. Билски, В.Ф. Сержантов, В. П. Тугаринов, Д. А. Леонтьев, Н. Гартман.

Различные аспекты ценностных составляющих личности исследовались М. М. Бахтиным, Н. О. Лосским, В. П. Тугариновым, В. А. Васильевым, О. Г. Дробницким, А. А. Ивиным, Г. П. Выжлецовым, М. С. Каганом, В. И. Плотниковым, А.В. Меренковым, Л.А. Мясниковой, Н. С. Розовым, А. Б. Невелевым, Н. Л. Худяковой, Е.А. Куштым и др.

А. А. Тараданов в своем исследовании логики социальной области ценностей определяет в границах добродетели и порока, при этом добродетель определена как гармония-мера добра и зла, а порок – как их дисгармония (чрезмерность того или другого).

Я. А. Коменский, Дж. Локк, В. А. Сухомлинский в своих исследованиях делали акцент на воспитании чести и достоинства личности посредством наглядного примера – педагога, наставника, воплощающего идеал для подражания.

Формирование духовной культуры личности военнослужащих, чести и достоинства, здорового патриотизма, воспитание дисциплинированности были предметом рассуждений полководцев А. В. Суворова, М. И. Драгомирова, Ф. Ф. Ушакова, М. В. Фрунзе.

Рассмотрением армии как социального института занимались Г. Спенсер, З. Фрейд, И. Гофман, П. Сорокин. Корпоративную культуру военнослужащих рассматривали А. Ракитов, Э. Свадзинский, А. Сурин, Ф. Юзефович, Л. Толстой.

Формирование личности военнослужащего в условиях армии как социального института рассматривали в своих трудах Э. Дюркгейм, З. Фрейд (армейская дисциплина), С. И. Гессен (особенности армейской иерархии), С. Н. Булгаков (влияние дисциплины и религии на личность военнослужащего), К. Маркс, Ф. Энгельс (влияние полководца на мощь армии).

Быт русской армии освещен в трудах Н. Д. Бутовского, П. П. Епифанова, А. И. Каменева, Д. Ф. Масловского. Рассмотрением этики военнослужащих занимались А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян, О. Г. Дробницкий, Е. В. Золотухина, А. П. Скрипник, Ю. А. Шрейдер.

Аспекты, связанные с изучением воинских традиций, нашли отражение в работах С. Б. Борисова, Д. А. Волкогонова, А. В. Вострикова, А. А. Зимина, А. Ю. Кривицкого, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева, О. С. Муравьевой, П. С. Стефановича, В. Д. Серых, А. С. Миловидова. В трудах Д. А. Волкогонова исследуются понятия воинской чести, воинского достоинства и долга. В трудах А. Кривицкого русское офицерство провозглашается носителем высокой воинской культуры, патриотизма.

В качестве характеристик воинских традиций автор обращается к воинской символике и ритуалам.

Вышеуказанное разнообразие идей и подходов дает основание утверждать, с одной стороны, справедливость проблемы формирования достоинства и чести в качестве ценностей личности военнослужащего как актуальной и активно обсуждаемой; с другой стороны – как имеющей проблему целостности, множественные разночтения и концептуальные расхождения по причине отсутствия решения проблемы социально-философски корректного определения центральных понятий исследуемой области социально-философского знания.

Проблему исследования задает отсутствие целостного (структурно-генетического) определения содержания основных понятий в области регуляции формирования личности военнослужащего современной российской армии, что серьезно затрудняет воспитательную и духовно-патриотическую деятельность командиров и начальников.

Основная научная гипотеза исследования: целостное (структурно-генетическое) определение содержания основных понятий в области регуляции формирования личности военнослужащего современной российской армии возможно в категориях общей аксиологии и позволяет сформулировать социально-философские основания диалектики их конкретно-исторического содержания.

Объект исследования – ценностные основания формирования личности.

Предмет исследования – регулятивы формирования личности военнослужащего современной российской армии.

Цель исследования – разработка концепции ценностных оснований формирования личности военнослужащего современной российской армии.

Для реализации данной цели решаются следующие **задачи:**

- 1) выявить существенные признаки чести и достоинства личности как регулятивов в отношениях индивидов и общества;

- 2) установить ценностное содержание регулятивной функции в отношениях индивидов и общества при формировании личности;
- 3) раскрыть диалектику ценности и нормы в становлении чести и достоинства личности;
- 4) исследовать социально-философское содержание феномена армии как социального института формирования личности военнослужащего;
- 5) раскрыть ценностные основания формирования чести личности военнослужащего армией как социальным институтом;
- 6) раскрыть диалектику конкретно-исторического содержания достоинства личности военнослужащего современной российской армии.

Научная новизна исследования.

1. Выявлены существенные признаки чести и достоинства как регулятивов формирования личности.
2. Установлено ценностное содержание регулятивной функции в отношениях индивидов и общества при формировании чести и достоинства личности.
3. Произведено разрешение парадокса ценности и оценки в диалектике нормы и ценности.
4. Исследовано социально-философское содержание феномена армии как социального института формирования личности военнослужащего.
5. Раскрыты ценностные основания формирования чести личности военнослужащего современной российской армии.
6. Раскрыта регулятивная функция достоинства в формировании личности военнослужащего современной российской армии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование личности обусловлено комплексом социальных доминант, которые, направляя формирование личности, становятся регулятивами как инструментами гармонизации отношений индивидов и общества («симфонизация личности» по Л. П. Карсавину). Наиболее

значимыми регулятивами формирования личности предстают ценностные доминанты статуса личности: ответственность и долженствование, из которых формируются такие фундаментальные ценностные регулятивы, как честь и достоинство.

Достоинство личности (человеческое достоинство) составляют добродетели следования общественному нравственному идеалу, уважения другого человека и самоуважения. Это позволяет определить *достоинство* личности как меру-гармонию в ней ценности и нормы; *недостойным* же личности являются чрезмерность ценности и нормы: самомнение (эгоцентризм) – или гипертрофированное подчинение «общественному мнению» (ритуализм).

Честь представляет собой достоинство гармонии (соразмерности) исполнения долга (принятых обязательств) и сохранения «лица» (соответствия поведения норме). А это значит, что честь (вслед за достоинством, ценностью, нормой) имеет конкретно-историческое содержание. Из диалектики долга и «лица» и происходят добродетели и пороки личности как человека чести. Диалектика долга и «лица» проявляется в одной из четырех коллизий конкретно-исторической ситуации:

- 1) «суверен» и норма остаются неизменными;
- 2) существенно изменяется «суверен», – но не меняется корпоративная норма;
- 3) существенно изменяется корпоративная норма, но не меняется «суверен»;
- 4) существенно изменяются и «суверен», и корпоративная норма.

2. Ценностные основы формирования личности представлены в аксиологии в следующих интерпретациях:

1. Ценность как желаемое.
2. Ценность как значимость (выступает в качестве идеала или цели).
3. Ценность как значение.
4. Ценность как полезность (нужная действительность).

5. Ценность как эквивалент потребностей, выраженных в стоимости.

6. Всякая ценность двойственна, включает субъективные требования человека, которые, однако, трудно отделимы от объективных требований.

Однако все ценности личности представляют собой результат субъективной оценки значимости для личности объективных метафизических и идеальных норм и феноменов действительности.

3. Норма устанавливается (= определяется) обществом в результате практической оценки тех или иных социальных явлений и отношений с позиций исторической меры их добродетельности и порочности, то есть объективно. После этого они объявляются и пропагандируются данным обществом в качестве всеобщих (идеальных) ценностей средствами религии и (или) идеологии. Отсюда, норма есть социально эффективная конкретно-историческая мера добродетели и порока.

Ценность есть индивидуально значимая конкретно-историческая мера добродетели и порока. Добродетель составляют такие качества личности, как следование высокому, истинному, справедливому, достойному, благочестивому, приоритет нравственного идеала; а порок – как следование низкому, ложному, несправедливому, недостойному, нечестивому, приоритет безнравственного идеала.

4. Формирование личности военнослужащего армией как социальным институтом есть становление её (личности) ценностями таких норм корпоративной культуры, как «честь мундира» (достоинство поведения в обществе); патриотизм («любовь к своему Отечеству, формирующая потребность в достойном, вплоть до самопожертвования, служении Родине») как достоинство гражданина; и профессионализм (глубокое овладение воинским искусством) как достоинство специалиста.

5. Честь личности военнослужащего есть достоинство профессионального исполнения воинского долга и верности присяге.

Диалектику формирования достоинства военнослужащего образуют коллизии: профессионального воинского служения «общественному благу» –

и верности присяге как личного убеждения; профессионального воинского служения «общественному благу» – и карьеризма; профессионального воинского служения «общественному благу» – и фатализма; верности присяге как личного убеждения – и карьеризма; верности присяге как личного убеждения – и фатализма.

6. Достоинство военнослужащего есть добродетель, в которой «метафизическое», «высокое» и «истинное» представляет соразмерность (гармония) профессионального воинского служения «общественному благу» и верности присяге как личного убеждения; а порочность (дисгармонию) – карьеризм – или фатализм.

Теоретическая значимость работы состоит:

– в уточнении и конкретизации регулятивных функций чести, достоинства, ценностей и норм в формировании личности военнослужащего посредством обоснования и введения в научный оборот выработанных в ходе исследования конкретизированных определений указанных понятий;

– в раскрытии диалектики социальных отношений, воздействующих на процесс нормативной и ценностной трансформации понятий достоинства и чести в военной среде вообще и в условиях современной российской армии в частности;

– в концептуализации основных направлений совершенствования процесса формирования личности современного российского военнослужащего с опорой на такие ценностные основания этого процесса, как честь и достоинство.

Практическая значимость исследования состоит в социально-философском обосновании мероприятий по формированию чести и достоинстве военнослужащего, без чего невозможно решение вопросов повышения уровня боеспособности современной российской армии. Результаты исследования могут быть включены в учебные курсы по онтологии, социальной философии, аксиологии.

Теоретическая достоверность полученных данных обеспечивается опорой на классические социально-философские и философские исследования проблем аксиологии. Философские положения работы опираются на следующие идеи и концепции: Д. Юм (человеку важно осознавать собственное достоинство), Ш. Монтескье (достоинство невозможно без свободы; честь лежит в основе разделения властей), Ж.-Ж. Руссо (отказаться от свободы – отказаться от своего достоинства), Т. Гоббс (достоинство зависит от способностей и добродетелей), И. Кант (достоинство есть абсолютная действительная ценность), С. Франк (достоинство в первооснове существования человека), А. Шопенгауэр (всякая честь обоснована), И. Экштейн (честь как совесть (внутренняя честь) и честь как репутация (внешняя честь)).

В рамках аксиологических исследований проблемы чести и достоинства затрагиваются в работах Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова, О. Г. Дробницкого, Ю. А. Шрейдера (честь и достоинство как высшие человеческие ценности). Авторские аксиологические концепции представлены М. М. Бахтиным, Н. О. Лосским, В. П. Тугариновым, В. А. Васильевым, О. Г. Дробницким, А. А. Ивиным, Г. П. Выжлецовым, М. С. Каганом, В. И. Плотниковым, Н. С. Розовым, А. Б. Невелевым и др.

Эмпирическая база диссертации представлена авторитетными трудами философов, историков, психологов и педагогов, а также первоисточниками, так или иначе связанными со становлением чести и достоинства военнослужащих – «Инструкция господам ротным командирам» В. У. Воронцова (1796 г.); свод рекомендаций «Юности честное зеркало...» (1771 г.), подготовленный по поручению Петра Первого; «Правила учтивости и благопристойности» (1819 г.); «Советы молодому офицеру» В. М. Кульчицкого (1915 г.).

Теоретико-методологическая база исследования. Методология исследования опирается на структурно-генетический подход, сформулированный в его принципиальных положениях И. Г. Фихте,

Г. В. Ф. Гегелем, К. Марксом и др., а также с учетом регулятивно-ценностного аспекта, углубленного впоследствии отечественными исследователями (Э. В. Ильенковым, А. Н. Леонтьевым, В. И. Плотниковым, Н. Л. Худяковой, А. А. Тарадановым и др.).

Определенные аспекты проблемы изучались с применением диалектической методологии (принцип развития, принцип взаимодополнительности противоположностей, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, принцип всесторонности рассмотрения предмета). При исследовании воинского достоинства и воинской чести как аксиологических ценностей использовался метод аксиологического анализа, а также культурно-исторический анализ. Кроме этого, были использованы методы семантического и этимологического анализа понятия чести и достоинства и военнослужащего.

Степень достоверности, апробации и использования результатов диссертационного исследования

Теоретической и методологический анализ трудов зарубежных и отечественных авторов, посвященный исследуемой проблеме, позволил придать достоверный характер концептуальным положениям и основным теоретическим выводам исследования. При решении поставленных задач, ориентированных на достижение цели исследования, был применен методологический инструментарий, обеспечивающий проверку полученных результатов.

Результаты исследования отражены в пяти публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в выступлениях автора на международных научно-практических конференциях: «Система ценностей современного общества» (г. Новосибирск, 2016), «Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований» (г. Новосибирск, 2016), «Научные преобразования в эпоху глобализации» (г. Екатеринбург, 2016), «Актуальные вопросы общественных наук: социология,

политология, философия, история» (г. Новосибирск, 2016), «Роль инноваций в трансформации современной науки» (г. Волгоград, 2016), «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории» (г. Москва, 2016); II Международного научно-практического конкурса (г. Пенза, 2016).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (шести параграфов), заключения, списка литературы, включающего 231 наименование. Содержание диссертации изложено на 169 страницах текста, библиография занимает 19 страниц.

Глава 1. ЦЕННОСТНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

1.1. Регулятивы формирования личности: честь и достоинство

Понятие личности является сложным и многогранным. Г. Олпорт выделяет около пятидесяти различных толкований данного понятия, отмечая, что каждое определение личности в научной литературе подкреплено фундаментальными экспериментальными исследованиями и обоснованиями. [126, с. 121]. Сам Г. Олпорт трактует личность как динамическую организацию психофизических систем индивида, обуславливающую его поведение и мышление [там же, с. 31].

А. Ферхнем, П. Хейвен указывают, что среди всех определений следует учесть общие тенденции, повторяющиеся в данных определениях:

- уникальность каждого человека;
- поведенческие черты личности влияют на социальное поведение;
- личностные характеристики относительно устойчивы во времени;
- для понимания личности её нужно анализировать целостно, выделяя при этом её специфические и фундаментальные составляющие [186, с. 97].

Э. В. Ильенков в своем труде «С чего начинается личность» утверждает, что личность («Я», оно же «душа») с самого начала приравнивается к единичному самосознанию. Более того, между тем и другим ставится знак равенства, а еще точнее тождества. Личность не мыслится ни в какой другой форме существования, кроме единичного самосознания, то есть в форме «внутреннего состояния» отдельного лица [68, с. 40].

Р. С. Немов указывает, что личностью является человек, взятый в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных по природе связях и отношениях, являются устойчивыми характеристиками. А. Н. Леонтьев указывает на то, что нервная система хоть и составляет предпосылку развития личности, но не является тем «скелетом», на котором личность «надстраивается».

По К. Обуховскому, личностью является общественная, исторически обусловленная организация психологических свойств человека, знание которой позволяет объяснить и прогнозировать его действия [127, с. 271].

В. С. Соловьев определяет личность как внутреннее определение единичного существа в его самостоятельности, как обладающего разумом, волей и своеобразным характером при единстве самосознания. В своих трудах В. С. Соловьев уделял особое внимание взаимосвязи личности и общества: «бесконечное содержание, потенциально заключающееся в личности, действительно осуществляется в обществе, которое есть расширенная, или восполненная личность, так же как личность есть сосредоточенное или сжатое общество» [51, с. 341].

Формирование личности, по В. С. Соловьеву, есть возможность для осуществления неограниченной действительности. Положение о бесконечности человеческой личности, по мнению В. С. Соловьева, есть аксиома нравственной философии [там же, с. 340].

В изучение проблем личности большой вклад внесен российскими исследователями. И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Г. И. Челпанов видели цель объективной науки в том, чтобы научиться формировать таких людей, которые «в своих действиях руководствуются только высокими нравственными мотивами, правдой, любовью к человеку, снисходительностью к его слабостям и остаются верными своим убеждениям, наперекор требованиям всех естественных инстинктов» [там же, с. 330]. Г. И. Челпанов в своих исследованиях развивает мысль о том, что внутреннее «я» личности по своему существу является «социальным Я». Единственный способ познания в этом случае – метод чувствования, т. е. пропустить через себя, пережить самому. В результате получается, что познание личности есть акт самопознания [там же].

А. Ф. Лазурский в «Классификации личности» развивает принцип активного приспособления человеческой личности к окружающей его среде,

где под «средой» подразумевается не только природа, вещи, но и моральные ценности, духовные блага.

Понятие личности у Л. П. Карсавина строится на его концепции «симфонической личности». Под «симфонической личностью» понимается надындивидуальное образование, охватывающее личность, окружающее ее бытие и всеединство. Симфонические личности образуют иерархические структуры [79, с. 19].

У Д. Н. Узнадзе понятие личности основывается на понятиях установки, которые являются механизмом регулирования поведения и определяют его направленность. В своей концепции автор подчеркивает, что поведение личности может быть двух типов: регулируемое и импульсивное. Импульсивное поведение представляет собой поведение, при котором его направленность задается установкой при взаимодействии потребностей личности и ситуации. Регулятивное поведение представляет собой наивысший уровень развития личности, при котором личность не поддается импульсу, а выстраивает свои поступки таким образом, при котором осознает всю ответственность за свои действия [184, с. 41].

Д. Н. Узнадзе активно использует понятие ответственности, благодаря которой личность выступает в качестве субъекта воли. В этом смысле волевое поведение личности представляет собой способность к подчинению своей активности в объективной необходимости. Концепция Узнадзе нашла отражение в трудах грузинских исследователей В. Г. Норакидзе, А. С. Прангишвили, Н. И. Сарджвеладзе, Ш. А. Надирашвили, Г. И. Цинцадзе и др. [там же, с. 28].

М. М. Бахтин, развивая мысль о неповторимости человека, так же особо выделяет такую черту личности как фактора её становления, как ответственность: «Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг [в] друга в единстве вины и ответственности» [12, с. 8].

При этом автор утверждает, что ответственность первична по отношению к рациональности и долженствованию, поскольку она есть нечто автономное и перводанное, в отличие от долженствования, в котором имеется привнесенное извне. В своей концепции М. М. Бахтин напрямую связывает ответственность и поступок. Причем автором выделяется ответственность двух видов: «специальная ответственность» и «нравственная ответственность». Первая имеет в своем основании ответственность акта за свое содержание, вторая – за свое бытие [13, с. 24].

Долженствование автор рассматривает как специфическую личностную форму осознания своего поступка, своей ответственности. Обращаясь к данной тематике, М. М. Бахтин усматривает тот факт, что для рассмотрения философии поступка необходимо обращается к ценностному подходу [12, с. 25].

В концепции М. М. Бахтина уделяется значительное внимание ответственности, но ничего не говорится о свободе. Этот парадокс можно объяснить тем, что рассмотрение самой идеи ответственности является сравнительно поздней в социальной философии (здесь стоит вспомнить Спинозу, у которого уделяется значительное внимание свободе нравственной, как свободе, даруемой разумом, но не онтологической свободе воли, и совсем не рассматривается ответственность) [163, с. 389].

Развивая концепцию свободы личности, Ганс Йонас обошёлся практически без обращения к свободе. Его мысль заключалась в том, что он как бы «разделил» саму ответственность в двух направлениях: ответственность как «каузальное вменение совершенных деяний», которую, свою очередь, поделил на нравственную и правовую, и ответственность «за подлежащее исполнение», которую он назвал «долгом силы». Именно за вторым видом ответственности автор видел будущее.

Среди условий ответственности личности можно выделить следующие:

1. Рациональная природа человека, которая выражает познавательное стремление к самопознанию и познанию окружающего мира;

2. Вовлеченность личности в социальные практики, проявляющаяся в соблюдении норм правил, этикета;

3. Коммуникативный характер социальной реальности, подразумевающий многообразие взглядов и мнений.

Феномен ответственности личности представляет собой особое отношение между поступками и намерениями, а также оценками данных действий другими людьми и обществом. Таким образом, логически ответственность представляет собой многослойное отношение между агентом, его намерениями и поступком и оценками [97, с. 201].

П. П. Блонский, развивая тему личности, указывает на то, что формирование личности должно являться главной целью общества, а развитие гуманистических отношений должно выходить на первый план [22, с. 54].

Л. С. Выготский в своих трудах также определяет личность как социальное понятие, «строящееся на основе того, что ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы приспособления, которые он применяет к другим. Вот почему можно сказать, что личность есть социальное в нас» [38, с. 63].

Тема личности и её становления нашла отражение в трудах Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна. Концепция иерархической структуры личности Б. Г. Ананьева говорит о том, что для формирования личности исходным моментом являются статус личности и статус общности, в которой формируется данная личность. В основе ценностей и ценностных ориентаций, общественных ролей и функций лежит статус личности. Согласно концепции Б. Г. Ананьева, статус и ценностные ориентации является первичными свойствами личности, и определяют поведение, а также структуру общественного поведения, т.е. вторичные личностные свойства.

В 30-е годы XX века С. Л. Рубинштейном был заложен принцип единства сознания и деятельности, согласно которому психика и сознание проявляются в деятельности, но при этом они не являются самостоятельными образованиями, наоборот, они образуют целое, тождество [147, с. 97].

Согласно С. Л. Рубинштейну, деятельность не есть совокупность рефлекторных и импульсивных реакций, она регулируется сознанием, и благодаря ему раскрывается. В свою очередь сознание раскрывается благодаря деятельности [там же, с. 66].

Теория С. Л. Рубинштейна подверглась критике со стороны А. Н. Леонтьева, который, в свою очередь, высказал предположение о том, что психика и сознание уже встроены в саму деятельность и неразрывны с ней. В свои труды А. Н. Леонтьев создал общую теорию деятельности, которая обрела фундаментальный статус в отечественной науке. Среди его трудов особо отличается труд «Деятельность. Сознание. Личность», в котором ученый раскрывает базовые понятия о том, что целью деятельности является удовлетворение предметных потребностей личности; в свою очередь предметные потребности определяются как внутренние состояния организма; благодаря развитию деятельности происходит психическое отражение реальности; благодаря деятельности происходит воплощение психических образов в объективно-предметную форму; в каждом возрасте у личности есть ведущая деятельность (данный постулат послужил основой для теории Д. Б. Эльконина о периодизации психического развития ребенка) [96, с. 55]. Здесь стоит учесть следующий нюанс: необходимо разводить понятия «деятельность» и «труд». Данный вопрос поднимается в трудах К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинского. Ученые делают акцент на том, что деятельность имеет творческий характер, а труд может быть принудительным и нетворческим [3, с. 198].

Развивая субъектно-деятельностный подход в трудах Рубинштейна, психолог и философ К. А. Абульханова-Славская высказывает мысль о том, что в тождестве сознания и деятельности реализуется субъектный подход, и в данную формулу сознания и деятельности вводится третий член – субъект, образуя, тем самым подход, обращенный в новую парадигму построения психологии личности [1, с. 166].

В трудах К. А. Абульхановой-Славской деятельность представлена как активность, а сам субъектно-деятельностный подход становится активно-субъектным. В данной концепции активность выступает в роли главного объекта исследования как атрибута личности, а формами её проявления выступают инициатива и ответственность. Таким образом, активность представляет собой системное качество личности, включающее различные направленности, накопленный опыт и стратегии личности [там же, с. 225].

Б. С. Братусь утверждает, что личность есть системное образование, и для её формирования необходим принцип деятельностного опосредования. Его суть заключается в производности личностных образований при воспитании и образовании за рамки данных образований в мир деятельности, их опосредующий. В результате, через бытие личности происходит присвоение культуры [28, с. 104].

Б. С. Братусь выделяет два типа активности личности: активность присвоения и активность отдачи. Первый тип способствует образованию новой определенной позиции, присвоению, второй тип «обнаруживает себя через проникающее, «радиационное» влияние на других». Данное соотношение может быть существенно разным в силу того, что личность может выявлять в себе какие – то моменты как одной активности, так и другой. Таким образом, данная активность есть «несомненный признак личностного здоровья» [там же, с. 107].

Если в концепции К. А. Абульхановой-Славской активность формирует личность, то в концепции А. Н. Леонтьева говорится об активности данной позиции в самоопределении личности, что и составляет его сущность [95, с. 85]. А. Н. Леонтьев в рамках своей концепции выделяет два вида мотивов: мотивы-стимулы, т. е. стимулирующие мотивы, но лишённые смыслообразующей функции, и мотивы-цели, т. е. смыслообразующие мотивы, тоже побуждающие, но придающие смысл. Именно иерархия данных мотивов образует мотивационную сферу личности.

А. Н. Леонтьев выделяет следующие параметры личности:

- 1) связь человека с окружающим миром благодаря деятельности;
- 2) иерархия данных связей (преобразованные в иерархию системообразующие мотивы-цели);
- 3) общая структура данных связей (мотивов-целей).

Таким образом, согласно А. Н. Леонтьеву, процесс формирования личности, является процессом становления связной системы личностных смыслов [там же, с. 96].

В различных личностных концепциях исходными позициями выступают: отношения личности (В. Н. Мясищев), внутренняя позиция (Л. И. Божович), установки личности (Д. Н. Узнадзе), ценностные ориентации (А. В. Петровский), направленность личности (К. К. Платонов), диспозиция личности (В. А. Ядов), динамическая организация сущностных сил человека (А. С. Прангишвили) и т. д.

Формирование личности как человека чести также сопровождает все развитие социальной философии. Уже Платон в «Горгии» возносит на пьедестал понятия чести в жизни человека, и повествует, что при «Кроне был закон, – он сохраняется у богов до сего дня, – чтобы тот из людей, кто проживает жизнь в благочестии, удалялся после смертных на острова блаженных и там обитал, неизменно счастливый, вдали от всех зол, а кто жил несправедливо, чтобы уходил в место кары и возмездия, в темницу, которую называют Тартаром» [131, с. 496].

На Востоке (особенно в Японии) синонимом личности, «лицом» человека является честь, которая изначально имеет большее значение, нежели в других культурах, поскольку личность воспринимается не самостоятельно, а как часть социума. Вследствие этого, мнение других людей очень важно для носителей восточной культуры, а особенно для воинов-самураев [136].

В «Новой философской энциклопедии» важнейшим качеством личности называется достоинство, под которым понимается «характеристика человека с точки зрения его внутренней ценности, соответствия собственному предназначению» [124]. В ранних представлениях достоинство связывалось с

социальным статусом человека и его положением в обществе. В дальнейшем понятия о достоинстве трансформировались, и в посттрадиционных обществах под достоинством начали понимать внутренне благородство человека, независимое от его социального статуса и происхождения. Самоценность достоинства заключается в том, что оно не имеет эквивалента, в отличие от цены. Различия в толкованиях данного понятия свидетельствуют о том, что под достоинством (в отличие от заслуги) понимается не только оценочное, но и императивное понятие: человеку предписывается быть достойным [там же].

С точки зрения субъективности достоинство как чувство самоуважения заключается в ощущении человеком собственной значимости, основанное на том, что личность обладает рациональным жизненным планом, уверенностью в собственных способностях и понимает, что его дела одобряются («по достоинству оценены») уважаемыми им людьми (Дж. Ролз) [там же].

Опираясь на библиографический метод, использующийся в методиках П. Ржичана и Н. А. Логиновой, Е. И. Головахи и А. А. Кроника, возникла наука акмеология, исследующая личность и этапы профессионального становления. Главный мотив исследователей звучит следующим образом: личность становится личностью в результате своих поступков как актов поведения и деятельности, и принимая за них ответственность [7, с. 57].

Таким образом, личность – это понятие, выработанное для отображения социальной природы человека, рассмотрения его как субъекта социокультурной жизни, определения его как носителя индивидуального начала, самораскрывающегося в контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности [2, с. 97]. Личность есть соотношение её психологических и социальных контекстов, единство психологической структуры и социального бытия. Личность социальна, потому как её роли и самопознание есть продукт общественного развития. Поэтому понятие личности является ключевым понятием в таких науках, как социальная философия, социология, психология. Личность – целостность социальных

свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения [123, с. 196].

Формирование личности социально детерминировано. Эта детерминированность обусловлена комплексом социальных доминант, существующих в форме устойчивых, общественных по природе связей и отношений. Указанные доминанты, направляя формирование личности, становятся регулятивами как элементами механизма гармонизации отношений индивидов и общества («симфонизации личности» по Л. П. Карсавину).

В составе наиболее значимых регулятивов формирования личности называются ценностные доминанты статуса личности: ответственность и долженствование, из которых формируются такие фундаментальные ценностные регулятивы, как честь и достоинство.

Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка» начинается с эпитафии «береги честь смолоду», который является сокращенным вариантом русской пословицы «береги платье снову, а честь смолоду» [137, с. 213]. Проблема чести в понимании А. С. Пушкина, нуждалась в пояснении. В одной из заметок, посвященных размышлениям о дворянстве, А. С. Пушкин писал: «Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так, но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. – Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они охрана трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества» [там же, с. 93]. По А. Пушкину, честь есть основа нравственного кодекса людей независимо от их класса – будь то дворянин или крестьянин. На развитие главных личностных черт оказывает влияние «образ жизни»- у крестьян нет времени и возможности развивать их; а чиновничья, помещичья и военная деятельность душит эти качества. Поэт приходит к выводу, что формирование нравственных качеств личности закладывается уже в юном возрасте.

Ещё Аристотель полагал, что честь есть в ряду внешних благ самое большое, но честь не есть у него высшее благо. Она имеет значение большого блага потому, что дает человеку сознание своего превосходства, а это последнее следует, в сущности, ценить больше, чем честь. В «Риторике» Аристотель утверждает, что ценность благ соотносится с категорией цели: во – первых, ценнее то, что ближе к цели; во-вторых, из двух благ ценнее будет то, что является ценным не только для меня, но и «вообще» [10, с. 41]. Так, уже в текстах Аристотеля начинает прослеживаться аксиологическая терминология, дифференцированная от агатоногической (от «to agaton» – в пер. с древнегреч. – добро, благо). Цицерон полагал, что в основе всякой обязанности должно лежать стремление к нравственно-прекрасному («τὸ καλόν»). В «Трактате об обязанностях» Цицерон использует понятие *honestum* («нравственно-прекрасное») как мере и конечной цели всех поступков (Об обяз., I, 14) [196, с. 513].

Честь находится в основе Бусидо – неписаного кодекса поведения самурая, который представлял собой свод норм и правил «идеального» воина. Бусидо означает «путь самурая» («буси» – воин, самурай; «до» – путь, способ, средство). Таким образом, бусидо есть самурайская мораль, этический кодекс или добродетель [136]. Рут Бенедикт, антрополог, в своей книге «Хризантема и меч» определяет японскую мораль как мораль стыда. Самурай постоянно помнит своих врагов. Чтобы защитить свою честь, самурай должен постоянно спрашивать себя: «Не опозорю ли я себя перед врагами? Не будут ли враги презирать меня?». Враг становится совестью самурая, которая никогда не спит [86, с. 34].

В древнерусской литературе Л. А. Черная выделяет «три основные группы значений» понятия «честь»: честь как достоинство человека; честь как слава (в особенности воинская); а также честь как святость [199, с. 56]. Как отмечал Е. С. Иванов, анализ древнерусских источников «Слова о Полку Игореве» дает возможность считать, что первоначальным значением слова «честь» в дружинной среде была военная добыча: в походе дружина ищет

«себе чести», находят же они драгоценности, золото, рабынь. Русские дружинники в «Слове о Полку Игореве» «рыщут по полю как серые волки, ища себе чести, а своему князю – славы» [80, с. 88]. Вместе с тем, данные ценности имели значение не сами по себе (после раздела добычи от нее фактически сразу же избавлялись), а в силу тех отношений, которые за ними стояли [199, с. 82]. Связь чести с вассальными отношениями отчетливо прослеживается и в русских источниках. Честь неизменно связывается с актом обмена, требующим материального знака, с некоторой взаимностью социальных отношений, дающих право на уважение и общественную ценность [77, с. 117].

А. Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» выделяет среди людей следующие типы отношений: имущественные, служебные обязанности и отношение полов. Данным типам отношений соответствуют гражданская, служебная и половая честь. По А. Шопенгауэру, гражданская честь есть уважение прав каждого человека. Служебная честь, есть уважение к профессии и коллегам. Среди подвигов служебной чести А. Шопенгауэр выделяет честь учителя, врача, адвоката, ученого, чиновника, то честь общественных деятелей. В этот же ряд Шопенгауэр относит и истинную воинскую честь, которая состоит в том, что военный служащий должен обладать храбростью, готовностью защищать Родину «и ни в коем случае не покидать знамени, которому он присягал» [205, с. 51]. А. Шопенгауэр утверждает, что всякая честь обоснована, по крайней мере, из соображения целесообразности. Половую честь А. Шопенгауэр подразделяет на женскую и мужскую, причем первую он считает важнее «так как в жизни женщины половые отношения играют главную роль» [там же, с. 52]. Данные виды чести и её принципы, действуют у всех народов и во все времена, иногда (в зависимости от места и времени) видоизменяется принцип женской чести [там же, с. 52].

Толковый словарь В. Даля дает следующее определение: «Честь – внутреннее, нравственное достоинство человека, доблесть, честность,

благородство души и чистая совесть (человек, незапятнанной чести); заверенье, утвержденье (поступок, несовместимый с честью); высокое звание, сан, чин, должность (и временщик он, да высоко стоит, в чести); внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтенье, чествование, изъявление уважения, признание чьего превосходства (несть пророк без чести, токмо в отечестве своем)» [54, с. 181].

Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова трактует понятие чести личности как «моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих)» [175, с. 951].

Словарь С. И. Ожегова определяет честь личности как «Достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя; Целомудрие, непорочность; Почёт, уважение» [174, с. 512].

В результате, честь может иметь как личное значение (достоинство; целомудрие; занимаемая должность в определенном коллективе и обществе), так и социальное (коллективное самоопределение какой-либо группы или социального класса). Но данные значения чести как «личного» или «социального» не носят точный характер; они находятся в пограничном состоянии, благодаря чему «личное» и «социальное» вытекают одно из другого, вступая во взаимодействие и постепенно сливаясь воедино.

Немецкий философ XIX века И. Экштейн в своей книге «Честь в философии и праве» рассматривает понятие чести личности в двух направлениях: честь как духовное «я» человека, то есть внутреннюю честь, и честь как оценку личности, то есть внешнюю честь. При этом он утверждает, что внутренняя честь и внешняя честь абсолютно между собой не связаны [208, с. 28]. Определения понятия внутренней чести И. Экштейн сводит к двум категориям и их авторов. «В первой группе находятся те, которые приводят в теснейшее соприкосновение внутреннюю честь с общественным мнением, т. е. с внешней честью. Ко второй группе принадлежат те, которые оставляют

вполне в стороне общественное мнение и внешнюю честь, но в своих рассуждениях, построениях и выводах удивительным образом вновь возвращаются к ней» [там же, с. 29]. К первой группе И. Экштейн относит А. Шопенгуэра, Кэстлина, Вольберга.

–А. Шопенгуэр: честь—это «...мнение других о нашей цене; субъективно честь представляет наш страх перед этим мнением других» [там же, с. 34];

– Кэстлин: «Честь есть идеальная квинтэссенция понятия личности; она есть отраженное от сознания других собственное осознание о цене, какую представляет личность» [там же];

–Вольберг: «Честь есть нравственно-общественное понятие, которое мы можем охарактеризовать как особое моральное значение человека, так сказать его все, находящий себе выражение в проявляющимся о нем мнении других» [там же].

Высказывания авторов подчеркивают внешнюю сторону чести, которая более соотносится с понятием репутации (внешней оценке). Философские основания проблемы репутации находят отражение как в работах классиков, так и в работах современных авторов. Особый вклад в понятие репутации внесли работы П. Бергера, С. Н. Булгакова, П. Бурдые, М. Вебера, В. И. Вернадского, Г. Гегеля, Т. Парсонса, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса и др.

Т. Лоусон и Д. Гэррод в своем справочнике прослеживают прямую связь между такими понятиями как репутация и честь (honour): «репутация (honour) термин, отражающий положение индивида в обществе, а также обозначающий субъективное чувство уважения, возникающее в связи с таким положением. Социальная репутация является важной характеристикой во многих обществах, поскольку связана с представлениями о соответствующем поведении и уважением группы по отношению к ее обладателю» [101, с. 113].

Ко второй группе И. Экштейн относит Вольтера, Офингейма, Гофмана, Шталя: честь есть состояние безупречного нравственного достоинства (Вольтер) [208, с. 35]; человеку свободному не от кого ждать личной себе чести: только он сам может приобрести её себе (Офингейм) [там же];

внутренняя честь есть сознание собственной своей цены, вытекающее из нравственной непорочности (Гофман) [там же]; честь есть сознание человека о своем собственном достоинстве, сознание о себе, как о лице (Шталь) [там же].

Вышеуказанные позиции подчеркивают внутреннюю сторону чести, которая более соотносится с понятием совести личности. Совесть является «зеркалом» понимания человеком чести и достоинства. А. Шопенгауэр замечает, что «честь – это внешняя совесть, а совесть – внутренняя честь» [там же, с. 28]. Совесть определяет поведение и жизнь человека в целом. Эту мысль В. Франкл выразил следующим положением: «...совесть принадлежит к числу специфически человеческих проявлений, и даже более чем специфически человеческих, ибо она является неотъемлемой составной частью условий человеческого существования» [188, с. 84]. Собственное достоинство человека, наряду с совестью и честью, позволяет ему осознавать ответственность перед собой как личностью. Таким образом, в данных определениях честь личности выступает как ценность.

М. М. Сперанский представляет честь личности как внутреннее чувство нравственного закона, которое заставляет защищать добрую волю и истинное достоинство [162, с. 60]. Рассуждая о чести, М. М. Сперанский пишет: «...непрестанные связи нужд и пользы заставляют нас искать доверия других и доброго их мнения. Сие мнение есть честь. Побудительная сила, отсюда возникающая, суть двояка: награда и наказание. Награда состоит в одобрении и доверии и во всех выгодах, от сего проистекающих; наказание – в бесчестии и подозрении, со всеми вредными для нас их последствиями» [там же, с. 226].

Размышляя на тему чести, М. М. Сперанский утверждает, что на честь оказывает влияние совесть: «Внутреннее наше сознание о достоинстве наших деяний пользе их для нас и для других – сознание, независимое от мнения других, – есть совесть» [там же]. Развивая тему совести, Сперанский приходит к следующим выводам:

- 1) сила совести есть сила Религии;

2) чем возвышеннее чувство Религии, чем чище ее понятия, тем действительнее сила совести;

3) без Религии суд совести есть мнение, но не сила [там же, с. 238].

Ф. Маурер, подобно И. Экштейну, выделяет два аспекта чести: внешний и внутренний аспекты. Внешний аспект заключается в том, что человек видит себя как бы со стороны, стремится к уважению и почету. Внутренний аспект чести заключается в чистоте мыслей и разума [208, с. 136].

Честь может быть даже связана с сакральной и политической властью. Истинная честь личности может быть понята как суть того, что дано ему Богом, или временными правителями, являющимися посланниками Господа на земле. Экономический статус, гендер, социальная роль и политическая позиция – все это видоизменяло определение чести и почти повсеместно, как кажется, стандарты честного поведения для женщин отличались от стандартов для мужчин [26, с. 108].

Ш. Монтескье в трактате «О духе законов» различает три основные формы правления, существующие в истории: республика, монархия и тирания. Каждая форма правления обладает специфическими чертами. Республиканская форма правления осуществляется с помощью «virtus» – добродетелей, гражданских прав, достоинств, существовавших в Древнем Риме. Если данными правами обладает все население страны, то формой правления является демократия. Если данные права принадлежат только определенному слою населения, то формой правления является аристократия. Монархия (в отличие от демократии и аристократии) правит при мощи чести как особым качеством и достоинством знати. Тирания правит при помощи страха [116, с. 31]. Таким образом, Ш. Монтескье выдвинул честь как важнейший принцип существования монархии. Его утверждение о том, что честь – основа монархии, в то время как страх – признак деспотии, побудило русских дворян ускорить ассимиляцию идеи дворянской чести, чтобы

отличить себя от несчастных жителей деспотических государств [там же, с. 94].

Г. В. Ф. Гегель указывал на объективность чести. В «Философии духа», рассматривая триаду «честь-свобода-государство», он пишет о чести: «В государстве гражданин получает причитающуюся ему честь благодаря должности, на которую он поставлен, благодаря профессии, которой он занимается, и благодаря любой другой своей трудовой деятельности. Его честь получает вследствие этого субстанциональное, общее, объективное, независимое содержание» [50, с. 184].

Г. В. Ф. Гегель, вопреки И. Канту, особо отметил тот факт, что государство держится не на обязанности, а на чести. Если человек теряет право на самостоятельное обеспечение своего существования благодаря его трудовой деятельности, то он теряет честь. Одной из целей гражданского общества является забота о чести своих граждан. Именно независимость государства делает честь своему народу [47, с. 199].

Джулиан Питт-Риверс выделил «сложность» чести, тот факт, что она одновременно может иметь различное значение в отношении общества и индивидов. Рассматривая некоторые из этих значений от личных до социальных, Питт-Риверс отметил, что честь может быть:

- 1) личным представлением о собственном достоинстве;
- 2) социально значимым свойством, таким как целомудрие;
- 3) неперсонализированным мерилom успеха, таким как должность или политический прецедент;
- 4) средством коллективного определения групп, таких как семья, род, гильдия или нация [86, с. 387].

Неопределенность трактовок чести позволяет различным субъектам социального действия и управления (государству, корпорации, организации, институту) использовать аксиологический дискурс понятия чести в своих интересах. «Урегулирование проблем чести <...> не только на психологическом уровне обеспечивает связь между идеалами общества и их

воспроизведением в действиях индивидов <...>, но на социальном уровне – между идеальным и земным порядком, утверждая реалии власти и создавая соответствующий им санкционированный порядок прецедентов» [66, с. 66]. Так как идентичность основана на определенных социальных ценностях, «социальная интеграция» достигается также, как «легитимизация установленной власти» [там же, с. 67].

Итак, в социально-философском дискурсе честь на первых этапах её исследования выступает как «благочестие», «нравственно прекрасное», «благородное поведение», «лицо», «святость», военная добыча, совесть, оценка, репутация как добросовестное следование долгу при сохранении «лица». В последующих более глубоких и полных исследованиях честь личности определяется уже как «моральное или социальное достоинство»; «достойные уважения и гордости моральные качества человека»; «сознание человека о своем собственном достоинстве». То есть, честь есть одно из достоинств личности: человек чести есть достойный человек; недостойный человек не имеет права считаться личностью. Следовательно, достоинство есть определяющее (более общее) понятие для чести.

Однако достоинствами личности являются также совесть, справедливость, смелость, здоровье, правдивость, скромность, красота, трудолюбие и многие-многие другие её составляющие. Что собой представляет честь как достоинство, каковы существенные характеристики чести, выделяющие её из состава других достоинств? Каковы те особенные достоинства личности, которые делают её человеком чести?

Вопрос о достоинстве человеческой личности, по мнению Д. Юма, разделял всех философов и поэтов, размышлявших по этому поводу. Д. Юм утверждал, что «существуют определенные секты, которые скрытно образуются в ученом мире подобно тому, как образуются фракции в мире политическом <...> и, хотя иногда эти секты не приходят к открытому разрыву, все же они придают иное направление мышлению тех, кто присоединился к какой-либо из сторон. Наиболее примечательными из сект

такого рода являются те, которые основаны на различных мнениях относительно достоинства человеческой природы; это такой вопрос, который, кажется, разделял философов и поэтов, а также теологов от начала существования мира до сегодняшнего дня. Одни превозносят наш род до небес и изображают человека как своего рода полубога, который происходит от неба и сохраняет отчетливые следы своего происхождения и родословной. Другие настаивают на темных сторонах человеческой природы и не могут обнаружить ничего, кроме тщеславия, в качестве того, в чем человек превосходит других животных, которых он так стремится презирать. Если какой-либо автор обладает талантом риторики и декламации, он обычно принимает сторону первых. Если же он склонен к иронии и насмешке, он, естественно, ударяется в противоположную крайность» [213, с. 523].

Представления о человеческом достоинстве меняются со временем. И хотя для каждой исторической эпохи определяющими становятся различные детерминанты, достоинство всегда рассматривается как важнейшая характеристика личности. Уже Цицерон утверждает: «Нет ничего мучительнее оскорбления человеческого достоинства, ничего унижительнее рабства. Человеческое достоинство и свобода свойственны нам. Будем же хранить их или умрем с достоинством» [196, с. 27]. Протагором провозглашен тезис: «человек есть мера все вещей» [123, с. 92]. Свобода для жителя Древней Греции есть главное достоинство. Потому философы школ периода эллинизма признают за рабами человеческое достоинство, а также наличие у них мудрости и наивысших моральных качеств.

В эпоху Возрождения тема человеческого достоинства становится еще более актуальной, обосновывается превосходство человека над другими существами [125, с. 92]. Именно осознание достоинства личности является основанием для его нравственного делания. «Так как вы поставлены и определены в таком высоком звании и превосходстве, что всё, что ни есть на земле, в воде и на небе, без всякого сомнения, находится в вашей верховной власти и подчинено вашему слову, позаботьтесь о добродетели!» [72, с. 117].

Фундаментальный вклад в разработку диффамации достоинства человека внес трактат «Речь о достоинстве человека» гуманиста и прогрессивного мыслителя Дж. Пико Дела Мирандола, в котором он провозглашает новое ценностное представление о достоинстве человека. Мирандола отчетливо формулирует центральную идею суверенности человека: «О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!» [130, с. 226]. Человек, по его мнению, представляет собой четвертый (и в то же время последний) мир после поднебесного, небесного и подлунного миров. Счастье человека заключается в особом синтезе, свойственном только божеству. Счастье для него есть высшее благо, это то, чего желают все, и есть начало всего. Для достижения высшего блага необходимо пройти три этапа: очищение от страстей (с помощью этики), совершенствование разума (с помощью философии и диалектики) и познании божественного (с помощью теологии) [там же].

Г. Гвинецелли, учитель Данте Алигьери, в работе «Любовь теснится в сердце благородном» высказывает предположение о том, что благородство человека заключается не в его происхождении, а в личном достоинстве [45, с. 41]. Его канцона гласит: «Al cor gentil ripara sempre amore Come alla selva augello in la verdura», что буквально переводится как «В благородном сердце всегда пребывает любовь, как в зеленеющем весной лесу – птица» [там же, с. 34].

Идеи человеческого достоинства, воплощенного в свободе, легли в основу рассуждений таких гуманистов эпохи Просвещения, как И. Кант, Ж.-Ж. Руссо, И. Фихте, Ф. Шиллер, Ш. Монтескье, Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. В. Ф. Гегель и др. Ш. Монтескье глубоко осознавал идею общечеловеческого достоинства. «Я сперва человек, а потом уж француз» [116, с. 27], – писал он. Достоинство, в его понимании, невозможно без свободы. Но свобода не есть возможность делать все что угодно, свобода есть возможность делать то, что дозволяет закон [117, с. 31].

Ж.-Ж. Руссо считал, что достоинство заложено в самой сути человека, его человеческой природе и непрременной свободе, которая воспринималась не как свобода действий, а как свобода духа: «Отказаться от своей свободы – это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от обязанностей <...>, такой отказ несовместим с человеческой природой» [148, с. 83]. Ф. Шиллер рассматривал достоинство через призму свободы, которая также понималась как свобода духа. «Господство моральной силы над инстинктами, – писал Шиллер в сочинении «О грации и достоинстве», – есть свобода духа, и выражение ее называется достоинством» [123, с. 462].

Мабли отстаивал полное равенство людей, основывая свои требования на природном равенстве все людей по их силам и способностям: «чувство равенства есть не что иное, как чувство нашего достоинства» [103, с. 21]. Философия Мабли рассматривает достоинство человека в свободном удовлетворении общего интереса, а не личного; общего блага для всех людей, а не для одной конкретной личности [там же].

Т. Гоббс в «Левиафане» говорит о том, что достоинство человека зависит от его способностей и добродетелей «и состоит в специальном даровании или способности к тому, достойным чего его считают. Эта специфическая способность обыкновенно называется пригодностью или приспособленностью» [50, с. 172]. Среди личных качеств, делающих человека достойным, Т. Гоббс выделяет повиновение власти. «Естественный закон» – стремление к самосохранению и удовлетворение личных потребностей. Естественное право, в том числе, предполагает неукоснительное повиновение власти.

Данные концепции человеческого достоинства Т. Гоббса и Дж. Локка являются классическими образцами в Новое время ранее существовавших доктрин коллективизма и индивидуализма. Представления Т. Гоббса в Новое время внесли вклад в коллективистскую доктрину о человеческом

достоинстве. Представления Дж. Локка служат теоретическим вкладом в индивидуалистическую доктрину о достоинстве [там же, с. 27].

К XX в. категория достоинства оформилась в системе прав и свобод человека и дальнейшего развития теории правового государства. В свою очередь, реализация данной концепции невозможна без прав и свобод человека. Впоследствии этот аристократизм и становится основанием (притом единственным правомерным основанием) «демократии», т. е. всеобщности высшего достоинства человека, прирожденных прав всех людей.

Заложивший в первой половине XIX в. в западноевропейских странах основы либеральной политической теории И. Бентам активно отстаивал идеи достоинства человека и утверждал, что каждый человек сам должен заботиться о себе, а не полагаться на внешнюю помощь третьих лиц [17, с. 324]. Дж. С. Милль развивал идеи человеческого достоинства в государстве в условиях демократии. Но при демократии, как указывает Милль, человеческое достоинство может подвергаться деспотизму общественного мнения, что чревато нивелированием личности, подавлением её индивидуальности [70, с. 113].

Согласно теории прометеизма в трудах Петра Боранецкого, человек обладает абсолютным достоинством. Достоинство есть основное свойство бытия. Достоинство придает ценность бытию. Рассматривая достоинство как основную категорию, П. Боранецкий считал, что без неё «...в мире все было бы аксиологично равнодушным и поэтому мертвым» [25, с. 6]. Достоинство личности возникает благодаря развитию, от которого зависит развитие всей нравственности.

Однако при всей широте дискурса понятие достоинства личности остается неопределенным. Н. А. Придворов в связи с этим отмечает, что «категория «достоинство», будучи предельно общим понятием, закрепленным в границах отраслевого и конституционного законодательства, относится к достаточно сложному и многогранному общественному явлению. Оно является чрезвычайно широким, богатым по содержанию и глубоко

диалектическим по своей природе понятием» [134, с. 124]. Автор утверждает, что идея достоинства личности и ее реализация в праве должна «стать исходным пунктом исследования положения человека в системе общественных отношений вообще и в юридической науке в частности». Исходным пунктом исследования положения человека в обществе, согласно материалистическому воззрению, как известно, служит не идея (пусть даже и правильная), а сама реальная действительность, действительные индивиды, их деятельность и материальные условия жизни [там же, с. 9], – однако попытки определить содержание понятия не делает.

По мнению В. Блюмкина, категория «достоинство» охватывает следующие значения:

- ценность человека вообще (человеческое достоинство);
- ценность определенной конкретной личности (личностное достоинство);
- ценность представителя определенной общности людей;
- ценность определенной общности людей (достоинство страны, национальное достоинство, достоинство коллектива);
- сознание и чувство собственного достоинства;
- внешнее проявление сознание своей значимости, уважения к себе (вести себя достойно);
- синоним чести [23, с. 21].

Толковый словарь под редакцией Ушакова трактует достоинство как положительное качество; необходимые моральные качества, моральная ценность человека [175, с. 87]. Несколько подобное определение достоинству дается также в философском словаре под редакцией И. Т. Фролова. В нем отмечается, что «достоинство выступает как важная сторона социальной и моральной свободы личности», а моральные представления достоинства в определенном социуме тесно связаны с совершенствованием правосознания, гражданской зрелостью людей, «реальной обеспеченностью прав человека» [173, с. 103]. С этих позиций достоинство выступает как понятие о ценности

человека в виде морального отношения индивида к самому себе, и социума к личности. Осознание собственного достоинства является формой контроля человека, на которой базируется взыскательность человека к себе. В этом плане взыскательность, исходящая от социума, приобретает форму индивидуальных (действовать так, чтобы не ронять своего достоинства). На основе вышеизложенного можно заключить, что «достоинство человека является выражением его личностной ценности» [68, с. 82].

А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян, О. Г. Дробницкий, Е. В. Золотухина-Аболина, А. П. Скрипник, Ю. А. Шрейдер обозначают человеческое достоинство как внутреннюю моральную ценность, которую представляет человек как родовое существо [8, с. 28]. О. Г. Дробницкий полагает, что достоинство есть понятие морального сознания, выражающее представление о ценности личности; категория, отражающая моральное отношение человека к самому себе и общества к индивиду. Из этого определения следует, что ценность личности обозначается в свете нравственного сознания и заключается в нравственной оценке человека собственным нравственным обликом и со стороны общества [60, с. 219].

Согласно Р. Г. Апресяну, понятие достоинства личности в общем смысле слова трактуется как «характеристика человека с точки зрения внутренней ценности, соответствия собственному предназначению и обозначает «внутреннее благородство» [9, с. 29]. Философ говорит о том, что моральное достоинство человека есть личностное качество, ценность, вмещающее в себя высокие моральные качества человека, направленные на воплощение в реальной жизни идеи высшего блага, нравственного добра. Отмечается, что нравственное совершенствование есть духовное возвышение личности, при этом «понятие совершенства получает содержательную определенность через понятие нравственного идеала» [там же].

По Р. Г. Апресяну, человеческое достоинство предполагает духовное возвышение человека посредством индивидуальных моральных усилий, теоретической моделью достоинства выступает нравственный идеал, к

которому человек должен стремиться, осуществляя свое высшее творчески созидательное предназначение [7, с. 87]. В определении человеческого достоинства на мотив совершенствования человечества с точки зрения морального Абсолюта указывает так же Ю. А. Шрейдер, который, рассматривая моральный облик человека в ситуации морального выбора, указывает на то, что высота морального абсолюта не принижает, но возвышает человека. Если я сам не способен подняться до идеала, то, по крайней мере, во мне есть нечто, ради чего мне эти идеалы даны. Из одного восхищения перед ними можно постараться не упасть слишком низко и не предать эти идеалы. Это «нечто» и обозначается понятием «человеческое достоинство» [207, с. 152].

Этимология понятия «человеческое достоинство» указывает на его неразрывную связь с духовно-нравственной ценностью личности. Анализ любой системы ценностей позволяет утверждать, что достоинство человека имеет приоритет над другими ценностями, потому как человек сам везде ищет ценность, и стремится сам познать и проявить свою индивидуальную ценность, своё личное достоинство. Достоинство – абсолютная действительная ценность. Достоинство принадлежит любому человеку независимо от его социального статуса. Достоинство выступает как понятие о ценности человека в виде морального отношения индивида к самому себе и социума к личности. Осознание собственного достоинства является формой контроля человека, на которой базируется взыскательность человека к себе. В этом плане взыскательность, исходящая от социума, приобретает форму индивидуальных (действовать так, чтобы не ронять своего достоинства). На основе вышеизложенного можно заключить, что «достоинство человека является выражением его личностной ценности» [61, с. 92].

Предшествующее изложение свидетельствует о следующем: категория достоинства выражает внутреннюю уверенность личности в собственной моральной ценности, ее моральное чувство самоуважения. С одной стороны, осознание человеком собственного достоинства является формой морального

самосознания и самоконтроля личности, на нем основывается требовательность человека к самому себе. Утверждение и поддержание своего достоинства предполагает совершение соответствующих ему нравственных поступков (или, наоборот, не позволяет человеку поступать ниже своего достоинства). С другой стороны, достоинство личности предполагает и от других людей уважения к ней, признания за ней соответствующих прав и возможностей, высокой моральной требовательности.

В результате, в основе категории достоинства лежит представление о моральном равенстве людей, кем бы они ни были и какое бы общественное положение ни занимали (Мабли). Любой человек изначально обладает достоинством. Если человек бережет свое достоинство, то это значит, что он обладает моральным самосознанием, ответственен и требователен к себе, и общество проявляет к нему уважение, признает за ним определенные права. От самого человека, его поведения зависит сохранение своего достоинства, а также и от уважительного отношения к его достоинству других людей. Уничтожение собственного достоинства и достоинства других людей относится к тяжким нравственным порокам. Помимо этого, достоинство невозможно без свободы (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллер).

Религия считает высшей и абсолютной ценностью божественное начало мира. В качестве высших ценностей выдвигаются жизнь, добро, истина, красота и достоинство [67, с. 89].

Итак, достоинство личности рассматривается в связи с понятиями «превосходство», «свобода» «высшая ценность», «важнейшая характеристика личности», «суть человека», «способности и добродетели личности», «величие», «важность» «ценность», «неотчуждаемая ценность», «величие человека, его наивысшая ценность», «моральная ценность человека», «понятие о ценности человека в виде морального отношения индивида к самому себе и социума к личности», «выражение его личностной ценности», «внутренняя моральная ценность», «представление о ценности личности», воля к господству, воля к жизни, стремление к значимости, добродетель

справедливости, «положительное качество», необходимые моральные качества, моральная ценность человека, социальной и моральной свободы личности», правосознания, гражданской зрелостью, прав человека, личностной ценности, внешнее проявление непоколебимого самоуважения, равенство, свобода духа, высшее благородство, родство с Богом, абсолютное добро, осознание человеком факта обладания нравственными и интеллектуальными качествами, «ценность человека вообще», «характеристика человека с точки зрения внутренней ценности, нравственный идеал», «абсолютная ценность», «действительная ценность».

То есть, практически все исследователи подчеркивают, что человеческое достоинство относится к категории высших ценностей. Однако к человеческим ценностям относятся также свобода, любовь, семья, престижное положение, материальный достаток, здоровье, общественное признание и многие-многие другие. Что собой представляет достоинство как ценность, каковы существенные характеристики достоинства, выделяющие его из состава других ценностей?

Это значит, что для ответа на вопрос о чести и достоинстве как ценностных регуляторах формирования личности не обойтись без исследования проблемы ценности. Особенно значимо решение проблемы корректного определения понятий чести и достоинства для социального института армии, всеобщим нормативно-регулятивным основанием которого как раз и являются честь и достоинство входящих в него индивидуумов.

1.2. Ценностное содержание чести и достоинства

Социолог и футуролог Э. Тоффлер в своем произведении «Ценности и будущее» говорил о том, что перед человечеством открыты богатые и разнообразные возможности дальнейшего развития, но какое будущее оно выберет, будет зависеть, в частности и, в конечном счете, от ценностей, которые определяют процесс принятия им решений [179, с. 51].

Вся деятельность личности регулируется набором её ценностей, определяя тем самым жизненные цели и способы их достижения. Аксиология (от греч. *axia* – ценность и *logos* – учение) – социально-философское направление, исследующее ценности, их природу, специфику, характеристики и иерархии, а также способы познания и онтологический статус ценностного мира. Впервые в научный оборот термин «ценность» введен философом П. Лами, и уже в 1904 году использовался в качестве обозначений одного из разделов философии Эдуардом фон Гартманом [209, с. 279].

Излагая взгляды стоиков, Диоген Лаэртский дает первую трактовку понятия ценности: «...ценность, по их словам, есть, во-первых, свойственное всякому благу содействие согласованной жизни; во-вторых, некоторое посредничество или польза, содействующая жизни, согласной с природой, – такую пользу, содействующую жизни, согласной с природой, приносят и богатство и здоровье; в-третьих, меновая цена товара, назначаемая опытным оценщиком, – так говорят, что за столько-то пшеницы дают столько же ячменя да вдобавок мула» [6, с. 278]. Таким образом, в понимании стоиков, ценности носят инструментальный характер и являются средствами для достижения блага, где благо является конечной целью.

В философии вопрос о ценностях впервые был поставлен Сократом в виде вопроса о том, что есть благо, и ответа, что благо есть реализованная ценность – полезность [82, с. 63].

Аристотель вводит термин «ценимое» («тимиа»). Рассматривая различные виды благ, Аристотель выделяет ценимые блага (душа, ум), хвалимые (вызывающие похвалу и уважение) и блага-возможности (красота, сила, власть, богатство). При этом Аристотель отмечает, что все виды благ могут использоваться как для добра, так и для зла; блага могут находиться либо в душе (например, добродетель), либо в теле (красота и здоровье), либо вне первого и второго (почет, богатство, власть). По мнению Аристотеля, высшим является добродетель. Добродетели подразделяются на мыслительные (мудрость, сообразительность) и нравственные (благоразумие);

первые формируются посредством обучения, вторые посредством воспитания [10, с. 301].

Однако в категориальном плане понятия ценности в античности не существовало: понятие ценность являлось синонимом «блага», «добродетели», «бытия».

В средние века в Европе рыцарство рассматривается через призму кодекса чести, благородного поведения и моральных ценностей, таких как честь, благородство, верность, целомудрие. Под влиянием церкви и поэзии сформировались определенные моральные ценности рыцаря: мужественный воин, щедрый, любящий Родину. Для настоящего рыцаря значимыми были такие ценности, как вера, честь и, конечно, дама сердца. Вера для рыцаря на первом месте, молитвы – неотъемлемая часть жизни. Честь заключалась в соблюдении присяги и морального кодекса. Никто не имел права унижить честь рыцаря. Воин должен отстаивать свою честь на дуэли. Феномен «прекрасной дамы» занимает почетное место в рыцарстве. Прекрасная дама – воплощение божества для рыцаря, ради нее он совершал подвиги [70, с. 27].

Правила рыцарской морали сдержались в разнообразных «Зерцалах», прототипом которых являлось составленное в VI веке «Зерцало воина». В средневековых «Зерцалах» сочетались христианская мораль и нравственность война. В дальнейшем «Зерцала» трансформировались: в VIII–IX вв. – в кодексы рыцарской чести, в XII–XIII вв. – в уставы рыцарских орденов. В них подробно излагались обычаи, и нормы рыцарей: определяющей нормой являлась защита рыцарской чести [72, с. 27]. Ричард ван Дульмен, размышляя на тему чести в Средневековье, писал, что «вряд ли в каком-либо обществе честь играет большую роль, чем в упорядоченном обществе раннего нового времени» [86, с. 45].

Мыслители эпохи Возрождения и Просвещения пытались осмыслить глобальные изменения в мировоззрении своих современников. Широкомасштабные изменения, произошедшие в Европе в XIX–XX веках, разрушения религиозного сознания западного христианского мира,

секуляризация культуры привели к утрате устоявшейся целостности бытия и трансформации сложившейся иерархии ценностей.

Некоторые мыслители этого периода высмеивали средневековое понятие достоинства, поскольку последнее было основано на происхождении и знатности. В сатире «Похвала Глупости» Эразм Роттердамский так отзывался о феодалах: «Как ни тороплюсь я, не могу, однако, обойти молчанием тех, которые хоть и не отличаются ничем от простого поденщика, однако кичатся благородством своего происхождения <...>, но еще находятся дураки, готовые приравнять этих родовитых скотов к богам!» [145, с. 88].

Таким образом, в эпоху Возрождения утверждается понимание того, что достоинство не зависит от происхождения, оно есть высшая человеческая ценность, невозможная без свободы. В связи с этим философия Ренессанса обладала пониманием ограниченности человеческой личности, благодаря чему воспевала человека как божественное существо. Человек – творец, свобода которого доводится до эгоцентризма, становится символом Ренессанса. Пример тому – творчество Микеланджело, Боттичелли, Леонардо да Винчи, трагедия Джордано Бруно. Гениальность произведений этих творцов пропитана ярким индивидуализмом и явной изолированностью человеческой личности, переступившей порог античных абсолютов, но еще не дошедшей до новых.

Иначе толкует содержание идей человеческого достоинства Дж. Локк. Человек, по Дж. Локку, обладает неотчуждаемыми ценностями – правом на жизнь, свободу и равенство. Неотчуждаемые ценности имеют границы, которые государство не должно преступать [69, с. 27].

Немецкая философская классика отстаивает идею человеческого достоинства в качестве абсолютной ценности. И. Кант определяет достоинство как ценность, но не указывает конкретных моральных качеств, которые определяют понятие «достоинство». Достоинство – ценность того, что не имеет цены или количественно измеряемой стоимости. «В царстве целей, – пишет Кант, – все имеет цену или достоинство. То, что имеет цену, может быть

заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, стало быть не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [75, с. 515]. Достоинство – абсолютная действительная ценность. В этом смысле, как указывает Кант, «сама человечность является достоинством»: «Принадлежность к роду человеческому (die Menschheit) само уже достоинство; ибо ни один человек не может пользоваться другим человеком (и даже самим собой) как средством, он всегда должен в то же время быть целью, и именно в этом состоит его достоинство (личность), благодаря которому он стоит выше всех остальных живых существ – не людей, которыми все же можно пользоваться, стало быть, выше всех вещей» [там же, с. 107].

Согласно Л. Фейербаху, человек есть высшая и абсолютная ценность. Человек в его понимании бесконечно добр и умен. Без этих свойств могущества человека нет. В человеке ценно все. Эмоциональная, психологическая и физическая стороны жизни не менее важны, чем разум. Для человека важно единение с природой, поскольку природа внешняя близка природе самого человека. Между природой и человеком не может быть дисбаланса: жизнь природы и условия бытия не чужды человеку, они находятся в константном симбиозе. Как утверждал Л. Фейербах, «человек человеку бог» [185, с. 27].

Г. В. Ф. Гегель в «Философии религии» провозглашает индивида как бесконечную ценность и видит в его происхождении божественное начало: «Человек является целью в себе самом благодаря своему божественному началу» [50, с. 27]. К. Маркс, говоря о достоинстве, особо подчеркивал, что это «именно то, что больше всего возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство» [109, с. 4]. И. Кант отождествляет социальную ценность личности с исполнением долга, т. е. категорического императива. У Г. В. Ф. Гегеля индивид является элементом всеобщей, нравственной тотальности, у Л. А. Фейербаха достоинство – это величие человека, его наивысшая ценность [185, с. 124]. С. Дробышевский и Т. Протопопова так же утверждают, что принцип

человеческого достоинства в немецкой классической философии наиболее четко провозглашен И. Кантом, который рассматривал достоинство с естественно-правовых позиций [70, с. 27].

Известный публицист и автор книги «Что делает нас людьми» Т. М. Джафарли резюмирует, что от эпохи к эпохе формировалась мысль о том, что истинная ценность человеческой жизни утверждается нравственными деяниями, что важнейшим атрибутом личности следует признать сознание собственного достоинства, умение беречь свою честь [там же, с. 29].

Польский философ Т. Стычень выделил в истории философии три направления, в которых представлены определения ценностей:

1) первый тип – «натурализм», или аксиологический объективизм (т. е. вещь обладает ценностью, поскольку она желаемая) – Р.Б. Перри и Дж. Дьюи;

2) второй тип принадлежит к феноменологическому направлению, где ценность автономна, обособлена от мира вещей – М. Шелер, Н. Гартман;

3) третий тип – «аксиологический эмотивизм», или аксиологический нигилизм, предполагающий, что оценочные суждения ничего не значат, а являются лишь средством описания психологических эмоций (недефинируемость оценочных терминов – Дж. Мур). Среди его представителей можно выделить Дж. Мур, А. Дж. Айер [165, с. 96].

С философской точки зрения, понятие ценностей является базовым для пяти условных направлений в изучении ценностей: трансцендентализма, натуралистического психологизма, культурно-исторического релятивизма, социологизма, персоналистического онтологизма [57, с. 78].

Понятие ценности как категории вводит Р. Г. Лотце в работе «Основания практической философии» и рассматривает ценность в качестве «значимости» для субъекта [100, с. 19]. При этом Лотце утверждает, что в вещах никакой ценности нет, и только благодаря чувствам человек определяет определенную градацию ценностей. Однако ценности не носят сугубо субъективный характер, наоборот, они интерсубъективны в силу того, что «ценностные

чувства не находятся в распоряжении субъекта, но «противостоят» ему в виде уже сложившейся системы, которую дух изменить не может» [210, с. 18].

Однако до Р. Г. Лотце И. Кант рассматривал понятие ценности в качестве требований, обращенных к воле; цели, которые стоят перед человеком. Ценности имеют двойную природу: метафизическую и экзистенциальную. Ценности делятся на абсолютные и относительные. Метафизическая природа ценностей состоит в том, что в основании абсолютных ценностей лежит разум и воля (категорический императив). Экзистенциальная природа ценностей состоит в том, что в основании относительных ценностей лежат объективные желания и потребности человека [75, с. 107].

Учение И. Канта развивали представители Баденской школы неокантианства – В. Виндельбанд, Г. Риккер. Аксиологический трансцендентализм В. Виндельбанда и Г. Риккерта сопоставляет ценность с идеальным бытием, связанным с трансцендентным, «чистым» сознанием. В рамках этой теории философы считают необходимым разграничивать понятия ценностей и благ. Например, такие ценности, как истина, добро, красота, не могут быть средствами для достижения каких-либо целей, поскольку они сами по себе являются самодостаточными. Риккерт возносит понятие ценности в ранг системообразующего, ибо «то, что нельзя отнести к ценностям, не имеет абсолютно никакого смысла» [140, с. 100].

Представители натуралистического психологизма – Р. Б. Перри, Дж. Дьюи, К. И. Льюис, А. Мейнонг, видели источник ценностей в биопсихологически интерпретированных потребностях человека, где ценности представляют собой объективный фактор реальности, удовлетворяющий потребности общества. По мнению Р. Б. Перри, абсолютно любой объект, которым интересуются, является ценностным фактом. В итоге «ценность определяется интересом <...>, который сам детерминирован ожиданием результата» [226, с. 3].

Представители персоналистического онтологизма (М. Шелер, Н. Гартман) сопоставляли определенный тип личности соответствующей ей иерархии ценностей.

По М. Шелеру, ценности – специфические сущности. Изначально в мире выделяются два рода бытия – бытие вещей и бытие благ, и только потом человек чувствует ценности. «В естественной установке «даны» вещи и блага. Только во вторую очередь нам даны ценности, которые мы чувствуем в них и само это чувство» [203, с. 68]. В свою очередь Н. Лосский утверждает, что М. Шелер под ценностями понимал качества, но «это качество не вещи (как, например, голубость есть качество неба), а качество блага (Gut)» [98, с. 172].

По мнению М. Шелера, ценность предшествовала восприятию; действительная ценность предшествовала знанию. Ценности, так же как и не существующие им неценности (disvalues) объективно существуют в следующих рангах:

- ценности святого против неценностей порочного;
- ценности разума против неценностей лжи;
- ценности жизни и чести против неценностей бесчестия;
- ценности удовольствия против неценностей неудовольствия;
- ценности полезности против неценностей бесполезного [203, с. 198].

Отдавая свое предпочтение витальным ценностям, М. Шелер говорил о реальности ценностного мира с Богом; Н. Гартман, в свою очередь, пытался отделить ценностные установки личности от религиозных установок. Среди ценностей Н. Гартман выделял чистоту сердца, называя её первой христианской добродетелью и основной ценностью христианской этики, которой не знала античность [43, с. 349]. Сами ценности неизменны, считает Гартман, меняется лишь ценностное сознание, и «каждая попадающая в сектор видимого и каждая исчезающая из него ценностная структура означает для оценивающего сознания переоценку в жизни» [44, с. 59].

Н. Гартман выделил 6 классов ценностей, причем последние три относятся к духовным ценностям, но при этом ни одна из них не имеет

превосходства над другой. Примечательно, что классификация Гармана начинается «снизу»:

- 1) ценности блага, охватывающие все ценности полезного для нас и служащего (нам) средством;
- 2) ценности удовольствия, называемые «приятным»;
- 3) жизненные ценности, присущие всему живому;
- 4) нравственные ценности, охватываемые понятием «добро»;
- 5) эстетические ценности, охватываемые понятие «прекрасное»;
- 6) познавательные ценности, собственно... одна только «истина» [там же, с. 409].

Культурно-исторический релятивизм (В. Дильтей, А. Тойнби, О. Шпенглер, П. Сорокин) проповедовал идею аксиологического плюрализма (множественности равноправных ценностных систем). Для представителей данной теории ценностей был характерен интуитивистский подход к толкованию ценностей культуры. А. Тойнби отрицает константные ценности: «Ценность, подобно времени, относительна» [172, с. 87].

Представители социологизма М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Знанецкий рассматривали понятие ценностей в соотношении с нормой. М. Вебер в своей «понимающей социологии», переняв у неокантийцев представление о ценностях как о норме, воспроизвел его в своей интерпретации социального знания и действия, а также выявления социальных связей и функционирования социальных институтов, подчеркивая, при этом, значительную роль этических и религиозных ценностей в развитии общества [128, с. 83].

Для М. Вебера понятие «ценность» было весьма существенно; он сам «мыслил в ценностях»: «Неспециалисту трудно даже вообразить, какой хаос внесло, например, применение термина «ценность», этого злополучного детища нашей науки...» [32, с. 409]. Тем не менее, М. Вебер не призывал к отказу от изучения ценностей [33, с. 282].

И. Кант, Р. Г. Лотце определяли ценность как специфическую форму бытия, не имеющую основ природной необходимости. «Человек живет в

окружении ценностей, в этом особом мире, возвышающемся над миром бытия и дающем совершенно иную классификацию явлений и объектов, отличную от той, что соответствует онтологическому бытию» [75; 100, с. 36]. Согласно Н. Гарману, свобода личности проявляется в свободе выбора ценностей [42, с. 253].

Обострение вопроса к проблематике ценностей связано с афористичным требованием «переоценки всех ценностей» («Umwertung aller Werte») Ф. Ницше в произведении «Воля к власти» [121, с. 248]. С точки зрения М. Хайдеггера, сущность ценности в философии Ф. Ницше состоит в том, что она – точка зрения. Ценность подразумевает то, что схватывается смотрящим оком. Ценность – это точка глаза, точка глаза для такого смотрения, которое что-то усматривает или, как мы говорим, на что-то рассчитывает, а при этом должно считаться и с иным. Ценность – ценность, пока она признается и значима. Точка глаза задает взгляд на нечто, которому должно следовать [191, с. 152].

Ницше действительно стал мыслителем, осуществившим предельную универсализацию мышления в ценностях, в результате чего все фундаментальные понятия метафизики «превратились в ценности», и – как полагают, хотя и не вполне адекватно, – тем самым и релятивизацию ценностей. Круг как бы замкнулся: изначально в «онтологических» трактовках ценностных понятий сущее и его истина «были всем» – они совпадали с ценным и должным. Их сменил кантианский дуализм сущего и должного, бытия и ценностей. Отныне же все, включая сущее и истину, поглощено ценностями. Но кантианство, постулировавшее дуализм бытия и ценностей, благодаря этому обнажило проблему и стимулировало исследовательский поиск. У Ницше же проблематичность и напряженность отношений бытия и ценностей вновь устранены, на деле же отодвинуты [40, с. 158].

Н. А. Бердяев относительно исследования проблемы ценностей был убежденным агностиком, утверждая: «Наука о ценностях есть в конце концов один из видов метафизики сущего, метафизики смысла мира, и всего менее

научной. Научно ценность не только нельзя исследовать, но нельзя и уловить» [19, с. 68], так как «...ценность должна предшествовать суждению, не зависеть от суждения, а определять его» [20, с. 85]. Ценности объективны, их природа божественна. «Все, что не вечно, непереносимо; все ценное в жизни, если оно не вечно, теряет свою ценность» [18, с. 61]. В результате, установка иерархии ценностных ориентации является трансцендентной функцией сознания человека, в качестве таких объектов выделяет духовные, социальные и материальные ценности [20, с. 85].

Таким образом, в философии понятие ценности оказывается базовым понятием при анализе социальных процессов и явлений действительности. По мнению Н. Л. Худяковой, ценности обуславливают характер социальных отношений [194, с. 7]. Социальные отношения, в свою очередь, всегда воспроизводят содержание личностного опыта людей, проживающих на данной территории в конкретное время. Данный личностный опыт состоит из трех компонентов: личностной системы ценностей; знаний, которые представлены в сознании человека как целостная картина мира; освоенных им видов и способов деятельности. Именно личностный опыт, усвоенный через общественный опыт, интегрируется с индивидуальными переживаниями, формируя систему личностных ценностей [там же].

При определении ценностей, которые позволяют выстраивать оптимальную форму социальных отношений, Н. Л. Худякова исходит из того, что любое отношение индивида является культурно-опосредованным. Данный процесс определяется созданием мысленного образа, который им реализуется в последующем. Для создания данного образа необходимо воспроизводство личностных ценностей, которые фиксируют стремления человека к устойчиво значимому для него. Таким образом, в результате этого воспроизводства, поведение, деятельность и отношения индивида всегда отличаются индивидуально значимыми для него ценностями. В этих качествах в той или иной степени получают реализацию все ценности, входящие в систему личностных ценностей. Данный аспект позволяет рассматривать эти качества

как ценностные основы поведения и деятельности человека, как ценностные основы отношения индивида как с окружающими людьми, так и с самим собой [там же, с. 8].

Рассматривая иерархию ценностей, Н. Л. Худякова отмечает тот факт, что ценности, отличающиеся высокой степенью общезначимости для личности в одних отношениях, могут обладать меньшей степенью личностной значимости для него в других отношениях, соответственно меняя своё место в иерархии ценностей [там же].

Г. П. Выжлецов указывает, что в смысловое поле любой ценности заложены значимое, желаемое и должное как норма, идеал. В основе ценностей лежит значит явлений для личности, которая в процессе выбора может быть как положительной, так и отрицательной, поэтому ценности и их антиподы функционируют не сами по себе, а как ценностные противоположности, например, добро – зло. Данное динамическое противостояние в сознании и действии личности и создаёт диссонанс экзистенциально – ценностного поля. В этой среде именно ценности предстают в качестве опоры [39, с. 80].

Как утверждает Г. П. Выжлецов, возврат к доаксиологической философии уже не возможен в принципе. Именно под влиянием глубинного ценного анализа и переосмысления произошли и продолжают происходить содержательные и структурные изменения всей философии [там же, с. 83].

Конструктивная аксиологическая концепция Н. С. Розова строится на понимании ценности как родового понятия по отношению к таким предельным образцам сознания, как принцип, идеал, конечная цель, сакральный смысл и др. Автор в своей концепции рассматривает, прежде всего, общечеловеческие ценности, такие как свобода, истина, жизнь. Развивая концепцию, автор выдвигает гипотезу перехода к новой эпохе «теоретизации и аксиологизации социоприродной сферы», так называемой эпохи «третьего рационализма» (под первой эпохой подразумевается Античность (эпоха метафизики), под второй эпохой подразумевается эпоха Нового времени,

эпоха частных наук). Новая эпоха «третьего конструктивизма» диктует «снятие гегелевских противоречий», между традицией и новаторством в ценностном сознании [142, с. 108].

И. И. Докучаев под ценностью понимает идеальную модель какого-либо явления, где идеальность трактуется как набор требований к этому явлению, которое необходимо либо изменить, либо соотнести (оценить) в соответствии с моделью. Модель эта включает субъективные требования человека, которые, однако, трудно отделимы от объективных. Важнейшей характеристикой подобной субъективности является целостность. Целостность имеет двойной смысл. Во-первых, речь идет о выражении целостного бытия человека, т. е. его духовно-психического бытия в интеллектуальном и эмоциональном планах. Во-вторых, речь идет о целостности проявлений аксиологической модели в мире, т. е. о тотальном характере охвата мира ее структурными элементами. Мир предстает заданным своеобразной ценностной структурой, каждое явление мира имеет свою аксиологическую модель, и все эти модели интегрированы в рамках единой. Такое свойство ценности называется ее интегральностью. Морфология ценностей определяется строением самого бытия, поскольку ценности имеют интегральный по отношению к нему характер [57, с. 16].

Двойственную природу ценности пытались объяснить практически все представители аксиологических теорий. Объективное бытие ценностей обосновывали М. Шелер, н. Гартман, В. Виндельбанд. Приверженцы данной концепции исходят из того, что ценности как явление, имеющее общую значимость, могут быть результатом совокупной деятельности субъектов и выступать как надындивидуальный, сверхличностный феномен. Ценности «усваиваются», «передаются» от поколения к поколению через мифологию и религию – ведущие мировоззренческие формы обыденного сознания. Это подтверждает теорию объективизма, которая утверждает внешний, общественно-исторический характер ценности, не свойственный человеку изначально, от природы и его индивидуального развития. В этом контексте

ценности могут быть поняты как результат социализации, трудовой деятельности и духовной потребности в осмыслении бытия и его включения во внутренний мир человека. Следующий аргумент в пользу объективизма связан с важнейшей характеристикой ценности – всеобщностью. Общезначимость делает индивидуальную ценность общественной, той, которая становится ориентирующим вектором изменений и общественных процессов.

Объективное бытие ценностей связано с их независимостью от реальности и от носителя, полагал Н. Гартман, развивая тем самым идею существования особого «царства ценностей» вслед за М. Шелером. Он указывал, что ценности «есть нечто независимое от нашего понимания или мнения». Ценности «усматриваются», а не «создаются», они «априорны», потому, что «основываются на сущностях, а отнюдь не потому, что они «порождены» «рассудком» или «разумом» [182, с. 173]. С точки зрения В. Виндельбанда, Г. Риккета ценность объективна, но оценка субъективна, поскольку исходит непосредственно от субъекта [там же, с. 175].

Субъективное бытие ценностей рассматривали Т. Гоббс, А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, Ф. Ницше, Э. Дюркгейм, У. Томас, Ф. Знанецкий, Т. Парсонс, П. Сорокин, В. Вунд, Ф. Бретано, А. Мейнонг, Р. Б. Пери, Д. Дьюи, А. Мейнонг, Х. Эренфельс, И. Крейбиг, М. С. Каган. Приверженцы данной концепции исходят из того, что ценность имеет ярко выраженную социальную природу. Представители этого подхода опираются на факт наличия сознания и переживания у человека как источник ценностного отношения, а не на веру в духовный абсолют. Кроме того, в одних и тех же объективных условиях различные по духовно-нравственному и интеллектуальному уровню личности утверждают различные ценности, которые, таким образом, не могут быть выведены исключительно из внешних условий. Ценности несут на себе отпечаток мировоззрения определенной исторической и культурной эпохи как определенной стадии в духовном и интеллектуальном развитии человечества. Оценивание как важнейший

процесс формирования ценности представляет собой результат исключительно субъективной деятельности как соотнесения внешнего и внутреннего, имеющим смысл для себя.

Т. Гоббс субъективность ценности объяснял таким образом: «то, что один человек называет мудростью, другой называет страхом; один называет жестокостью, а другой – справедливостью... и т. п.» [50, с. 233].

Двойственную объективно-субъективную природу ценностей рассматривал Э. Бэтти. С одной стороны, утверждал Э. Бетти, ценности принадлежат царству идеальной объективности, а с другой – они реализуются только через человека и, реализуясь, приобретают принадлежность к сфере реальной объективности. Оценка, даваемая субъектом, в том или ином виде привносит в ценность элемент субъективности, в той или иной мере изменяя ценность. Ценности имеют двойственный онтологический статус: они и субъективны и объективны.

В. Франкл считает, что бытие смыслов объективно, но усматривается индивидом неповторимым, уникальным образом. С одной стороны, ценности ограничены прошлым и будущим, т. е. связаны с исторической традицией, с другой, они вневременны и формальны по отношению к историческому материалу [188, с. 59].

Таким образом, и субъективизм и объективизм не могут считаться истинно верными мировоззрениями в отношении ценностей, потому как в данном случае истинное видение мира не может быть подлинно определено. Безусловно, ценностям присуще качество субъективности, потому как вне субъекта ценность не может существовать. Именно субъект наполняет явления и предметы ценностными характеристиками.

Относительность ценностей может обуславливаться временными рамками, культурой, местом, уровнем развития общества и др. А. Тойнби отрицает константные ценности: «Ценность, подобно времени, относительна» [172, с. 87]. «Ценность зависит от обеих переменных – и от качеств объекта, и

от качеств субъекта», при этом социальное и личное образуют целостность, «несводимую ни к одной из них» [там же, с. 89].

М. Шелер, Г. Райнер видели основу моральных норм в бытии ценностей, долг при этом являлся вторичным моментом волевого стремления, который был предопределен онтологическим порядком ценностей. Представители метаэтики Дж. Мур и Э. Айер основывались на том, что нет связки «есть» и «должно» [123, с. 296]. Таким образом, они отказывали понятию долга в научной санкции. В эволюционной этике Спенсера долг рассматривается как подчинение человека обществу, осознание его обязанностей [там же].

Классификация ценностей происходит по разным основаниям. Так, по сферам жизнедеятельности выделяют материальные, духовные, религиозные, духовные и др. ценности. В. Ф. Сержантов подразделяет ценности на материальные (орудия и средства труда) и духовные (философские, моральные, эстетические, правовые политические) [153, с. 313].

М. Рокич выделяет терминальные ценности (убеждение в том что, какая-либо цель конечного индивидуального существования с личной или общественной точкой зрения стоит того, чтобы к ней стремиться и достичь) и инструментальные ценности (убеждения в том, что какой-либо образ действия является более предпочтительным в любых ситуациях) [229, с. 5].

Ш. Шварц и У. Билски выделяют ценности сохранения (комфортность, безопасность, традиции) и ценности самоопределения (благополучие всего человеческого общества) [230, с. 53].

Р. Б. Перри различает ценности истинные и ложные, развитые и неразвитые, сложные и простые, позитивные и негативные, сложные и простые, скрытые и активные [226, с. 110].

А. Маслоу выделяет две группы ценностей, образующие вертикальную иерархию: Б-ценности (ценности бытия, высшие ценности – добро, истина, красота, целостность, уникальность, совершенство, полнота, справедливость, порядок) и Д-ценности (дефициентные ценности, низшие ценности – безопасность, отдых, сон, покой, мир и др. [225, с. 110].

В. П. Тугаринов делит ценности на духовные (образование, наука), материальные (материальные блага) и общественно-политические (справедливость, равенство, братство) [181, с. 82]. Д. А. Леонтьев выделяет следующие виды ценностей: личностные ценности, предметные ценности и общественные идеалы [96, с. 211].

Н. С. Розов выдвигает следующую иерархию ценностей:

- 1) общечеловеческие (жизнь, свобода, культура);
- 2) общенациональные (история и культура);
- 3) национальные (история и культура отдельной нации) [142, с. 77].

Также автор выделяет два уровня ценностей: локальный и универсальный. На первом уровне множество систем ценностей принимаются различными обществами и отдельными личностями, на втором – общечеловеческие ценности. Помимо иерархии ценностей и их уровней, автор выделяет такие группы ценностей, как кардинальные (общезначимые), субкардинальные и этносные. В основе лежат кардинальные ценности, общечеловеческие, например, жизнь, здоровье, на основании которых выстраиваются субкардинальные – свобода и независимость. Среди этностных ценностей автор выделяет ценности локального уровня в системе мыслителя [там же, с. 89].

По мнению В. И. Плотникова, существует четыре типа ценностей (ценностных ориентаций). Для первого типа ценностей характерна индивидуальная значимость и ориентация на собственную персону. Для второго типа ценностей характерна значимость близкого окружения личности. Для третьего типа ценностей характерна ориентация субъекта на межгрупповые отношения. Четвертый тип ценностей характеризуется значимостью универсальных ориентиров [195, с. 279].

А. Б. Невелев представляет ценности как стремление к следующим предметностям: предметности мира 1 (П-1) – мир материальных предметов и чувственно воспринимаемых свойств этих предметов; (П-2) – формы отношений между объектами и явлениями мира – нормы и правила; (П-3) –

мир, представленный посредством знаковых систем – например, язык; (П-4) – культура [120, с. 44]. Таким образом, иерархическая структура ценностей соотносится с основными уровнями предметности мира, поскольку предметы (предметности) составляют характеристику любой ценности [там же, с. 49].

Таким образом, ценность в аксиологии представлена в следующих интерпретациях:

1. Ценность как желаемое. «Ценность объекта есть желаемость (begehrbarkeit) его субъектом; что же касается возможности возникновения желания, то оно существует в том случае, если как можно более наглядное, живое, полное представление о бытии объекта обуславливает состояние удовольствия, более высоко лежащее на шкале (удовольствие-неудовольствие), чем представление о небытии объекта» (Х. фон Эренфельс) [98, с. 5].

2. Ценность как значимость (выступает в качестве идеала или цели) (Р. Г. Лотце) [100]. Ценности не относятся ни к области объектов, ни к области субъектов; они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта (Г. Риккерт) [140]. Ценность это форма проявления определенного рода отношений между субъектом и объектом; Ценность – это понятие, обозначающее, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта, в отличие от его экзистенциальных и качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную, предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания (субъектные ценности) (О. Г. Дробницкий) [60]. Ценность – это соответствующие свойства (значимость данной вещи для людей) и отношения (общественное отношение) [23]. (В. А. Блюмкин). Категория ценности раскрывает один из существенных моментов универсальной взаимозависимости явлений, а именно момент значимости одного явления для бытия другого (В. А. Василенко) [5].

3. Ценность как значение. И. Крейбиг утверждает, что «ценность есть значение, которое имеет для субъекта содержание ощущения или мысли благодаря связанным с ним непосредственно или ассоциативно чувствам, действительным или хотя бы существующим в виде расположения; чувства эти связаны с содействием психической деятельности или угнетением ее» [там же]. «Ценность есть значение, которое имеет для субъекта содержание ощущения или мысли благодаря связанным с ним непосредственно или ассоциативно чувствам, действительным или хотя бы существующим в виде расположения; чувства эти связаны с содействием психической деятельности или угнетением ее» (И. Крейбиг) [там же]. «Ценности – это обобщенные, устойчивые предоставления о предпочитаемых благах и приемлемых способах их получения, в которых сконцентрирован предшествующий опыт субъекта...» (В. Н. Сагатовский) [там же].

4. Ценность как полезность (нужная действительность). Ценности – это «явления (или стороны, свойства явлений) природы и общества, которые полезны, нужны людям исторически определенного общества или класса в качестве действительности, цели или идеала» (В. П. Тугаринов) [там же].

5. Ценность как эквивалент потребностей, выраженных в стоимости (Г. В. Ф. Гегель). Главной характеристикой ценности, по мнению Гегеля, выступает её всеобщность, позволяющая обмениваться и сравнивать между собой абсолютно любые продукты труда: «Эта всеобщность вещи, простая определенность которой проистекает из ее частного характера, но так как при этом не абстрагируется от ее специфического качества, есть ценность вещи, в которой ее истинная субстанциональность определена, и есть предмет сознания. В качестве полного собственника вещи я собственник, как ее ценности, так и ее потребления» [47, с.100]. При этом ценность не тождественна вещи.

Ценность как продукт материальных и духовных потребностей личности рассматривали Т. Гоббс, Дж. Локк, К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. Гоббса в «Левиафане» соотносит ценность с экономической сущностью: «...ценность

человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, то есть она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого» [50, с. 69]. Подобно Т. Гоббсу, Дж. Локк считает, что ценность есть мера (оценка) эквивалентности товаров. К. Маркс в «трудовой теории стоимости» сводит понятие ценности к меновой стоимости товара, определяющегося временем труда, затраченного на его производство [108].

6. Всякая ценность двойственна, включает субъективные требования человека, которые, однако, трудно отделимы от объективных. Ценность есть значение для субъекта явлений объективной реальности.

Из вышеуказанного следует, что категориального понимания ценности в аксиологии пока не выработано. Поскольку, однако, все ценности личности представляют собой результат субъективной оценки значимости для личности объективных метафизических и идеальных норм и феноменов действительности, требуется исследование и определение соотношения ценности, оценки и нормы.

1.3. Диалектика ценности и нормы

в становлении чести и достоинства личности

Платон в «Законах» предлагает правителю произвести оценку ценностей и на её основе их распределение и установление иерархии, на основе которой будет осуществляться общественное благо. Платон уточняет: «Но самое ценное по праву – это блага, относящиеся прежде всего к душе, если в ней есть рассудительность, затем прекрасные качества тела и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу или достатку». Если законодатель (или государство), по Платону, нарушают ценностную иерархию, вменяет законодателю правильно организованного государства, то они совершают дела нечестивые [132, с. 168], то есть – бесчестные, недостойные.

Дилемма соотношения ценностей и оценок пронизывает всю аксиологию. «Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, – говорил Ницше, – он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называет он себя человеком, т.е. оценивающим» [122, с. 98].

Однако, по мнению Ницше, нужно отвергнуть все прошлое в философии, дабы покончить со старыми ценностями для их переоценки. Вопрос о переоценке всех ценностей оказывается одним из сложнейших для Ницше: «Все науки заранее должны приготовить задачу философа будущего, состоящую в том, чтобы разрешить проблему ценностей и установить иерархию ценностей» [121, с. 248]: «Нельзя ли перевернуть все ценности? И, может быть, добро есть зло? А Бог – выдумка и ухищрение дьявола? И, может быть, в последней основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики?» [122, с. 216].

Парадокс ценности и оценки О. Г. Дробницкий описал следующим образом: «Ценности проистекают не от предметов и не от воспринимающего их человека. Ценности познаются человеком, а не приписываются предметам произвольно, но их нельзя постичь опытом или логическим рассуждением. Ценности как-то связаны с предметами, но не являются их реальными свойствами и не зависят от того, существуют ли эти предметы в действительности. В этом смысле они сами не реальны, а лишь идеальны... но и не относятся к явлениям сознания. Этот ряд взаимоисключающих положений обусловлен парадоксальностью самой природы оценки» [60, с. 56].

Системный анализ проблемы соотношения ценностей, оценок и норм начали неокантианцы. В. Виндельбанд в своих исследованиях приходит к выводу, что существуют две области реальности – эмпирические факты и идеальные нормы. Именно последние определяют ценность, а также служат основанием для оценивания. В. Виндельбанд утверждает, что «...законы, действующие в нашей логической, этической и эстетической совести, совершенно не связаны с теоретическим объяснением тех фактов, к которым

они относятся. Они говорят лишь, какими должны быть эти факты, чтобы заслужить всеобщее одобрение в качестве истинных, добрых, прекрасных. Следовательно, они не законы, по которым событие должно объективно происходить, или субъективно быть поняты, а идеальные нормы, в соответствии с которыми выносятся суждения о ценности того, что происходит в силу естественной необходимости. Эти нормы служат правилами оценки» [34, с. 198]. Таким образом, по мнению В. Виндельбанда, именно «нормальное сознание» и есть идеал, благодаря которому измеряется ценность всей эмпирической действительности.

Подобно В. Виндельбанду, философия Г. Риккерта замкнута на ценностной проблематике: гносеология, онтология и методология выстраиваются исходя из понятия ценности. Г. Риккерт в своих размышлениях приходит к выводу, что ценность необходимо отделять от оценки, а также от блага. Г. Риккерт (первый из неокантийцев) дает следующее определение ценности – это духовная цель, жизненная практическая установка, выражающая живой нерв культуры, её смысловое ядро, отражающее динамику культуры [140, с. 102].

Ценность в его понимании находится за пределами и субъекта и объекта, имеет абсолютный характер и представляет собой чистую значимость. Г. Риккерт, синтезируя разрозненные исследования предшественников, впервые создает целостное философское учение о ценности. Ценность в понимании Риккерта предстает в крайне апофатической трактовке как предельное и практически не определяемое понятие, соединяя в себе нормативную значимость, ценность оказывается априорным принципом человеческой деятельности и имеет трансцендентальный характер. Онтологически ценности образуют мир, отличный от мира субъектов и объектов, однако обуславливающий его благодаря связи ценности как с субъективным своим проявлением – оценкой, так и с объективным – благом» [141, с. 83].

К Баденской школе неокантианства примыкают и взгляды Г. Мюнстерберга. Он также разделяет ценности и оценку. Подлинные

ценности, по его мнению, абсолютны и безусловны. Они не связаны с личными переживаниями. Поэтому носитель ценности – не человек и не природа, это – надындивидуальная воля, которая утверждается путем выдвижения «жизненных ценностей» и «культурных ценностей». По мнению Г. Мюнстерберга, жизненные ценности представляют собой непосредственно данные ценности бытия – Вещи, Существа, Оценки; ценности единства – Гармония, Любовь, Счастье; ценности Божества – Творение, Откровение, Спасение» [117, с. 190].

Культурные ценности представляют собой ценности, созданные целенаправленно, и включают в себя ценности связи – Природа, История, Разум; ценности прекрасного – Изобразительное искусство, Поэзия, Музыка; ценности достижения – Хозяйство, Право, Нравственность; ценности основания – Вселенная, Человечество, Сверх-Я. В результате, Г. Мюнстерберг вкладывает в понятие ценности максимальное содержание, которое охватывает нравственные, этические, материальные, правовые, социальные аспекты бытия человека. Но при этом утверждает, что ценности сверхличностны по своей сути» [там же, с. 196].

В работе В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры» выстроена авторская аксиологическая концепция понимая ценности и иерархии ценностей. В. П. Тугаринов отмечает, что в его понимании ценности есть «блага жизни и культуры людей определенного общества или класса в качестве действительности или идеала». В своей работе автор уделяет особое внимание разведению таких понятий, как ценность и оценка: если ценность выступает как факт или идеал, то оценка есть отношению к этому явлению [181, с. 83].

Таким образом, можно определить, что в качестве ценности у В. П. Тугаринова выступает нечто материальное, некий физический предмет или представление, а его значения состоит в факте оценивания. Таким образом, оценка участвует в самом факте соотношения к роду тех или иных

ценностей, и может быть как положительной, так и отрицательной [там же, с. 54].

Самой первой ценностью, по В. П. Тугаринову, является жизнь, поскольку, как утверждает автор, при утрате жизни теряются и все остальные ценности. В своей работе автор разводит ценности жизни и культуры, что видно из названия. В качестве ценностей жизни автор выделяет ценности, необходимые для удовлетворения потребностей жизнедеятельности – материальные, духовные, социальные блага. В качестве ценностей культуры автор выделяет свободу, истину, красоту, добро, справедливость, называя их «средствами для жизни» [181, с. 89]. Данные понятия и составляют содержание оценочного суждения.

Э. Дюркгейм также разделяет понятия ценности и оценки. Ценности «существуют, в некотором смысле, вне меня», а оценки «связаны с определенными личностями и не могут быть от них отделены» [62]. Цель других суждений – высказать не то, чем вещи являются сами по себе, но то, какую ценность они представляют по отношению к сознательному субъекту, назвать ту цену, которую последний им назначает. Их называют ценностными суждениями. Иногда это обозначение распространяют на любое суждение, выражающее какую бы то ни было оценку. Но такое широкое толкование может вызвать путаницу, которой необходимо избежать. В своем докладе «Ценностные и реальные суждения» разграничивает понятия «ценностные» суждения и «реальные» суждения» [там же].

«Реальные», или «экзистенциальные» суждения есть суждения, выражающие факты. «Когда я говорю: я люблю охоту, я предпочитаю пиво вину, активную жизнь – отдыху и т. д., – я высказываю суждения, которые могут показаться оценками, но в действительности являются простыми «реальными» суждениями. Они говорят исключительно о том, каким образом мы ведем себя в отношении определенных объектов: что мы любим такие-то и предпочитаем другие. Эти предпочтения являются фактами точно так же, как вес тел или эластичность газов... Совершенно иначе обстоит дело, когда я

говору: этот человек имеет высокую нравственную ценность; эта картина имеет высокую эстетическую ценность; эта драгоценность стоит столько-то» [там же].

Таким образом, Э. Дюркгейм приходит к выводу, что ценностные и реальные суждения – абсолютно разные суждения, и ценность не тождественна оценке. «Ценностные» суждения есть суждения, выражающие объективно существующее свойство, не зависимое от субъекта суждения, времени и места... Таким образом, все эти ценности существуют, в некотором смысле, вне меня» [65].

Проблема значимости и смысла, а, следовательно, ценности и оценки, выступает одной из центральных в феноменологии Эдмунда Гуссерля. Э. Гуссерль утверждает, что «вместо предметов, ценностей, целей, вспомогательных средств, мы рассматриваем тот субъективный опыт, в котором они «являются» нам [60, с. 293]. Суждение, оценка, стремление, утверждает он, есть не пустое обладание в сознании соответствующими суждениями, оценками, стремлениями, но в первую очередь – «суть переживания, состоящие из интенционального потока, каждое в соответствии со своим устойчивым типом» [там же]. Этот «субъективный» опыт может быть не только теоретическим, но и аксиологическим и практическим. Последние имеют в своем основании оценивающее переживание. Именно на этом опыте строятся познания «логического достоинства» [там же, с. 298].

Согласно Гуссерлю, возможно вынесение суждения, в котором ценность вещи есть предмет, о котором судят. Такие объективирующие суждения о ценностях предполагают все же оценивающие акты, имеющие совершенно другую природу. Как Гуссерль поясняет, оценивающие акты содержат собственную двойную направленность. А именно, если я осуществляю такой акт, то одновременно: 1) я просто схватываю вещь и 2) я направлен на ценную вещь. Таким образом, Гуссерль придает ценности объективность и говорит о том, что предметом оценивающих актов являются ценные вещи, а не только фиксация отношений к вещам [там же, с. 160].

Э. Левинас, изучая работы Гуссерля, говорит о том, что «ценностная характеристика не приписывается сущим вслед за модификациями знания, она берет начало в специфической позиции сознания, в не-теоретической интенциональности, несводимой к познанию. Именно в этом коренится возможность, которая может быть осуществлена за пределами того, что сам Гуссерль говорит об отношении к другому...» [93, с. 16]. Э. Левинас усматривает в интенциональности духовно-значимую работу, для достижения максимальной объективности которой необходимо постараться учесть все нюансы.

М. Хайдеггер утверждал, что любая оценка предполагает определенную зависимость её предмета для человека. «Ценить», в его понимании, означает «отдавать должное чему-то»; «должное» означает «выявить нечто в той видимости, в которой оно находится и сохранить его в ней» [190, с. 203]. По мнению М. Хайдеггера, «Мысль, идущая наперекор «ценностям» – «культура», «искусство», «наука», «человеческое достоинство», «мир и Бог» – никчемна. Наоборот, пора понять, наконец, что именно характеристика чего-то как «ценности» лишает так оцененное его достоинства. Это значит – из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки» [там же].

Таким образом, экзистенциальная философия делает попытку отрицания аксиологического подхода к пониманию ценностей бытия. Подобно Ф. Ницше, М. Хайдеггер дает критический анализ классических пониманий ценности и оценок, что приближает философа к проблеме отчужденности человека от бытия [191, с. 21].

Идеи Ж.-П. Сартра близки по духу идеям М. Хайдеггера. Ж.-П. Сартр считает, что оценивание само по себе является источником отчуждения в обществе. Оценивание есть источник несвободы, поскольку оно выступает в качестве утверждений внешних норм и зафиксированных стереотипов. Преодоление несвободы возможно благодаря развитию субъективности. Человеческая реальность, в его понимании, есть «ее самоопределение в

направлении того, что ей недостает <...> есть постоянное выхождение за свои пределы к совпадению с самой собой, обрести которое ей никогда не дано» [11, с. 173]. Именно к реальности ценности обращается Ж.-П. Сартр, понимая ценность как «безусловное единство всех возвышений бытия», параллельно с реальностью, где «ценность преследует бытие, поскольку оно основывается не таким, как оно есть: ценность преследует свободу» [там же].

В. П. Тугаринов писал: «В подходе людей к окружающим их явлениям природы и общественной жизни следует различать две непрерывно связанные стороны: теоретическую и практическую, изучение явления, как оно существует само по себе и практическое к нему отношение. В первом случае человек ставит перед собой вопрос: что представляет собой данное явление, как его объяснить, каковы его причины и основания. Во втором случае он спрашивает, как отнестись к этому явлению, как его (в конечном счете) использовать, если оно полезно, или устранить, если оно вредно. Необходимым моментом перехода от теоретического к практическому отношению является ценностное отношение к предмету, отнесение его к ценностям или отказ ему в достоинстве ценности» [181, с. 193]. Данный подход к пониманию ценностей и ценностного отношения является наиболее распространенным.

По мнению Н. Л. Худяковой, оценка всегда субъективна в силу того, что оценка – это всегда характеристика степени соответствия или несоответствия с эталоном оценивания, в качестве которого выступает субъективный образ объективной действительности. Если ценность рассматривают как нечто объективное, то это значит, что в качестве эталона в действиях человека по оцениванию действительности выступает что-то одинаковое для всех людей [195, с. 41].

Главным условием для возникновения ценностей является оценочное действие. Его отличительные черты заключаются в следующем:

- 1) субъект оценивания – индивид;

2) объект оценивания – переживаемые индивидом его действительности в их целостности;

3) культурное средство – эталон оценивания – переживаемая любым индивидом целостность мира (связь целостного человека с миром как целостностью – это связь, характеризующая процесс развития человека) – эта целостность представлена формой установления связей между объектами мира либо гармоничной (оптимальной), либо противоречивой [там же].

Повторяющаяся оценка формирует нормы и принципы социокультурного образования (коллектива, группы, общества). Нормы представляют собой устойчивые оценки в сознании индивида, которые имеют большой «личный смысл» для субъекта (Д. А. Леонтьев) [95, с. 56].

Нормы, в свою очередь, складываются в ценностные ориентации личности – «цели, стремления, желания, жизненные идеалы, систему определенных норм» (В. Б. Ольшанский) [127, с. 90]. Под ценностными ориентациями В. Б. Ольшанский, впервые обратившийся к исследованию данной проблематики в отечественной психологии, понимает цели, стремления, желания, жизненные идеалы, рассматривая в виде норм, принятых в данном обществе. По его мнению, на личностное отношение индивида влияет групповое сознание общества. «Индивидуальные отклонения от системы ценностей группы отражаются в поведении индивида. Это определяет отношение к нему в коллективе, которое в данном случае выступает как фактор группового контроля. Это отношение, однако, может выступать и как детерминант, в соответствии, с которым человек меняет свою ценностную ориентацию» [там же, с. 94].

В отечественной социологии и психологии проблема ценностных ориентаций рассматривалась В. А. Ядовым, А. Г. Здравомысловым, В. Б. Ольшанским, С. Коном, К. Д. Давыдовым, К. К. Платоновым и др. Проанализировав труды данных представителей, можно выделить два подхода в осмыслении проблем ценностных ориентаций: социогенетический и

личностно-ориентированный. Первый подход объединяет таких представителей, как В. Б. Ольшанский, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. Данные представители считали, что устойчивая структура ценностных ориентаций определяет активность личности, упорство, верность своим принципам. В свою очередь противоречивость ценностных ориентаций влечет непоследовательность и непредсказуемость в поступках. Таким образом, ценностные ориентации являются ядром структуры личности, определяя её направленность [207, с. 167].

Рассматривая ценностные ориентации, А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов отмечали, что они являются важнейшим элементом структуры личности и определяют её поведение. По их мнению, ценностные ориентации являются важнейшими элементами внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний. Они отграничивают существенное и важное для данного человека от несущественного. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентации образует своего рода ось сознания, обеспечивающую устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности, выраженную в направленности потребностей и интересов. В силу этого ценностные ориентации выступают важным фактором, обуславливающим мотивацию действий и поступков личности [11, с. 190].

Ценностные ориентации есть разнообразные основания (идеологические, моральные, эстетические, политически) для оценок субъектом действительности [210, с. 250].

Представители второго направления – И. С. Кон, К. Д. Давыдова и др. в своих рассуждения соотносили ценностные ориентации с различными видами установки. По мнению И. С. Кона, ориентация и есть система установок, благодаря которым личность так ли иначе воспроизводит свои действия.

К. Д. Давыдов выделяет социальные установки, ценностные установки и ценностные ориентации. При этом данные словосочетания не являются синонимами, они имеют абсолютно разное значение. Под социальной

установкой К. Д. Давыдов понимает фиксированную установку на социальные объекты, формирующуюся на основе единства потребности, среды и социальных ожиданий. В её основе лежит опыт. Социальная установка обязательно включает оценочное отношение и может быть выражено триадой – принятием, непринятием и индифферентностью. Ценностная установка есть та же социальная установка, направленная на значимый объект (материальный или нематериальный). Ценностные ориентации представляют собой систему ценностных установок личности, характеризующую избирательное отношение личности к ценностям. Ценностная ориентация представляет собой иерархическую структуру и определяет направленность личности. Таким образом, в русле личностно-ориентированного подхода личность самостоятельно выбирает стиль поведения, заранее принимая на себя ответственность за свои поступки [там же, с. 166].

В ценностной ориентации выделяют такие составляющие компоненты, как когнитивный, эмотивный и поведенческий. Когнитивный компонент является своего рода элементом знаний о ценности. Эмотивный компонент представляет собой эмоциональную оценку, или оценочное суждение. Поведенческий компонент является регулятором поведения личности. Данные компоненты ценностной ориентации связаны между собой неоднозначно, причем неоднозначно: знания являются фундаментом формирования оценочных суждений, оценки определяют критерии, которыми регулируется поведение в реальных условиях. При этом субъективный аспект присутствует во всех компонентах. В результате, основное содержание ценностных ориентаций заключается в мировоззренческих и нравственных убеждений личности [186, с. 73].

Таким образом, ценностные ориентации являются одним из важных образований личности, потому как именно они отражают осознанное отношение индивида к социальной действительности: «направленность личности на те или иные ценности составляет ее ценностные ориентации» [5, с. 59].

Ценностные ориентации включают следующие параметры.

1. Степень сформированности иерархий ценностей личности и их направленность. Интериоризация ценностей происходит лишь в том случае, когда личность способна вычленять из явлений и предметов именно, те, что является ценностью, в зависимости от целей, средств, временных рамок.

2. Содержательная сторона личности (в зависимости от того, какие ценности предпочтительнее для личности, каково их сочетание определяется направленность деятельности человека) [192, с. 109].

Вместе с тем, ценности и ценностные ориентации не всегда согласованы. Иногда имеет место диссонанс между ними, например, в контексте должного и желаемого. Особенно это касается воинской среды, где процесс становления военного профессионала претерпевает базовые противоречия, «навязываемые» внешней воинской культурой, и внутренних факторов.

В структуре ценностных ориентаций выделяют 3 вида противоречий:

- 1) противоречия внутри одной личностной ценности;
- 2) противоречия, возникающие между двумя личностными ценностями одной направленности;
- 3) противоречия, возникающие между двумя ценностями разной направленности.

Данные противоречия побуждают личности к активности, принятия и усвоения новых форм поведения для их преодоления [66, с. 56].

Многие ученые видят связь между мотивационной составляющей и ценностными ориентациями (В. А. Ядов, Б. Ф. Поршнев). В. А. Ядов в своих исследованиях выделяет два подхода к понятию ценностных ориентаций. Первый подход, социально-психологический, исследует ценностные ориентации с позиций социализации и адаптации личности к нормам и требованиям. Вторым подход, общепсихологический, исследует ценностные ориентации с точки зрения высших мотивационных структур жизнедеятельности. Б. Ф. Поршнев видит основу личности в свободе принятия решения, выбора. Именно выбор допускает преимущество одного мотива над

всеми другими. При этом в основе выбора лежит ценность, она же является мерой сравнения мотивов [там же].

В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский выделяют два типа мотивации – внешнюю и внутреннюю. Первый тип характеризуется внешним локусом каузальности, т. е. те причины, которые определяют поведение личности, находятся вне её. Личность с таким типом мотивации часто подвержена затруднениями в ходе самореализации, она как бы «зависима» от внешних фактор, определяющих её личностные стратегии. Данный вид мотивации нередко провоцирует стереотипное мышление, из-за чего блокируется творческий подход. Детерминация посредством внутренней мотивации предполагает самореализацию внутренних личностных факторов и характеризуется внутренним локусом каузальности. Личность с таким типом мотивации самореализуется на основании собственного выбора и выбирается такие условия, которые способствуют осуществлению свободы выбора [83, с. 48].

Д. Юм утверждал, что «...когда вы признаете какой-нибудь поступок или характер порочным, вы подразумеваете под этим лишь то, что в силу особой организации вашей природы вы испытываете при виде его переживание (feeling) или чувство (sentiment) порицания. Таким образом, порок и добродетель могут быть сравниваемы со звуками, цветами, теплом и холодом, которые, по мнению современных философов, являются не качествами объектов, но перцепциями нашего духа». «Гильотина Юма» (так именуют его тезис о невозможности вывести нормативные и ценностные суждения из описательных) стала непосредственной предпосылкой последующего философски осознанного дуализма «бытия» и «ценностей» [213, с. 417].

Для философской аксиологии характерно дифференцирование понятия ценностей на объективные и субъективные. Субъективные ценности представляют собой нормативные представления – императивы, нормы, установки, запреты. Объективные ценности представляются в качестве

соотношения истинного и неистинного, допустимого и запретного [192, с. 375].

А. А. Тараданов в своем исследовании логики социального область ценностей определяет в границах добродетели и порока, при этом добродетель определена как гармония-мера добра и зла, а порок – как их дисгармония (чрезмерность того или другого) [170, с. 71].

Н. Гартман утверждает, что все конкретные жизненные ситуации таковы, что в них всегда сталкиваются несколько ценностей сразу. Но интенция участника ситуации не может, как правило, быть направленной на все ценности. Она необходимо является выбором одной (или не скольких) из них, и, таким образом, нарушением других. При такой констелляции ценностей, когда они одновременно сталкиваются в данной ситуации, *добро* – это всегда направление на более высокие ценности, *зло* – направление на более низкие. Смысл добра требует не отрицания более низких ценностей (собственной выгоды или счастья) – это было бы искажением ценностного чувства и должно было бы привести к рессентименту, – но отречения от ценностей, занимающих более низкое положение, и предпочтении более высоких (например, чужое право или благополучие). Добро как ценность интенции актов материально существует в предпочтении более высоких ценностей, зло – более низких. То, что при этом низшие ценности вполне ощущаются и признаются, также принадлежит к сущности блага. Честный знает о ценности благ чужой собственности, которую как таковую он уважает. И только при этом условии его уважение есть подлинная честность [44, с. 287].

Выводы по главе 1

Личность – понятие, выработанное для отображения социальной природы человека, рассмотрения его как субъекта социокультурной жизни, определения его как носителя индивидуального начала, самораскрывающегося в контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности [2, с. 97]. Личность есть соотношение её психологических и социальных контекстов, единство психологической структуры и социального бытия. Личность социальна, потому как её роли и самопознание есть продукт общественного развития. Поэтому понятие личности является ключевым понятием в таких науках, как социальная философия, социология, психология. Личность – целостность социальных свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения [123, с. 196].

Формирование личности социально детерминировано. Эта детерминированность обусловлена комплексом социальных доминант, существующих в форме устойчивых, общественных по природе связей и отношений. Указанные доминанты, направляя формирование личности, становятся регулятивами как элементами механизма гармонизации отношений индивидов и общества («симфонизации личности» по Л. П. Карсавину).

В составе наиболее значимых регулятивов формирования личности называются ценностные доминанты статуса личности: ответственность и долженствование, из которых формируются такие фундаментальные ценностные регулятивы, как честь и достоинство.

Концепции чести укладываются в рамки двух основных парадигм: парадигму «объективной оценки» и парадигму «субъективно-объективной оценки». Смысл первой состоит в том, что честь, будучи социальной категорией, есть оценка личности и ее поступков, так сказать её «внешняя сторона». Её сторонниками являются А. М. Эрделевский, В. М. Седов,

И. С. Ной, Б. Т. Безлепкин и др. Анализ высказываний приверженцев данной теории позволяет сделать вывод о неоднородности их рассуждений касательно данного понятия.

Теория «субъективно-объективной оценки» строится на том, что категория чести выражает высокую оценку деятельности человека со стороны общества, при этом проявляющуюся в уважении вместе с высокой самооценкой личности [80]. Среди приверженцев данной теории Н. А. Придворнов, А. А. Власов, А. В. Белявский, А. д. Анисимов, С. С. Омельченко и др. Выделяя внутреннюю и внешнюю стороны чести, авторы указывают на их взаимообусловленность и взаимосвязь.

Таким образом, согласно обеим аксиологическим теориям, честь есть оценка. С точки зрения теории объективности, честь есть оценка личности и её поступков: «честь есть морально-политическая оценка гражданина со стороны общества» (Б. Т. Безлепкин). С точки зрения теории субъективно-объективной оценки, честь есть оценка деятельности человека со стороны общества, при этом проявляющаяся в уважении вместе с высокой самооценкой личности [там же].

Как и в вопросе о чести, достоинство рассматривается как «субъективная» и «объективно-субъективная» оценка. Теория «субъективной оценки» (А. Осмонов [128], К. Шахманаев [201]) рассматривает достоинство личности как осознание самим человеком (субъектом) фактом обладания определенных нравственных и интеллектуальных качеств. При этом, как утверждают приверженцы данной концепции, достоинство определяется не только как самооценка, но и как репутация, включающая благоразумие, уровень знаний и нравственные навыки. Таким образом, данная теория имеет рациональное звено, однако в ней не учитывается общественная значимости категории «достоинство».

Наиболее широкое распространение получила концепция «объективно-субъективной оценки» понятия «достоинство». Среди приверженцев данной концепции – В. А. Блюмкин, А. В. Белявский, А. А. Власов, В. П. Тугаринов,

Н. А. Придворнов, И. И. Солодкин, Н. А. Пятак и др. Идея данной концепции заключается в том, что достоинство есть понятие, выражающее представление о ценности каждого индивида в обществе, а также особое моральное отношения индивида к самому себе, а также со стороны общества к индивиду.

Объективные компоненты данной концепции включают такие аспекты, как:

- человеческое достоинство априори принадлежит человеку независимо от его качеств и умений;

- личное достоинство как ценность человека вообще;

- достоинство человека как представителя какой-либо группы (например, профессиональное достоинство).

Субъективность данной концепции состоит в осознании человеком собственной ценности [9, с. 32].

Ценность, однако, необходимо отделять от оценки, а также от блага. Оценка есть субъективное проявление ценности; благо – объективное. Из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки.

Ценности определяются идеальными нормами, нормы же служат основанием для оценивания. В соответствии с идеальными нормами выносятся суждения о ценности того, что происходит в силу естественной необходимости. Нормы служат правилами оценки.

Смысл оценки состоит в соответствии или несоответствии объекта оценки определенному идеалу (эталону, образцу, норме). Оценка показывает интервал между ценностной моделью и действительностью. Если он велик, то выносятся отрицательная оценка действительности, если минимален – положительная.

Однако, сами идеалы, эталоны, образцы и нормы уже есть продукты ценностного мира личности: они потому и стали таковыми, что признаны личностью как ценимые ею, то есть – её ценности образовались как выводы из её оценочных суждений. Таким образом, диалектический парадокс ценности и оценки предстает в следующей дилемме: ценность всегда есть результат

субъективной оценки – но основаниями (правилами) оценки являются объективные идеалы, эталоны, образцы и нормы, которые таковыми и стали лишь потому, что сами уже есть феномены ценностного мира личности.

Оценочные сужения являются предметом оценки в категориях истинности и ложности, справедливости и несправедливости. Оценка объекта может быть как положительной, так и отрицательной с возможными четырьмя исходами:

- 1) положительная оценка положительного;
- 2) положительная оценка отрицательного;
- 3) отрицательная оценка положительного;
- 4) отрицательная оценка отрицательного.

Положительная оценка личностью положительного и отрицательная оценка личностью отрицательного позволяют определить такую личность как добродетельную; то есть личность, имеющую ценностями добродетеля и творящую дела достойные и благочестивые («благо» и «честь»).

Положительная же оценка личностью отрицательного и отрицательная оценка положительного позволяют определить такую личность как порочную; то есть личность, ценностями которой являются преимущественно ценности злодеяния и творящую дела недостойные и нечестивые.

Это значит, что и ценности, и оценки, и нормы объединяются («схватываются») в категориях меры добродетели и порока. Вслед за историческими изменениями содержания норм добра и зла меняется и содержание норм добродетели и порока – и вслед за ними меняются и ценности. А это значит, что ценности определяются историческими нормами добродетели и порока после их субъективной оценки личностью.

Норма устанавливается (= определяется) обществом в результате практической оценки тех или иных социальных явлений и отношений с позиций исторической меры их добродетельности и порочности: то есть – объективно. После этого они объявляются и пропагандируются данным обществом в качестве всеобщих (идеальных) ценностей средствами религии и

(или) идеологии. Отсюда, норма есть социально эффективная конкретно-историческая мера добродетели и порока.

Личность, производя субъективную оценку социальных норм и общественных идеалов, заявляемых данным обществом в качестве всеобщих ценностей, принимает индивидуальное решение о том, какие нормы для нее значимы (они и становятся затем её ценностями), а какие – нет.

Параллельно личность через субъективную практику, на основе собственных (а не общественных) оценок меры добродетельности и порочности тех или иных социальных явлений и отношений вырабатывает и собственные ценности, не всегда соответствующие общественным нормам.

Отсюда, ценность есть индивидуально значимая конкретно-историческая мера добродетели и порока.

Добродетель составляют такие качества личности, как следование высокому, истинному, справедливому, достойному, благочестивому, приоритет нравственного идеала; а порок – как следование низкому, ложному, несправедливому, недостойному, нечестивому, приоритет безнравственного идеала.

Достоинство личности (человеческое достоинство) есть (составляют) следующие качества личности: 1) следование общественному нравственному идеалу; 2) уважение другого человека; 3) самоуважение. Это позволяет определить достоинство личности как меру-гармонию в ней ценности и нормы; недостойным же личности являются чрезмерность ценности и нормы: самомнение (эгоцентризм) – или гипертрофированное подчинение «общественному мнению» (ритуализм).

«Человек чести» – это личность, следующая долгу при сохранении «лица», что и придает ей «моральное или социальное достоинство»; содержащая «достойные уважения и гордости моральные качества человека», «сознание человека о своем собственном достоинстве». Это определяет честь как достоинство гармонии (соразмерности) исполнения долга (принятых обязательств) и сохранения «лица» (соответствия поведения норме). А это

значит также, что честь (вслед за достоинством, ценностью, нормой) имеет конкретно-историческое содержание. Из диалектики долга и «лица» и происходят добродетели и пороки человека чести.

Указанная диалектика проявляется в одной из четырех коллизий:

Коллизия 1. «Суверен» (субъект, перед которым личность имеет долговое обязательство) и норма остаются неизменными весь жизненный период личности – или претерпевают несущественные изменения («законная» смена «суверена» или принятие обществом дополнений к норме). Тогда коллизии чести замыкаются в пределах личности в её борьбе «с самой собой»; в противоречиях в ней «высшего» и «низшего» («души» и «тела»).

Коллизия 2. Существенно изменяется «суверен» (например, в результате государственного переворота), – но не меняется норма. И тогда «человек чести» должен сделать достойный выбор между своим долгом низвергнутому «суверену» и долгом должности «суверена», занятой теперь другим субъектом.

Коллизия 3. Существенно изменяется норма (например, в результате смены референтного сообщества; замены в сфере управления института дворянства на институт выборности), – но не меняется «суверен» (например, королевская власть остается – как в Швеции или Англии). И тогда «человек чести» должен сделать достойный выбор между следованием нормам дворянства и нормам демократии.

Коллизия 4. Существенно изменяется и «суверен», и норма (например, «пролетарская революция» 1917 года). В этом случае коллизия для «человека чести» предельно упрощается: он теперь ничего никому не должен и свободен в своем поведении от следования норме (анархия).

Но эта же коллизия и предельно усложняется: личность остается без непосредственных ориентиров поведения (норм) и вынуждена сама определять, реализация каких её достоинств позволит её оставаться «человеком чести» – если, конечно, это остается ценностью для неё и для общества. Основанием для этого выбора во всех четырех коллизиях, – в

последней особенно, – являются добродетели личности как гармония ценностей и норм.

Если для личности (в диалектике меры – чрезмерности; гармонии-дисгармонии добродетели и порока) более ценно следование долгу (служение), личность определяет в свои ценности «всеобщее благо» (государственную, муниципальную, воинскую, полицейскую службу); если же в этой диалектике для личности более ценно обретение и «сохранение лица», личность определяет в свои ценности индивидуальные добродетели: предпринимательство, творчество, семейное благополучие.

Таким образом, в коллизиях чести реализуется такая фундаментальная ценность, как свобода, подтверждая точность её гегелевского определения как «осознанной необходимости», где в ранге «необходимости» выступает норма, а в ранге «осознанности» – ценность.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

2.1. Армия как социальный институт формирования личности военнослужащего

Вооруженный конфликт в Сирийской Арабской Республике, длящийся с 2015 года, показал, что военнослужащие Вооруженных сил РФ, проходящие там службу, подвергаются постоянной угрозе жизни при выполнении поставленных боевых задач, о чем говорят новостные сводки о погибших военнослужащих нашей армии [32]. Таким образом, военнослужащие ВС РФ, с риском для жизни выполняющие свой воинский и служебный долг, несут ответственность за свои действия, понимают важность своей личности и её специфику как военнослужащего ВС РФ.

Личность военнослужащего – это индивидуальная общественная сущность, связанная с сущностью общества. Военнослужащий, как и любая личность, обладает не только общими чертами, свойственными конкретному типу личности, но и индивидуальными, присущими только ему [31, с. 201].

Для формирования социализированной личности военнослужащего требуется воспитание воли. Физические упражнения, волевая регуляция могут стать первым этапом для её воспитания. Однако без должного внимания к нравственным эталонам никакие средства воспитания не могут стать эффективными. Воля – это бессознательный контроль личности над своим поведением. Воля является важным компонентом психики и выполняет две важные функции: побудительную и тормозную. Побудительная функция обеспечивает активности личности; тормозная функция «стопорит» нежелательное проявление активности. В таком взаимодействии функций воли преодолеваются как внешние, так и внутренние препятствия личности и вырабатываются такие важные волевые качества для военнослужащего, как дисциплинированность, выдержка, настойчивость, решительность, мужество.

Данные волевые качества способны развиваться только в условиях грамотного и профессионального воспитания.

Формирование личности военнослужащего – сложный, многоуровневый процесс, определяемый специфическими чертами воинской культуры. Формирование личности есть непрерывный процесс целенаправленного прогрессивного изменения личности, в основании которой лежит осознаваемая личностью потребность под влиянием как социальных действий, так и собственной активности.

Формирование личности не тождественно социализации, поскольку формирование личности есть закономерный и объективный процесс, а социализация является стихийным процессом интеграции личности в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, позволяющими ей успешно функционировать в обществе [160, с. 57].

В процессе формирования личности человек выступает не только как объект воздействия, но и как субъект деятельности и общения. Формируясь в ходе взаимодействия с окружающей средой, личность приобретает общественно выработанный опыт, который в дальнейшем усвоении становится личным опытом человека. В личном опыте образуются представления о нормах и ценностях, об межличностных отношениях и отношениях к самому себе.

По А. Н. Леонтьеву, личность «рождается» дважды. Первый раз в школьном возрасте, когда устанавливается иерархия мотивов, их соотнесение с социальными критериями. Второй раз в возрасте подростковом, когда происходит осознание мотивов поведения и осознается возможность самовоспитания, саморуководство [156, с. 103].

Формирование человека не тождественно пассивному приспособлению людей к социальной среде, а охватывает и их собственную практическую деятельность, в которой они, воздействуя на окружающий мир, изменяют социальную среду и вместе с тем изменяется и сама личность.

Термин «социализация» используется в обозначении процесса становления и развития личности с конца XIX века (Ф. Гиддингс, Э. Дюркгейм, Г. Тард и др.). Так, теория социализации Э. Дюркгейма (Дюркгейм Э., 1996) строится на положении о двойственной природе человека, когда биологическая природа человека (способности, биологические функции, им пульсы, страсти) находятся в противоречии с его социальной природой, создаваемой путем воспитания (нормы, ценности, идеалы), что обуславливает внутреннее беспокойство и тревожность, которое снимается только благодаря обществу, тем самым регулирует биологическую природу человека. В теории социализации С. Г. Тарда указывается на принцип подражания и отношение «учитель – ученик», которое провозглашается типовым во всем многообразии социальных отношений [84].

Процесс формирования личности военнослужащего на всех данных уровнях является двусторонним: с одной стороны, личность формируется под влиянием коллектива, в котором она непосредственно находится, с другой стороны, сама личность развивается благодаря осуществляемой деятельности, труду. Формирование личности происходит, прежде всего, самым воинским образом жизни. Воспитательный процесс включен в строго регламентированный воинский уклад. При этом он гармонично направлен на поддержание воинского образа жизни и должен ему всячески способствовать, но ни в коем случае не нарушать. Недооценка важности образа жизни личности военнослужащего может привести к внутреннему диссонансу в самой личности.

Механизм социализации личности военнослужащего включает следующие составляющие:

1. Индивидуализация, или переход от коллективной деятельности к индивидуальной.
2. Интимизация, или процесс самопознания личности.
3. Интериоризация (по Выготскому), или формирование внутренних структур психики личности методом усвоения внешней социальной

деятельности. Данный процесс лежит в основе механизма социализации [38, с. 142].

Формирование личности военнослужащего должен обеспечивать образовательный процесс, построенный на методологических основаниях, рассмотренных, в частности, в работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», которая остается актуальной и по сей день. В данной работе выделены следующие основные положения.

1. В основе образовательного процесса лежит принцип гармоничных отношений личности и окружающего мира.

2. Концепция гармонизации личности предполагает такие составляющие деятельности личности, как гуманистическая, философская, этическая, эстетическая, психологическая, творческая.

3. Механизмы гармонизации личности и мира: переживание, рефлексия, ценностный анализ.

4. Условия реализации гармонизации личности и мира: свобода, ситуация, проблемность.

Формирование личности военнослужащего есть процесс, при котором биологические потребности многообразно изменяются. Однако само становление порождают не изменения врожденных биологических свойств. Несомненно, они сохраняются, но лишь как особенности индивида. На формирование личности оказывает влияние его деятельность, в частности, воинская. Деятельность представляет собой субстанцию личности. В качестве базиса личности выступает совокупность отношений к миру, которые реализуются путем деятельности. Помимо этого деятельность выступает важнейшей формой проявления активного приспособления личности к окружающей среде. Таким образом, личностью не рождаются, личностью становятся (А. Леонтьев, С. Рубинштейн).

Становление личности связано, прежде всего, с развитием трудовой деятельности, – утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс [107, с. 451]. Поскольку воинская деятельность детерминирована потребностью общества в

обеспечении военной безопасности, то её исполнение существенно влияет на личность военнослужащего, формируя, тем самым, необходимые качества для несения воинской службы.

К субъективным факторам, влияющим на личность офицера, относятся:

- сама личность офицера с ее предпочтениями, противоречивыми потребностями и интересами;

- психофизиологическое состояние офицера, включающее волевые качества, природные задатки, характер, темперамент, его способности, состояние здоровья, физическое развитие и др., а также степень его социальной активности;

- семья офицера.

К объективным факторам, оказывающим влияние личность офицера, относятся:

- деятельность государства и армии;

- система обучения и воспитания, сложившаяся как в обществе, так и в Вооруженных Силах;

- строго регламентированная воинская деятельность, требующая от офицера высокой отдачи сил.

Таким образом, личность военнослужащего формируют как объективные факторы, так и субъективные, т.е. непосредственно влияющие на военнослужащего, но от него напрямую независимые. Субъективные факторы очень важны, поскольку они формируют личность как профессионала благодаря системе обучения и воспитания, и задают вектор его развития благодаря деятельности государства, которое диктует потребность в военнослужащем определенного рода войск на определенной должности для выполнения специальных полномочий. В результате, и субъективные, и объективные факторы кооперируются между собой, формируя при этом личность военнослужащего.

Формирование личности военнослужащего происходит в процессе социализации личности и в направленном процессе воспитания и обучения.

Помимо общесоциальных навыков, личность осваивает специфические навыки, в частности военные, боевые и избранно-профессиональные. Благодаря такому многостороннему усвоению норм и знаний формируется, с одной стороны, индивидуальная, ни на кого не похожая личность военнослужащего, но с другой стороны личность коллективная, обладающая особыми знаниями и статусом члена данного коллектива.

Взаимоотношения преподавателя и курсанта военного вуза, учителя и ученика формируются в совместном труде, при взаимном уважении к достоинству личности. Методы воспитательной работы вполне применимы и в воинских образовательных учреждениях. Демократические отношения между педагогом и обучающимся, педагогическое мастерство, производительный труд, творческий поиск и эксперимент – вот основы продуктивной образовательной деятельности (А. С. Макаренко) [105, с. 56].

Среди воспитательных методов военнослужащих выделяют убеждение, пример, поощрение, упражнение. Для профилактики и перевоспитания используются методы переучивания, переубеждения. При этом А. С. Макаренко утверждает, что ценность метода воспитания не может быть определена, потому как метод сам по себе не может быть ни хорошим и ни плохим, поскольку «...и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим» [там же, с. 78].

По утверждению Т. Е. Конниковой, методы воспитания будут эффективными только в том случае, если их применение учитывает ряд особенностей, в том числе условия, в которых осуществляется образовательный процесс, возрастные и индивидуальные изменения личности или коллектива. Однако это не исключает индивидуального подхода в процессе воспитания. Процесс формирования личности имеет ключевое значение для характеристики человека – оно обеспечивает сознательные формы поведения и деятельности личности. В результате, любая реакция

личности на происходящее есть его особенности личности, которые сформировались в процессе его становления [24, с. 23].

Гуманистическая составляющая образовательного процесса становления личности военнослужащего очень важна. Данное положение обосновано С. Л. Рубинштейном, а также Н. Ф. Федоровым, В. С. Соловьевым, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым и др.

Б. С. Братусь говорит о том, что в воспитании играют роль прежде всего нравственные идеалы, которые воспитатель прививает воспитаннику. При этом роль воспитателя очень важна, поскольку он выступает реальным воплощением смысловых уровней, которыми воспитанник пока не обладает. Благодаря общению, совместным переживаниям и совместной деятельности происходит обучение. Б. С. Братусь ссылается на Л. С. Выгодского, говоря о том, что когда ребенок подрастает, роль взрослого может выполняться другим человеком или группой, но его путь остается прежним: благодаря деятельности, труду осваиваются новые уровни и аспекты смысловых отношений к действительности [28, с. 33].

В работах Н. Г. Емузовой, С. Н. Ющенко процесс воспитания личности связан с созданием условий для самореализации, самопознания и самовоспитания личности, т.е. направлен на активизацию и актуализацию внутренних сил и способностей личности. Я. А. Коменский, Дж. Локк, В. А. Сухомлинский в своих исследованиях делали акцент на воспитании чести и достоинства личности посредством наглядного примера – педагога, наставника, воплощающего идеал для подражания. В. А. Сухомлинский, С. Френе в своих трудах указывали, что подлинная цель и точка опоры деятельности для становления достоинства личности строится на идеале воспитателя. Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, А. Сен-Симон, Н. А. Чернышевский и др. рассматривали в своих трудах значение образования в системе воспитания достоинства личности [110, с. 117].

Ж.-Ж. Руссо в своем произведении «Эмиль, или о воспитании» указывал на то, что в воспитательном процессе нужно обходиться без насилия,

вырабатывать у обучающегося интерес к учебе чувственное познание в процессе обучения есть источник научного знания. Особая роль в воспитании принадлежит учителю, и естественно обучение невозможно без свободы. В произведении утверждается, что обучение и воспитание не стоит отделять, потому как обучающегося стоит научить одной – единственной науке – науке об обязанностях. Воспитатель не должен учить законам и правилам, он должен помогать воспитаннику самому прийти к выводам и сделать умозаключение, при этом не заставляя его, а наоборот, воодушевляя на поиски научной истины [149]. Таким образом, стержень воспитания в самовоспитании. Трактат Руссо не потерял своей актуальности и сегодня, и данные наставления применимы и к образованию военнослужащих.

Гельвеций в трактате «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» полагал, что окружение, среда играет большую роль в формировании личности. Гельвеций утверждал, что абсолютно все люди рождаются с одинаковыми способностями, но их развитие зависит от среды, в которой формируется личность. При этом автор говорил о воспитании как о довольно широком понятии, как о «совокупности всех условий жизни индивидуума» [72, с. 46].

Вопреки взглядам Гельвеция, Д. Дидро говорил о том, что воспитание не сыграет существенной роли в формировании личности, если природой не заложены способности для развития личности. Конечно, воспитание играет большую роль в процессе формирования, но достичь больших результатов без природных данных невозможно, считает автор. В процессе воспитания, как считал Дидро, необходимо уделять внимание индивидуальным особенностям личности – анатомическим и физиологическим, а также среде, в которой формируется личность. Среди основных принципов просвещения Дидро выделял доступность, всеобщность, бесплатность, светскость, профессионализм воспитателя [56].

В качестве социального института формирования личности военнослужащего выступает армия. Социальный институт – исторически

сложившиеся устойчивые формы совместной деятельности людей, система социальных связей, совокупность социальных ценностей, норм, ролей, статусов. Академик Г. В. Осипов определяет социальный институт как определенную организацию социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемую посредством взаимосогласованной системы целесообразно-ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему предопределяется решаемой социальной задачей [161, с. 63].

Л. Седов определяет социальный институт как устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему [152, с. 76]. По мнению Н. Коржевской, социальный институт представляет собой общность людей, выполняющих определенные роли на основе их объективного положения (статуса) и организованных посредством социальных норм и целей [87, с. 86]. В данных определениях социальный институт выступает как совокупность стандартов, требований и норм, связанных с определенной структурой, благодаря чему общество контролирует деятельность людей.

Г. Спенсер рассматривает шесть основных разновидностей социальных институтов: домашние, обрядовые, церковные, политические, промышленные и профессиональные [192, с. 32]. Армия входит в состав политических институтов. Помимо функции обеспечения стабильности общества, социальные институты обеспечивают превращение человека в социальное существо, благодаря социальным действиям, имеющим коллективный характер. К возникновению армии как социального института прямое отношение имеют войны, а также необходимость поддерживать общественный порядок и стабильность в обществе. Войны и конфликты сыграли определяющую роль в становлении классовой структуры общества и политической организации; именно война разделили первобытные группы людей на вождей, воинов и крестьян [там же, с. 57].

Армия (или Вооруженные Силы) представляет собой особый социальный институт, благодаря которому государство реализует монопольное право на защиту своей территориальной целостности с применением вооруженного насилия от внешних угроз. Армия – организованное объединение вооруженных людей, содержимое государством в целях наступательной или оборонительной войны [89, с. 317].

По мнению И. Гофмана, армия – один из тотальных институтов. Тотальный институт – место деятельности и пребывания большого количества людей, долгое время отрезанных от внешнего мира, и совместно ведут затворническую жизнь, формы которой имплицитны и тщательно регламентированы [198, с. 10]. Согласно концепции И. Гофмана, среди принципов тотальных институтов – сокращение «частной сферы» личности, свойственной нормальному существованию. Армию как тотальный институт могут характеризовать такие принципы, как:

- ограниченность контактов с остальным обществом;
- дистанция между социально исполняемыми ролями;
- формализованный распорядок жизни [183, с. 10].

По сути, тотальный институт «поглощает» своего сотрудника: он обязан подчиняться принятым нормам, без возможности альтернативы, иначе к нему могут быть применены санкции; нормам и правилам подчинены и профессиональная и личная жизнь. Помимо этого, тотальный институт армии распространяет свое влияние не только на непосредственных его участников (военнослужащих), но и на ближайшее окружение военнослужащих (семью) [85, с. 314].

Помимо того, что армия является социальным (Г. Спенсер) и тотальным (И. Гофман) институтом, армия позволяет быстро изменить имеющийся статус, то есть является социальным лифтом (П. Сорокин). По мнению П. Сорокина, для личностного роста человеку необходимо искать свой канал мобильности (социальный лифт). Так, среди видов социальных лифтов П. Сорокин выделяет семью, школу, церковь, бизнес, а также армию [159, с. 310].

З. Фрейд считал, что армия, как коллективистское сообщество, включает три части: рассудочную, (требующую веры), чувственную (требующую любви), и деятельностьную (требующую повиновения). В отличие от любых других коллективистских обществ или сообществ, в армии на первый план выходит деятельностьная часть коллектива. Затем рассудочная часть, которая предполагает служение отечеству, исполнение долга, продолжение национальной славы и др. И только потом чувственная часть, предполагающая отеческую любовь полководца к своим солдатам и их ответная любовь к нему [189, с. 176].

Армия, как коллективистское сообщество (З. Фрейд), обладает специфической корпоративной культурой. Корпоративная культура есть «принимаемая всеми военнослужащими философия и идеология военного управления, ценностные ориентации, верования, ожидания и нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействий как внутри воинской части, так и за ее пределами» [там же, с. 44].

В научных трудах определяются следующие требования к воинской корпорации:

- сплоченность (Э. Свадзинский) [151, с. 239];
- здоровые межличностные отношения и высокий «корпоративный дух» (А. Сурин) [16, с. 16];
- справедливость, разумность и уважительность отношений между офицерами (Ф. Юзефович) [212, с. 77];
- товарищество и доверительность (Л. Толстой) [177, с. 407];
- бережное отношение и оказание помощи молодым офицерам [21, с. 250].

В структуре корпоративной культуры офицеров А. И. Ракилов выделяет ядро: нормы, стандарты, эталоны, правила деятельности, систему ценностей. В ядре корпоративной культуры реализуются фольклор, мифология, предрассудки, привычки, исторические традиции, образы. Основными понятиями в корпоративной культуре являются долг и честь

военнослужащего. Что касается корпоративной культуры офицеров, как настоящих, так и будущих, то стержневыми понятиями в ней являются долг и честь. Профессиональная честь военнослужащего является основой сплоченности воинского коллектива [180, с. 137].

На уровне корпоративной профессиональной идентификации постепенно складывался образ социальной престижности данной профессии, составляющий одну из важнейших социальных стратификаций в культуре. Военнослужащий, как защитника Отчества:

- строго соблюдает воинскую иерархию;
- высоко дисциплинирован;
- обладает развитым чувством долга, ответственности, гражданственности, патриотизма.

Таким образом, требования долга, дисциплины и неукоснительной иерархии священны для военнослужащего, они являются армейскими ценностями со времён появления регулярной армии в России, и остаются актуальными по сей день. С точки зрения личности военнослужащего как профессионала, благодаря его уникальной компетенции, реализуется социальный престиж и монополизирована ниша обеспечения социальной безопасности [73, с. 11].

Понятие личности неотделимо от понятий свободы и самостоятельности. Любой человек, живущий в обществе, вынужден приспособливаться под образ жизни этого общества. В воинской среде пример конформизма (приспособлен) наиболее показателен, поскольку перед личностью возникает множество моментов «ущемления» личностных интересов в пользу интересов деятельности коллектива. Понятие конформизма с социально-психологической точки зрения не имеет ярко выраженного негативного значения, но обозначает такое поведение, когда личность уступает групповому давлению.

В воинском коллективе мера конформности наиболее высока, подчиня личность гораздо сильнее, нежели в других коллективистских сообществах.

Это подчинение не только «внешнее», т. е. индивид, выходя из-под влияния группы руководствуется своими личными установками, но «внутреннее», когда человек полностью принимает установки группы как свои личные и руководствуется как в данной группе, так и вне её.

В воинском коллективе понятия свободы и ответственности одновременно и относительны и абсолютны. В армии определение свободы различается от негативного значения «свободы от» и позитивного «свободы для». Если в негативном значении имеются в виду определенные ограничения, то в позитивном значении оно апеллирует к сознательной активности и реализацию важных государственных функций, связанных с задачами обеспечения государственной безопасности, за осуществление которых личность военнослужащего несет персональную ответственность. Леонид Мартынов поэтически изобразил этот парадокс свободы и ответственности:

Я уяснил,

Что значит быть свободным.

Я разобрался в этом чувстве трудном,

Одном из самых личных чувств на свете.

И знаете, что значит быть свободным?

Ведь это значит быть за все в ответе! [85, с. 130]

А. С. Макаренко, развивая тему взаимосвязи ответственности и защищенности в коллективе, говорил о том, что коллектив защищает от эгоизма личности, и тем самым защищает каждую личность от другой личности, обеспечивая благоприятную почву для её развития. Данное утверждение применимо также и к воинскому коллективу. Требования, воспроизводимые в воинском коллективе, являются воспитывающими по отношению к членам данного коллектива. Так, личность в данном случае выступает в новой позиции воспитания – она не объект воспитания, а его

непосредственный носитель – субъект, выражающий интересы всего коллектива [104, с. 45].

Таким образом, процесс становления личности военнослужащего является сложным и многогранным процессом, обусловленный специфической воинской деятельностью. Особенности воинской деятельности делают личность военнослужащего специфичной, требующей особого рассмотрения, в особенности таких понятий, как честь и достоинство личности военнослужащего.

Поскольку армия есть коллективистское сообщество (З. Фрейд), в ней есть своя культура, свои нормы, ценности. Благодаря таким фундаментальным ценностям армии как социального института, как патриотизм, воинский долг, дисциплина, воинская иерархия, формируется зрелая личность военнослужащего – защитника Отечества.

Личность есть индивид в аспекте социальных качеств, которые формируются в процессе конкретной деятельности, а также в общественных отношениях. «Сущность «особой личности», – писал К. Маркс, – составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество» [108, с. 37].

Личность защитника Отечества – высококультурная личность, выполняющая воинский долг профессиональной вооруженной защиты своего государства, соблюдающая воинскую иерархию, высоко дисциплинированная и обладающая развитым чувством патриотизма, ответственности и гражданственности.

Воинская деятельность не сводится только к военно-боевым навыкам и умениям, она невозможна без фундаментальных опор на общую культуру военнослужащего как всесторонне развитую личность, что обуславливает формирование духовно-нравственных качеств. Выполнение воинского долга, патриотизм, гражданственность, ответственность, честь и достоинство были и остаются высшими ценностями воспитания истинного защитника своего

Отечества. Воспитание военнослужащих на этих ценностях проводилось в армии ещё с петровских времен.

Повышение престижа армии зависит от пропаганды роли армии в обществе; в обеспечении безопасности государства и его граждан; от боеспособности армии, её технического и материального оснащения, быта военнослужащих и их денежного довольствия. Низкий авторитет армии, неуважение к военнослужащим, а также непривлекательность воинской службы может привести к упадническим настроениям в обществе, развитию терроризма. Благодаря высокому престижу армия может преодолеть данные антисоциальные противоправные явления. Главным показателем престижа армии является высокоавторитетная личность военнослужащего.

Представление о военнослужащем как о вооруженном защитнике страны, о законопослушном гражданине, пламенном патриоте, профессионале, безукоризненно выполняющем свой воинской долг, формирует облик военнослужащего в глазах общества. Формирование личности защитника Отечества как гражданина, профессионала, воина создает привлекательность воинской службы, а значит, и боеспособности всей страны в целом.

Таким образом, социально-философский статус проблемы формирования личности военнослужащего связан с реализацией в данной работе принципов социального детерминизма, приоритета личности в формировании ее профессиональной воинской культуры, а также конкретно-исторического и социокультурного подходов к развитию профессиональной воинской чести и воинского достоинства.

Итак, *формирование личности защитника Отечества армией как социальным институтом есть становление её (личности) ценностями таких норм корпоративной культуры, как «честь мундира» (достоинство поведения в обществе); патриотизм («любовь к своему Отечеству, формирующая потребность в достойном, вплоть до самопожертвования, служении Родине»)*

как *достоинство* гражданина; и профессионализм (глубокое овладение воинским искусством) как *достоинство* специалиста.

2.2. Регулятивная функция чести в формировании личности военнослужащего современной российской армии

Актуализация воинской чести личности военнослужащего в общественном сознании обусловлена не только необходимостью поддержания статусной структуры общества, но и обеспечением статуса военной организации. В офицерской среде известны такие выражения, как «Честь – святыня офицера, она высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь – его награда в счастье и утешение в горе. Честь закаляет мужество и облагораживает храбрость. Честь не знает ни тягостей, ни опасностей; делает лишения легкими и ведет к славным подвигам. Честь не терпит и не выносит никакого пятна» [31, с. 22], «честь – драгоценнейшее свойство офицерского духа» [59, с. 282]. В данных утверждениях прослеживается возвышение воинской чести, как «святыня», «драгоценнейшее свойство», «благо», а также связь между честью и защитой Родины.

В ином формате характеризует честь отечественные военные исследователи. Д. А. Волкогонов трактует понятие чести следующим образом: «Честь офицера – это выражения сознания им своего достоинства и готовности к выполнению воинского долга перед обществом» [40, с. 62]. А. С. Миловидов полагает, что воинская честь есть «высокое нравственное достоинство воина, глубоко сознающего свой священный долг перед родиной и готового всегда защищать её мужественно, умело, не щадя ни своих сил, ни самой жизни. Под воинской честью понимается, прежде всего, образцовое выполнение обязанностей, которые определяют военная присяга и уставы Вооруженных Сил, самоотверженный ратный труд» [115, с. 9]. В данных определениях прослеживается явная связь чести и достоинства, где честь есть достоинство защитника отечества.

А. Б. Кердан выделяет следующие этапы в становлении воинской чести личности:

Первый этап, или зарождение воинской чести, включает в себя несколько относительно самостоятельных периодов: IX век – зарождение элементов военной организации древних славян, образование Древнерусского государства (862 год); последняя треть IX века – сороковые годы XIII века – формирование воинской этики в Древнерусском государстве, принятие христианства, крещение Руси; сороковые годы XIII века – конец XV века – трансформация воинской этики в России периода феодальной раздробленности и монголо-татарского нашествия, становление национального самосознания и духовное сосредоточие русского народа; XVI – конец XVII века – становление воинской этики Московского царства.

Второй этап, или становление офицерской морали, включает в себя несколько периодов: конец XVII века – конец XVIII века – становление чести российского офицерского корпуса, утверждение основ воинской этики Российской империи; порубежье XVIII–XIX веков – противоборство российской и прусской тенденций в формировании нравственных ценностей российского офицерства, просвещенческий этап в становлении русской философской мысли; начало XIX века – 1917 год – реформирование офицерских традиций в связи с кризисом феодализма и вступлением России в капитализм.

Третий этап, или становления и развития советской воинской морали и этики, включает в себя несколько периодов: октябрь 1917 года – начало 30-х годов XX века – период утверждения советской воинской морали и этики; начало 1930-х – начало 1940-х годов – трансформация нравственных ценностей в период массовых репрессий культа личности: приспособленчество, подозрительность, угодничество и т. д.; начало 1940-х – начало 1960-х годов – период возрождения и закрепления отечественных офицерских традиций и активного развития профессиональной этики советского офицерского корпуса; начало 1960-х – начало 1990-х годов –

период дальнейшего развития проблем чести советского офицера, воинской этики.

Четвертый этап, или постсоветский, характеризуется коренным пересмотром подходов к воинской этике и воззрений на офицерскую честь [80].

Честь офицера связывается со служебным положением человека, конкретным видом его деятельности. Воинский коллектив обладает корпоративной честью, которая объединяет его членов и является одним из условий существования. Воинская корпоративная честь отлична по своему содержанию от понятия чести вообще [198, с. 203]. В Китае даже есть иероглиф «Синьхуа», обозначающий воинскую честь, честь армии. Генерал-лейтенант А. Н. Апухтин, командовавший в годы Русско-японской войны полком, а в годы Первой мировой войны – дивизией, утверждал: «Воинская честь, личная или корпоративная, есть высшее проявление нравственных качеств отдельного бойца или целого полка. Непокколебимая верность Царю и Отечеству, своему знамени, храбрость и дисциплина – вот главнейшие основы специальной воинской чести» [138, с. 51].

Воинская честь по своему существу является честью служебной. К должностной чести принадлежит честь врача, учителя, адвоката, судьи, военнослужащего и др. И. Экштейн особым образом выделяет служебную честь: «Существует такая честь, внешняя, которая, собственно говоря, на человека не распространяется, а касается его лишь вследствие условий посторонних, не в нем самом лежащих. Сюда принадлежит честь должностная. Она является типичным видом чести внешней. Должностная честь, озаряющая своим блеском известное лицо, как носителя должности, есть лишь отблеск или отсвет чести государства» [208, с. 34].

А. Шопенгауэр, развивая идею классификации чести, выделяет особым образом солдатскую (воинскую) честь. Смысл солдатской чести, по мнению А. Шопенгауэра, состоит в том «чтобы тот, кто принял на себя долг защищать общее отечество, действительно обладал нужными для этого качествами, то

есть прежде всего мужеством, храбростью и силой, и был серьезно готов, рискуя жизнью, защищать свою родину и вообще ни за что на свете не оставлять знамени, которому он раз присягнул» [206, с. 32].

Из вышеизложенного следует, что понятие воинской чести (личной) складывается из двух фундаментальных блоков: содержательного (личностного) и функционального (профессионального).

Содержательный блок воинской чести личности военнослужащего состоит из трех составляющих: аксиологический аспект, этический аспект, и познавательный. Аксиологический аспект включает в себя такие понятия, как воинский долг, патриотизм, преданность, верность Родине, самоотверженность, самопожертвование. Этический аспект подразумевает следование этическому кодексу офицера и высоким духовно-нравственным качествам, таким как честность, благородство души, чистая совесть, добропорядочность. Познавательный аспект включает профессиональные знания и навыки, которыми должен обладать офицер.

Функциональный блок личности военнослужащего состоит из двух составляющих таких, как престиж воинской службы («социальная престижность профессии») и непосредственно воинская деятельность офицера как защитника страны, Родины. Социальная престижность профессии определяется такими факторами, как уровень образования, обладание социальной властью, материальное положение (П. Сорокин, Д. Ленски), качественные характеристики труда (уровень сложности, мера ответственности), общественная значимость данной профессии (Ю. Н. Вдовин, С. А. Войтович). Аксиологически, в функциональный блок включается понятие воинской корпоративной чести.

Воинская честь корпоративная в силу того, что она выражает отношение военнослужащего, воинского коллектива и общества к морально – нравственному облику военнослужащего или воинского коллектива. Отношение это складывается на основе таких этических категориях, как воинский долг, дисциплинированность, патриотизм. Корпоративность в

воинской среде является своеобразным стержнем, объединяющих её членов. Корпоративность является несомненной традицией военнослужащих. Корпоративный дух выражается в том, что все военнослужащие принимают на себя обязанность по защите Родины.

Корпоративная культура военнослужащих есть «принимаемая всеми военнослужащими философия и идеология военного управления, ценностные ориентации, верования, ожидания и нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействий как внутри воинской части, так и за ее пределами» [21, с. 44].

В социокультурном плане воинская корпоративная честь офицера – это часть культурного облика, особое проявление духовно-нравственной культуры в целом, то, что можно назвать «честью полка». П. А. Румянцев в «Инструкции пехотного полку» писал: «Полковнику честь и право полку своего весьма удерживать, во всяком случае стараться, однако ж при том за всякую мелочь шуму и ссор с начальниками не вчинять, но порядочно и вовремя о всем том представлять, что чести полку, следовательно, и его собственной, к предосуждению следовать будет» [40, с. 203].

Таким образом, личная (честь личности военнослужащего) и корпоративная честь (честь полка) взаимосвязаны; поведение одного из членов полка может возвысить или оскорбить все подразделение. С. Р. Воронцов в инструкции ротным командирам писал: «Честь, заслуженную полком, каждый старается переносить и на себя» [114, с. 192].

Размышляя на тему чести, современный философ А. Б. Кердан, приходит к выводу, что природа офицерской чести мифологична; её образ возникает в старинных русских сказаниях и былинах с появлением в них трех богатырей – Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. По сути, именно они представляют первый в народном сознании прообраз профессионального защитника Отечества на службе у Царя. В описании их ратных подвигов проявляется специфическая функция мифа – стереотипизация. Эмоциональность, наглядность, простота сюжетов о былинных богатырях

показывает такие воинские достоинства, как верность долгу, мужественность, храбрость, взаимовыручку. Данные сюжеты легко усваиваются в народе, и становятся образцами, или «стереотипами», благодаря которым формируется личность поколений защитников Отечества. Постепенно трансформируясь, мифы переросли в древние литературные источники, такие как «Задонщина» и «Слово о полку Игореве». В данных источниках важной идеей является сплоченность народа для защиты своего Отечества. Таким образом, стереотипизация, в основании которой лежит миф, подчиняет индивидуальное восприятие действительности коллективному [81, с. 76].

Воинская честь обладает признаками соответствующей ей воинской субкультуры. Специфическими чертами воинской чести в России, отличающими его от профессиональных духовно-нравственных ценностей офицеров других стран мира, являются:

– во-первых, значительная социализация чести российских военнослужащих по сравнению с военнослужащими других стран (Европы, США). Мы не французы, мы русские, я не наемник» – утверждал А. В. Суворов. Вторя ему, генерал-лейтенант А. И. Деникин говорил: «Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником» [35, с. 372], отвергая, тем самым, идею наемной армии как в Европе и США, где служили ради собственного благополучия и материального вознаграждения;

– во-вторых, конгломерат духовно-нравственных начал (воинский долг, патриотизм, совесть, честность), аксиологических ценностей (мужество, храбрость, благородство, честность), эстетических качеств (соблюдение правил этического кодекса) и офицерской чести (Н. А. Бердяев);

– в третьих, приоритет духовно-нравственных качеств (честность, совесть, ответственность, патриотизм) над материальными ценностями (уровень и качество жизни).

В данных характеристиках просматривается диалектическая связь офицерской чести с культурными парадигмами общества, её спецификой в силу исторически сложившихся обстоятельств, а также взаимосвязь общества и

носителя чести. Под этой взаимосвязью понимается осознание офицером своей ценности в обществе, а также признание обществом ценности защитника Отечества и престижности его профессии.

Среди культурно-исторических истоков чести личности военнослужащего стоят такие этнонациональные факторы, как:

- русская ментальность, приоритет нравственного начала над правовым, чувственно-волевого компонента над рациональным;
- языческая мифология;
- православие;
- древнейшие тексты (летописи, «Задонщина», «Русская правда» и т. д.).

Помимо этнонациональных факторов, необходимо выделить и привнесенные факторы, такие как рыцарский эпос, в частности, западноевропейские кодексы чести («дуэльные кодексы»).

Среди социокультурных условий оптимизации воинской чести личности А. Б. Кердан выделяет:

- реформирование ВС РФ;
- развитие защищенности военнослужащих и членов их семей;
- повышение статуса военнослужащих;
- гуманизация и демократизации в воинской сфере;
- развитие и преобразование системы обучения и воспитания курсантов военных училищ и вузов;
- совершенствование духовной жизни военнослужащих, уделение внимания её большему развитию как в военных училищах и вузах, так и непосредственно в местах ведения службы;
- активное развитие искусства, средств массовой информации на личность носителя воинской чести [80].

Н. Е. Соловцов, размышляя на тему чести современного военнослужащего, приходит к выводу, что офицерская честь является показателем трех уровней: национального (российского), профессионального

(смысл военной профессии – вооруженная борьба и защита Отечества) и стратификационного (социального слоя, который в данный исторический момент выступает опорой власти и поддерживается ею) [158].

Национальный уровень имеет основные исторически сложившиеся черты чести российского военнослужащего: верность воинскому долгу; верность воинской дружбе и товариществу; соблюдение традиций русской армии и флота; гуманизм. Характерные же черты офицера современной российской армии включают: умение переносить тяготы и лишения; преданность воинскому долгу и присяге; ответственность за порученное дело; высокий воинский профессионализм; честность, порядочность, верность слову; выдержка, умение владеть собой; войсковое товарищество; дисциплинированность, организованность; патриотизм и гражданская ответственность; смелость, решительность, мужество; великодушие, справедливость; высокая физическая подготовленность и закалка; выправка, подтянутость, аккуратность; преданность своей воинской части (кораблю); высокий уровень личной культуры и знаний.

Профессиональный уровень военнослужащего есть его мировосприятие, позволяющее оценивать социальную реальность и выстраивать стратегию поведения в социуме в соответствии с внутренней этикой и представлениями общества о данной профессии.

Стратификационный уровень офицерской чести подразумевает особый социальный и правовой статус её носителей – особо преданных людей, способных в тяжелый момент стать опорой и защитой государства. Для этого создаются условия поддержания их достойного уровня жизни, положения и интеллекта (материальное стимулирование, предоставление социальных льгот военнослужащим и членам их семей, присвоение особых чинов и привилегии). Данные моменты направлены на формирование социального слоя, лояльного власти и готового отстаивать ее интересы в данный момент и на ближайшее будущее [180, с. 37].

С понятием офицерской чести неразрывно была связана неприкосновенность личности офицера. Ничто, кроме оружия, не могло касаться его. На страже неприкосновенности его личности стояли и закон, и моральные нормы. Офицер не мог подвергаться каким бы то ни было наказаниям, затрагивающим его достоинство как человека [73, с. 236].

Исследователь Шпайткамп указывает, что большинство исследователей изучают роль чести в сословном обществе вплоть до конца XVIII века, при рассмотрении же культа чести в XIX столетии интересуются исключительно дуэлью, в которой видят анахронизм. XIX век считают временем, с одной стороны, формализации чести, с другой – упадка чести как социального регулятора с моральным содержанием (форма бытования чести в сословном обществе) [199, с. 66].

Исторически появление дуэли в Европе совпало с появлением концепта индивидуума, имеющего личные права. Дуэль чести появилась как частный путь к решению конфликтов между двумя личностями. Из открытого поединка, санкционированного монархом, дуэль превратилась в частный поединок, демонстрирующий неповиновение монарху. Дуэль стала особым средством охраны личности, даже определяла личное пространство индивидуума. Она выполняла свою функцию до тех пор, пока не утвердились законы, защищающие личные права. Функция дуэли как защиты личных прав была особенно важна в России, поскольку закон предлагал индивидууму слабую и ненадежную защиту. Отвечая специфическим нуждам русских, дуэль чести подчеркивала важность личного пространства индивидуума – прежде всего его личной неприкосновенности. Дуэль в России помогала формулировать идею личных прав, и защищать эти права [139, с. 36].

Блестящий знаток русской культуры Ю. М. Лотман определяет дуэль (поединок) как происходящий по определенным правилам парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с обиженного позорного пятна, нанесенного оскорблением. Оскорбленный дерется, чтобы получить удовлетворение; оскорбитель – чтобы дать удовлетворение. Дуэль может и

должна происходить только между равными чинами. Поэтому дуэль запрещена в случае, если разница в звании между противниками превышает 5 чинов. Например, дуэль корнета с ротмистром возможна, а с подполковником – нет, и т. п. [99, с. 126].

Гуго Гроций предлагал использовать дуэли как альтернативу войнам, или столкновений армий, для решения политических разногласий. К сожалению, масштабного распространения идея Гроция не получила, хотя в истории известны примеры подобно поведения, например схватка Давида и Голиафа [221, с. 22]. Джон Селден в своём труде «The Duello, or Single Combat» (1610) оправдывает дуэль следующим образом: «Поскольку, правда, честь, свобода и мужество являются источниками истинного рыцарства, если произнесена ложь, опорочена честь, нанесён удар или подставлено под сомнение мужество, в обычае французов, англичан, бургундцев, итальянцев, немцев и северных народов искать мести над обидчиком путём частного боя, один на один, без спора в суде...» [231, с. 44].

Таким образом, парадокс дуэли заключался не в отсутствии страха перед смертью физической, а страхом оказаться «обесчещенным» в глазах общества. Дуэлянт геройствовал перед лицом возможной смерти, страхась общественных насмешек, шушуканий, иронически-юмористических или презрительных ухмылок [86, с. 51]. По мнению, А. Корвизье, дуэль – это всего лишь одна из форм сведения счетов, род вендетты, принятый в отношении друг друга у людей чести [215, с. 14].

Удовлетворение за оскорбление чести в форме дуэли, поединка с оскорбителем называется сатисфакцией (лат. *satisfactio* удовлетворение) [123, с. 246]. Сатисфакцией, или удовлетворением требованиям чести в значении поединка, также называется публичное извинение, признание собственной неправоты [52, с. 28]. Требовать сатисфакции, означает вызывать на дуэль, дать сатисфакцию, означает принять вызов на дуэль, дать удовлетворение противнику, согласившись на дуэль [там же, с. 176].

Таким образом, из выше приведенного, можно выделить основные признаки присущие классической дуэли (поединка):

- 1) наличие своеобразного ритуала – строго установленных обычаем порядок действий, наличие договоренностей о месте, времени дуэли, наличие секундантов и свидетелей;
- 2) цель дуэль – восстановление оскорбленной чести;
- 3) участниками дуэли могут быть только двое;
- 4) средством дуэли применяется смертоносное оружие.

Дуэль не может существовать независимо от понятия «честь». Дуэль является одним из основных процессов восстановления чести. В противном случае дуэль теряет смысл и превращается в простое ритуализированное убийство.

За соблюдением неприкосновенности военнослужащих следили суды чести, которые избирались из состава офицеров полка. Суд чести справедливо разбирал недоразумения и ссоры между военнослужащими и предписывал офицеру то или иное поведение при инцидентах и являлся постоянным напоминанием офицеру о необходимости вести себя с честью во всех случаях жизни – в войсковой среде и вне ее. Суд Чести примирял, заставлял провинившихся извиниться пред обиженными, оскорбленными или находил необходимой дуэль. Суд Чести судил проступки (неслужебные) военнослужащего и, найдя его виновным, мог потребовать его ухода из полка и даже ухода с военной службы: бесчестных не терпело офицерство в своей среде [115, с. 122].

Военнослужащий не мог отклонить решение офицерского собрания об участии в дуэли. Отказ от поединка являлся поступком недостойным офицерского звания. Если в течение двух недель поединок не состоялся, то отказавшийся офицер обязан был лично подать прошение об увольнении из рядов русской армии. В том случае, если такого прошения не последовало, то начальник военно-учебного заведения или командир части обязан был сам по команде представить документы на увольнение этого офицера [76, с. 9].

Офицерские суды чести и офицерские собрания, без сомнения, весьма способствовали развитию общего единого духа в среде военнослужащих. Принципы, вырабатываемые судами чести, сводятся к вопросу о достоинстве и чести военного звания, а вопрос этот в свою очередь неразрывно связан с понятием о долге, с добросовестным и усердным исполнением лежащих на офицере обязанностей.

В воспитании воинской чести военнослужащих активно используются возможности воинских ритуалов и традиций. С точки зрения социальной роли традиции и ритуалы выступают своего рода «социальным клеем» (А. Макаренко) [105, с. 173].

Так, в толковом словаре Д. Н. Ушакова ритуал трактуется как установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-нибудь религиозного акта [176, с. 576]. Существуют определенные правила поведения в конкретных ситуациях, которыми человек должен соответствовать, даже несмотря на внутреннее состояние души [154, с. 136]. Толковый словарь С. Ю. Ожегова и Н. В. Шведова определяет ритуал как установленный порядок действий при совершении церковного таинства [174, с. 717].

В данных понятиях прослеживается связь ритуала и определенного порядка обряда или церемоний, для которого существует определенные нормы поведения. В. Д. Серых подчеркивает, что в формировании нравственного облика личности военнослужащего очень важную роль играет такое нравственно-эстетическое явление, как воинский ритуал, который воплощает в себе благородные идеалы мужества, стойкости и героизма, единство высоких целей [155, с. 72].

Несмотря на большое количество работ, посвященных воинским ритуалам и традициям, в настоящее время среди ученых и философов нет единой трактовки понятия «воинский ритуал», а также его соотношением с «воинской традицией». Иногда эти два понятия объединяют, что не совсем логично, поскольку отсюда следует некорректная оценка роли и значения воинских ритуалов в системе идейно – нравственного аспекта воинской

службы. Чаще всего под воинскими ритуалами понимают торжественные церемонии, совершаемые в повседневных условиях, во время праздничных торжеств и в других случаях [114, с. 56]. В свою очередь под воинскими традициями понимаются сложившиеся в течение долгого времени «специфические формы общественных отношений в армии и на флоте в виде порядка, правил и норм поведения военнослужащих, их духовных ценностей, нравственных установок и обычаев, связанных с выполнением служебно-боевых задач, организацией военной службы и воинского быта» [16, с. 56].

Система традиций и ритуалов занимает важное место в воинской кооперации. Э. Дюркгейм первым начал рассматривать ритуалы с точки зрения их многообразия, и выделил их классификацию. Так, ритуалы могут быть положительными и отрицательными. Отрицательные ритуалы, по Дюркгейму, – это своеобразная система запретов (например, касаться запретных предметов). Положительные ритуалы приближают верующего к миру священного. Ритуал также привлекает своей упорядоченностью, структуризацией [64, с. 194].

По мнению Дюркгейма, ритуал выполняет следующие функции [там же, с. 197]:

1. Социализирующая, т. е. дисциплинирующая, подготовительная (Etkin (1963) [218]; Левкович (1970) [94]; Cowlishaw (1982) [216]).

2. Интегративно-коммуникативная, т. е. объединяющая коллектив (Huber, Mauss (1964) [220]; Leach (1968) [224]; Frykman (1979) [219]; Radcliff-Brown (1952) [227]).

3. Воспроизводящая, т. е. поддержание традиций, норм и ценностей коллектива (Jensen (1963) [223]).

4. Психотерапевтическая, т. е. создание психологического комфорта бытия (Huxley (1966) [222]).

В. Л. Райковский считал, что преемственность офицерских традиций станет более прочная, если обеспечить тесную взаимосвязь «средней военной

школы со строем», т. е. с войсками, а уважение к этому строю будет прививаться «в юных сердцах кадет» [138, с. 15].

К воинским ритуалам обычно относят: посвящение в воины; принятие военной присяги; триумфальные шествия, военные парады; воинское приветствие; поднятие Боевого знамени; воинские шествия и воинский парад; смотр дружин; ношение военного мундира и др. [129, с. 72].

В современном языке еще можно услышать выражение отдавать честь, но с учетом необратимых изменений общества, а также трансформации самого ритуала, данное выражение является анахронизмом, на смену которому пришло устойчивое выражение «воинское приветствие». Ритуал воинского приветствия имеет давнюю историю. Ратники при встрече в знак приветствия поднимали руку, что свидетельствовало о миролюбии, отсутствии оружия. В дальнейшем такое правило видоизменилось. В частности, при встрече князя поднимали забрало, чтобы таким образом «представиться», т. е. узнать, кто перед ним стоит: друг или враг. Это движение открытой правой руки к головному убору в знак приветствия воинов и стало впоследствии ритуалом воинского приветствия. Обычай подносить руку к голове в знак дружелюбия сохранился. «Отдание чести по-военному, писал генерал М. И. Драгомилов, – есть не игрушка и не потеха мелочного чьего-либо любочестия, но внешнее выражение того, что люди принадлежат к великому товариществу, назначение коего – полагать душу свою за други своя» [58, с. 6]. Воинское приветствие является воплощением товарищеской сплоченности военнослужащих, свидетельством взаимного уважения и проявлением вежливости и воспитанности.

Понятие «традиции» можно определить как своего рода континуум целостности взглядов на определенные обычаи и ритуалы. Толковый словарь Ожегова трактует понятие традиции как «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (например, идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи)» [174, с. 772].

Толковый словарь трактует понятие традиции как 1) то, что сложилось исторически и передается из поколения в поколение путем преданий, устно или письменно (идеи, знания, взгляды, образ действий и т. п.). 2) Укоренившийся порядок в чем-либо; обычай [173, с. 872]. Современный толковый словарь русского языка понимает традиции как «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т. п.» [157, с. 7].

Понятие традиции более обширное и глубокое, в него входит понятие и ритуала, и церемоний. Исходя из определений, данных в словарях, можно выделить следующие особенности традиций: преемственность (устойчивость), массовость, эмоциональность, почитание. Совокупность традиций создает особую социально-психологическую атмосферу внутри коллектива, объединения, социума.

Воинские традиции возникают и проявляются в различных масштабах, на всех уровнях профессиональной деятельности военнослужащих. Традиции для воинского коллектива являются тем социальным элементом, который скрепляет его в единое целое, и вместе с тем придает ему своеобразие и неповторимость. Совокупность воинских традиций представляет собой важнейший элемент внутри коллективной атмосферы, в которой постоянно пребывает курсант, офицер, военнослужащий.

Среди многообразия воинских традиций, можно выделить следующие: верность присяге; уважение к Боевому Знамени; бережное хранение истории части, подразделения, в которых проходят службу офицеры; проявление патриотизма, особенно в боевой обстановке, готовность к самопожертвованию; презрительное отношение к трусости и малодушию; здоровая корпоративность; уважение к военной форме одежды; соблюдение правил воинского этикета; любовь и бережное отношение к оружию.

Верность присяге есть системообразующая традиция воинской службы. Верность присяге есть торжественное обязательство всецело посвятить себя делу служения Отечеству, быть готовым к самопожертвованию во имя

воинского долга. Одной из лучших традиций русских воинов, наиболее почитаемой в военной среде и имеющей древние корни, была верность Боевому Знамени [171, с. 63].

В. Е. Морихин, ознакомившись и проанализировав историю армий других государств, в частности, Европы, делает вывод о том, что нигде, кроме России, воинские знамена не играли такой роли и не стали тем священным символом в армии, ради которого офицеры и солдаты шли на смерть. Такое отношение к знамени в русской армии сложилось не под воздействием каких-либо законодательных актов, а традиционно. И лишь в дальнейшем эта традиция стала основополагающим звеном соответствующих статей присяги и уставов. Отправные точки понимания особого отношения воинов и их командиров к знамени: от воинского атрибута, через полковую регалию, к особо почитаемой святыне. А наличие в полках старых, зачастую истрепанных и простреленных в боях знамен способствовало воспитанию трепетного отношения военнослужащих к Боевому Знамени части [4, с. 72]. Этот символ играл большое мобилизующее воздействие на солдат и офицеров, поднимал их моральный и боевой дух. Генерал М. И. Драгомиров считал знамя святыней и полагал, что «в порядочной части все может перемениться, все может умереть для войсковой жизни, одно остается неизменным и вечным, насколько вечны создания человека: дух и знамя – его вещественный представитель. Часть, в бою сохранившая знамя, сохраняла свою честь неприкосновенною, несмотря на самые тяжелые, иногда гибельные положения; часть, потерявшая знамя – то же, что опозоренный и не отплативший за свой позор человек» [67, с. 72].

По мнению В. Е. Морихина, закон можно нарушить и понести за это наказание, не всегда затрагивающее честь и достоинство. А пренебрежение традицией всегда влечет за собой моральный и нравственный урон, который очень сильно влияет на состояние боевого духа воинов [4, с. 73].

Среди воинских традиций следует упомянуть воинские традиции быта, например организация культурного досуга офицеров, соблюдение

образцового внешнего вида, умение стойко переносить тяготы воинской службы, благородное отношение к женщине, уважение к старшему по чину, а также мундира, поддержание строго распорядка в части или подразделении, поддержание строгой дисциплины.

Таким образом, именно традиции формируют культурную идентичность военнослужащих. Связь поколений, или преемственность воинских традиций и ритуалов цементирует, связывает воедино историю и современность. Можно смело утверждать, что традиции удерживают от хаотичного движения, указывая вектор поступательного развития, являясь опорой для всего офицерского корпуса.

Традиции и ритуалы формируют культурную идентичность военнослужащих российской армии. Преемственность воинских традиций и ритуалов особым образом связывает воедино прошлое и настоящее. Именно традиции и ритуалы удерживают от хаотичного движения; они указывают вектор поступательного развития, который является опорой армии России. Только умелое и упорядоченное использование воинских традиций и ритуалов дает возможность поднять авторитет Вооруженных Сил. Сила традиций и ритуалов делают военную службу престижной и по сей день. Воинские традиции и ритуалы способствуют укреплению морального духа армии и играют архиважную роль в воспитательной работе с военнослужащими. Приобщение современных военнослужащих к истории через призму традиций и ритуалов актуально сегодня как никогда. Традиции и ритуалы формируют культурную идентичность военнослужащих российской армии. Преемственность воинских традиций и ритуалов особым образом связывает воедино прошлое и настоящее. Именно традиции и ритуалы удерживают от хаотичного движения; они указывают вектор поступательного развития, который является опорой армии России.

Таким образом, воинская честь – аксиологическая категория, обусловленная спецификой воинской деятельности, включающая самооценку и оценку обществом морально-нравственных и социально значимых качеств

военнослужащего для исполнения обязанностей воинской службы и поддержания статуса военнослужащего военной организации (армии) в целом. Воинская честь является нравственной основой личности военнослужащего. Воинская честь является весьма значимым аспектом в экстремальных ситуациях, связанных со спецификой воинской деятельности, в частности, на войне (в бою), и несопоставим с другими ценностями. Воинская честь является честью должностной (профессиональной) в силу своего характера. Носителем воинской чести является военнослужащий. Социальным субъектом воинской чести может быть только военнослужащий.

Вышеизложенное определяет воинскую честь как достоинство профессионального исполнения воинского долга и верности присяге.

Диалектику формирования достоинства военнослужащего образуют коллизии:

- профессионального воинского служения «общественному благу» (следования норме) – и верности присяге как личного убеждения (ценности);
- профессионального воинского служения «общественному благу» – и карьеризма;
- профессионального воинского служения «общественному благу» – и фатализма;
- верности присяге как личного убеждения – и карьеризма;
- верности присяге как личного убеждения – и фатализма.

Коллизию «профессионального воинского служения «общественному благу» – и верности присяге как личного убеждения» создают противоречия, возникающие как при стабильности базовых ценностей общества и субъекта, которому приносилась присяга (поскольку личные убеждения подвергаются постоянным «атакам» со стороны пороков), так и при смене «общественного блага» (изменения в общественном устройстве и базовых ценностях общества), и (или) при смене субъекта, которому приносилась присяга.

Коллизию «профессионального воинского служения «общественному благу» – и карьеризма» создают противоречия, возникающие из презрения

личных интересов при служении «общественному благу» – и объективной мотивации военнослужащего «быть в чести» (иметь воинскую славу, высокое воинское звание и высокую командную должность).

Коллизию «профессионального воинского служения «общественному благу» – и фатализма» создают противоречия, возникающие из общественной ценности военнослужащего (значительных общественных трат на его подготовку, содержание и вооружение) – и его (военнослужащего) презрения к личной безопасности при служении «общественному благу», создающего опасность значительных потерь для общества в виде необоснованной утраты дорогостоящего человеческого материала.

Коллизию «верности присяге как личного убеждения – и карьеризма» создают противоречия, возникающие из корпоративной нормы-ценности достойного исполнения воинского долга в любых условиях, на любой должности и при любом воинском звании, – и из объективной мотивации военнослужащего «дослужиться до чести» (славы, званий, должностей).

Коллизию «верности присяге как личного убеждения – и фатализма» создают противоречия, возникающие из нормы создания максимальной полезности для «общественного блага» («героизма») – и ценности презрения к личной безопасности при служении этому «общественному благу», создающего возможность «негероической» («неэффективной») утраты «боевой единицы».

Из вышеуказанных коллизий диалектики достоинства военнослужащего и воинской чести и происходят проблемы и задачи государства, общества и воинского командования по их (достоинства и чести) формированию и поддержанию.

2.3. Регулятивная функция достоинства в формирование личности военнослужащего современной российской армии

Ранее мы определили *достоинство* личности как гармонию в ней (добродетель) нормы («общественного блага») и ценности («личных убеждений»), а их дисгармонию – самомнение (эгоцентризм, *переоценка себя*) – или гипертрофированное подчинение «общественному мнению» (ритуализм, *недооценка себя*) – как *недостойность* (порочность).

Достоинство военнослужащего обычно рассматривают в контексте профессиональной деятельности, но сам термин «профессиональное достоинство» не используется. В современных научных исследованиях остается открытым вопрос о профессиональном достоинстве как категориальном понятии и его научный статус, а также его структура, содержание и взаимосвязь с особенностями профессиональной деятельности.

Понятие «достоинство личности военнослужащего» отличается от понятия «достоинства» личности вообще. Во-первых, в силу принадлежности к особому роду воинской деятельности достоинство военнослужащего является профессиональным достоинством; во-вторых, понятие «достоинство военнослужащего» имеет специфическое содержание-отражение значимости на индивидуальном, групповом и общественном уровнях, в сознание самого военнослужащего и всех членов воинской корпорации; в третьих, достоинство военнослужащего, в отличие от достоинства личности вообще, основано не на высшей ценности человеческой природы, а на социальной связи служебного долга самого военнослужащего с государством. Таким образом, субъектом воинского достоинства является военнослужащий, который исполняет свой служебный долг.

Рассуждая о достоинстве человека, В. Блюмкин рассматривает его как ценность, которую человек приобретает и сохраняет в обществе [23, с. 64]. В. Блюмкин делает вывод о том, что каждый человек является обладателем не одной, а нескольких ценностей, которые в совокупности и образуют достоинство человека. Основными ценностями (достоинствами) личности являются:

1) личное достоинство (ценность конкретной личности, а также совокупность присущих ей значимых свойств);

2) групповое (коллективное) достоинство (ценность человека как представителя какой-либо социальной группе, принадлежность к ней и наделяет человека определенной).

3) профессиональное достоинство (ценность профессиональной принадлежности человека к какому-либо виду общественной деятельности).

4) гражданское (классовое) достоинство (ценность человека как представителя определенного класса, партии).

5) человеческое достоинство (ценность человека как представителя человеческого рода) [там же].

Предшествующее изложение свидетельствует о следующем: данные виды достоинств носят ярко выраженный общественный характер. Военнослужащий, в силу своего статуса, является носителем личного достоинства (как индивидуальная личность), коллективного достоинства (как представителя социального института армии), профессионального достоинства (как представитель воинской деятельности), гражданского достоинства (как представителя своей страны, патриота), человеческого достоинства (как представителя человеческого рода). Таким образом, человеческое достоинство есть ценность, оно возникает и существует только в обществе, реализуясь через систему социальных отношений [там же, с. 65].

На уровне корпоративной профессиональной идентификации постепенно складывался образ социальной престижности данной профессии, составляющий одну из важнейших социальных стратификаций в культуре. Данные образы культивировались в процессе обучения, которое стало самостоятельным направлением в раннеклассовую эпоху. Например, средневековые рыцари в Европе или японские самураи на Востоке представляли чистые профессиональные корпорации воинов, которые занимались военным делом на профессиональном уровне. Профессиональную подготовку они начинали с самого детства; по мере овладения боевыми

искусствами они переходили на разные квалификационные уровни. Так, у средневековых рыцарей существовала следующая профессиональная иерархия: оруженосец, «не опоясанный» всадник, «опоясанный» всадник, баннерет. Следует отметить, что данные профессиональные уровни относились к командному рыцарскому сословию, а не к рядовому [78, с. 14].

Сегодня стратификационный уровень менталитета военнослужащих подразумевает еще более чем когда-либо, особый социально – правовой статус его носителей – защитников государства. «Офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим военачальникам и отечеству» [115, с. 64].

Для этого создаются особые условия воспитания, способные сформировать здорового, физически развитого, умственно одаренного и высоконравственного военнослужащего. Благодаря воспитанию формируется личность, обладающая неприкосновенным понятием – человеческим достоинством. Важнейшим критерием для понимания воинской чести выступает понятие «достоинство военнослужащего», подразумевающее уважение к себе, осознание своих прав и подобающее поведение.

Выдающийся советский педагог-новатор В. А. Сухомлинский в своем произведении «Как воспитать настоящего человека» особо выделил главу «Что такое достоинство личности и как его воспитывать». В ней, в частности, педагог поучает: «Береги, утверждай, развивай, возвышай свое человеческое достоинство. Корень твоего достоинства – в благородных убеждениях и мыслях. Человек потому и называется homo sapiens, что мыслью своей он властвует над любыми возможными в его жизни порывами, стремлениями, желаниями. Достоинство – это мудрая власть держать себя в руках. Благородство твоей человеческой личности выражается в том, насколько

мудро и тонко ты сумел определить, что достойно и что недостойно. Я считаю исключительно важной воспитательной задачей выработать у каждой личности (подчеркиваю, достоинство является сферой глубоко личной) своеобразное мировоззрение, выражающее взгляд на достойное и недостойное. Поскольку человеческое достоинство является умением держать себя в руках, с малых лет в сознании маленького гражданина надо утверждать убеждение о мерзости недостойного. Это убеждение – самый драгоценный нравственный иммунитет, не позволяющий человеку унижаться, терять благородство, совесть, честь, моральное мужество» [168, с. 209]. Делая акцент на воспитании достоинства, автор подчеркивает, что оно (достоинство) является сферой личной, формирующей мировоззрение. То есть достоинство есть человеческая ценность, которая помогает формировать оценку личности (позитивную или негативную) на какие – либо явления [168 же, с. 211]. Воспитывая достоинство, формируется сама личность с её индивидуальными особенностями.

Система военного воспитания во все времена основывалась на трех китах: нравственном воспитании, умственном и физическом воспитании. Основой основ считалось нравственное воспитание, включающее нравственные категории (достоинство, честь, долг, совесть и др.) и нравственные обязанности (обязанности по отношению к начальникам и подчиненным; обязанности по отношению к товарищам; обязанности по отношению к себе и др.). Помимо нравственных категорий и нравственных отношений, в нравственное воспитание входили религиозное, патриотическое, эстетическое, трудовое, правовое, профессионально-этическое воспитание [там же, с. 215].

Под умственным воспитанием понимается развитие умственных способностей, внимания, мышления, памяти и речи, находчивости, смекалки. Платон в своей работе «Манексен» уделяет особое внимание рассудительности, и выделяет пять её составляющих: неспешность, чувство прекрасного, стремление к большему, скромность, знание [133, с. 94].

Стремление личности к саморазвитию, самовоспитанию является источником формирования культуры учебной деятельности. Самовоспитание – это процесс усвоения человеком опыта предшествующих поколений посредством внутренних душевных факторов, обеспечивающих развитие. Воспитание, если оно не насилие, без самовоспитания невозможно. Их следует рассматривать как две стороны одного и того же процесса. Осуществляя самовоспитание, личность может самообразовываться.

Самовоспитание – активная деятельность личности, направленная на изменение в соответствии с сознательно поставленными целями. Среди приемов самовоспитания следует выделить самоконтроль, самоотчет, самообязательство, осмысление своей деятельности. К методам самовоспитания относятся:

- самопознание (самооценка, самоанализ, самонаблюдение);
- самообладание (самоконтроль, самоубеждение, самовнушение, самопринуждение);
- самостимулирование (самоодобрение, самопоощрение, самонаказание, самоутверждение).

Педагог К. Д. Ушинский утверждает, что для самовоспитания необходимы:

- 1) спокойствие;
- 2) прямота в словах и поступках;
- 3) обдуманность;
- 4) решительность;
- 5) не говорить лишнего;
- 6) проводить свободное время с пользой;
- 7) тратить деньги только на необходимое;
- 8) делать самоотчет;
- 9) не хвастаться.

Д. А. Леонтьев в своих трудах описывает два пути при неудачах в самореализации:

1) первый путь – путь адаптации, когда личность приводит смысл жизни в соответствие с её реалиями;

2) второй путь – путь самореализации, когда личность приводит смысл жизни в соответствие со своим смыслом. Таким образом, в процессе жизнедеятельности всегда приходится выбирать или программу адаптации, или программу самореализации, или выбирать консенсус между этими двумя программами [96, с. 167].

Под физическим воспитанием понимается развитие и усовершенствование мышечных сил, развитие выносливости, укрепление здоровья, формирование волевых качеств. Конгломерат нравственного, умственного и физического воспитания составляет содержательную сторону воспитания военнослужащего [138, с. 9].

В основе нравственных качеств лежит религиозная вера. Для военного человека она имеет особое значение, так как вера вселяет уверенность в заступничестве Бога и дает большую покорность судьбе и более спокойное отношение к смерти. Таким образом, религиозная вера побуждает к самоотвержению и самообладанию [38, с. 34]. Л. Н. Толстой рассуждал следующим образом: «Человек без религии так же невозможен, как человек без сердца. Он может не знать, что у него есть религия, как может человек не знать того, что у него есть сердце; но как без религии, так и без сердца человек не может существовать» [178, с. 238].

В XVIII веке ярый противник Церкви Вольтер, полагая, что если бы Бога не было, его следовало бы выдумать, понимал, что народ, оставленный без нравственного руководства свыше, обречен на гибель.

И. А. Ильин в своих работах отмечал особым образом роль церкви и власти при их сотрудничестве в достижении одной цели: «Церковь учит, ведет, наставляет, советует и помогает: укрепляет, благословляет и очищает, но не посягает, не властвует, не повелевает и не порабощает <...> на власть, но не

от мира сего; она духовник и ангел-хранитель. А государство – бережет, обороняет, покоит Церковь и предоставляет ей все необходимое; проверяет себя голосом Церкви, ищет совета, духовного умудрения и совестной чистоты» [70, с. 16]. В продолжении И. А. Ильин пишет: «воинское дело есть трудное, скорбное и трагическое. Но необходимое и служащее благой цели. Средства его жестокие и несправедливые. Но именно поэтому дух того, коему вручаются эти средства, должен быть крепок и непоколебим в своем искреннем христоролюбии». При этом «воин именуется Христовым не только потому, что он член христианского государства, что его родина возрастает в христианском духе и что сам он призван оборонять христианскую веру; а еще и потому, что в любви ко Христу и преподанной им полноте совершенства он имеет живую основу своего личного духа, в ней почерпает необходимую ему силу подвига и очищения» [там же].

Таким образом, выдающиеся российские государственные и военные деятели понимали значение духовно-нравственного воспитания офицеров, основанного на вероисповедании. Великий русский полководец А.В. Суворов поучал воинов: «Молись Богу: от него победа. Все начинай с благословением Божием и до издыхания будь верен Государю и Отечеству» [114, с. 24].

С процессом формирования достоинства личности военнослужащего связаны определенные нормы и стандарты, культивируемые профессиональной самоидентификацией. На уровне корпоративной профессиональной идентификации постепенно складывался образ социальной престижности данной профессии, составляющий одну из важнейших социальных стратификаций в культуре. В работах М. Вебера о профессиональном призвании зарождается парадигма о закрытости профессии как статусной и закрытой, охраняющей свою целостность [33, с. 98]. С точки зрения неовеберианского подхода В. А. Мансуров замечает, что высокий статус традиционных профессий воспринимается как сформированный в результате исторических, политических и социальных условий [106, с. 45]. В основе понятия «профессия», с точки зрения М. Вебера,

лежит понимание профессиональных групп как статусных, имеющих похожие культуру, язык, стиль жизни [33, с. 322].

Достоинство личности военнослужащего формируются благодаря таким качествам, как гражданственность и патриотизм.

Гражданственность – личное качество, выраженное в глубоком осознании человеком своей принадлежности к обществу, в котором он живет, а также в осознании совокупности своих прав, обязанностей по отношению к обществу, в готовности добровольно следовать предписаниям его морали и закона; в более общем значении – забота об общественном благе, концентрация помыслов и чувств на идее гражданского долга [123, с. 24].

В этом смысле гражданственность есть осознание принадлежности к обществу; патриотизм же есть «любовь к отчизне» (слово «патриотизм» происходит от греч. *patriotes* – соотечественник и *patris* – родина, отечество). В. Даль считал, что патриотизм есть «любовь к отчизне». Патриот, по Далю, – это любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник [54, с. 487].

Подобно Далю, В. И. Лутовинов определяет патриотизм как любовь к Отчеству: «Патриотизм понимается как одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, которая является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень его развития и проявляется в её активно-деятельной самореализации на благо Отечества. Патриотизм олицетворяет любовь к своему Отчеству, сопричастность с его историей, культурой, достижениями, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости, составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими её гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Родине» [102, с. 47].

Патриотизм как любовь к своему Отчеству прослеживается и в трудах декабристов. В. Г. Белинский утверждал: «Любовь к отечеству должна

выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину – значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому» [14, с. 87]. С. Пестель считал, что «любовь к Отечеству – источник всех государственных добродетелей и сильнейшая подпора существования и благоденствия всех царств» [102, с. 34]. Н. М. Карамзин писал следующее: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма» [2, с. 22]. По мнению Н. Г. Чернышевского «историческое значение каждого человека измеряется его заслугами перед Родиной, а его человеческое достоинство – силою его патриотизма» [180, с. 34].

Тема патриотизма во все времена занимала особое место не только в духовной жизни общества, но и во всех важнейших сферах его деятельности – в идеологии, политике, культуре, экономике, экологии и так далее. Уже в «Повести временных лет» и в проповедях Сергия Радонежского она отчетливо звучит как идея объединения русских земель в борьбе против общего врага [48, с. 36]. Один из исследователей проблемы зарождения патриотизма в России – М. М. Кром – писал: «Древнерусская литература говорила о любви к Родине на языке чувств и образов» [89, с. 17].

Так, знаменитое «Слово о полку Игореве», проникнутое мотивами славянской народной поэзии, рассказывает, что честно приносить себя в жертву и сражаться за свою Родину; бесчестно – это предавать своих братьев и поворачивать против них оружие. Особую роль в формировании патриотизма в Древней Руси сыграл Владимир Мономах. Именно он первым привлек духовенство в походы против врага, заложив, тем самым, традицию духовного кормления воинов. В 1441 г. жители северных и восточных русских княжеств отказались признать римского папу главой православной церкви, и осознали себя, таким образом, единым народом. Москва уже начала

объединять русские земли. По мере объединения русских земель в одно централизованное государство возникают и крепнут ростки государственного патриотизма. Такие понятия, как «Русская земля», «патриотизм» окончательно приобретают национальный характер [41, с. 36].

Таким образом, под патриотизмом во все времена подразумевали:

- 1) любовь к Родине, своему народу;
- 2) стремление своими действиями служить их интересам.

Как правило, патриотизм выступает фактором консолидации, сплочения различных групп соотечественников. Патриотизм – показатель высокой гражданственности, он несовместим с национализмом. Высокое патриотическое чувство отличает военнослужащего от обычного гражданина. Высокое патриотическое чувство есть единственное условие четкого сознания военнослужащим долга службы и понимания своего истинного назначения – защиты законной власти, Отечества и своего народа; здесь уместна поговорка «За веру, Царя, Отечество!». Дух патриотизма венчает военную систему, иначе она не будет иметь никакой цены [151, с. 42].

В основе патриотизма лежит четкое понимание священной роли защитника Родины, выполняющего воинский долг, невозможный без мужества и храбрости. Выдающаяся личная храбрость, мужество и доблесть всегда отличала истинных военных. Н. Гартман утверждает, в древности у воинственных народов храбрость приравнивалась к добродетели вообще [42, с. 281]. Но в себе эта ценность является более общей. В данном случае имеет место и решительность, и настойчивость, и выдержка; то есть храбрость повсюду там, где на самом деле есть риск, где требуется задействование личности или настоятельно необходима жертва. Нечто от этого есть, возможно, во всяком подлинном стремлении, по меньшей мере, пока оно рискованно. Эта нравственная ценность уже на самой своей примитивной ступени имеет характер преодоления себя самого. Самопреодоление это может дойти до самоотречения и самопожертвования [там же, с. 289].

Парадокс заключается в том, что возрастание мужества и силы, присущих поступку, прямо зависит от степени сопротивления. Характеристика ценности настоящей храбрости заключается именно в том, что с увеличением препятствия, риска, опасности ценность не уменьшается, а растет, как бы усиливаясь в сопротивлении. Как если бы с усложнением препятствий в человеке высвобождались все новые и новые моральные силы. Этот психологически загадочный феномен этически вполне понятен. Мужество, в сущности, – акт свободы. Свобода же никогда не наличествует как существующий факт, но всегда возникает впервые в данном конфликте, причем зависит от степени напряженности конфликта. Никто не знает самого себя в этом пункте до тех пор, пока жизнь не испытает его [42, с. 340].

А. В. Суворов и М. С. Воронцов утверждали, что без мужества невозможно быть истинным военным. А. В. Суворов высказывался, что «достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала...» [37, с. 81]. М. С. Воронцов в своем «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения, 17 июня 1812 года» размышлял следующим образом: «Долг чести, благородства, храбрость и неустрашимость должны быть святы и нерушимы; без них все другие качества ничтожны, храбрость ничем на свете заменить не может: кто в себе не чувствует уверенности, что страх им в деле не овладеет, тот должен немедленно оставить службу и в обществе офицеров 12-й дивизии терпим быть не может» [там же, с. 35].

С. Р. Воронцов в «Инструкции господам ротным командирам» пишет: «Господам офицерам, – особливо ротным командирам, – в сражении крепко и прилежно замечать, кто из нижних чинов больше отличается храбростью, духом твердости и порядка, таковых долг есть высшего начальства скорее производить в чины, ибо корпус офицеров всегда выигрывает получением настоящего храброго офицера, из какого рода бы он ни был» [там же, с. 92]. Через полтора года «Наставление» было использовано П. И. Багратионом: немного видоизмененное М. С. Воронцовым, под названием «Наставление

господам пехотным офицерам в день сражения», оно было разослано по всем воинским соединениям 2-й русской армии.

В своих наставлениях полководцы доносили до офицеров и солдат важность решительности, храбрости, неустрашимости в бою, тем самым повышая боевой дух военнослужащих перед сражением. Вполне актуальной сегодня является мысль И. А. Ильина, считавшего, что «...истинною и живою опорой государства и государственной власти всегда были те люди, те слои, те группы, которые воспринимали общественное делание как служение Родине, которые в этом служении видели долг чести и бремя ответственности, которые стремились именно служить земле, а не властвовать над нею... Это организованные и дисциплинированные кадры патриотических добровольцев русского государственного тягла» [70, с. 43].

Современный военный институт представляет собой бюрократически институционализированное профессиональное сообщество, обладающее ответственностью за обеспечение национальной и международной безопасности; социальной солидарностью, основанной на действии уставов и воинской этике; ролевой мобильностью, позволяющей армии трансформировать свои профессиональные задачи в соответствии с угрозами и ожиданиями граждан; набором привилегий перед гражданским населением, зафиксированным в законодательстве [152, с. 102].

Структуру военного института образуют: военная организация (вооруженные силы и военная инфраструктура), военная экономика, а также формальные и неформальные нормы и правила взаимодействия общества и вооруженных сил – гражданско-военные отношения. Армия, как и бюрократическая пирамида, опирается на понятия долга, дисциплины и иерархии.

Долг предполагает признание безличных правил и норм как обязательных для всех рангов, включая и самые высшие. В периоды ослабления армии понятие долга нередко замещается понятием лояльности, личной преданности вышестоящим ступеням армейской иерархии. С точки

зрения долга в армии все равны, начиная с солдата и кончая генералом: все являются солдатами, у всех один и тот же долг.

Воинский долг – это нравственно-правовая норма поведения военнослужащего, которая определяется требованиями государства и Вооруженных Сил. В отличие от других видов общественного долга, воинский долг включает дополнительные нравственные обязанности, свойственные Вооруженным Силам. Выполнять воинский долг перед своей Родиной и своим народом нелегко. Требования долга самоценны: он исполняется бескорыстно, демонстрируя, тем самым, его приоритетность по отношению к страху, личной выгоде и славе. К. Рокоссовский считал величайшем счастьем солдата помочь своей Родине, своему народу. «Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!» [143, с. 59]

При выполнении воинского долга проявляется определенная автономия личности: человек не нуждается во внешнем принуждении. Все ограничения, которые он совершает во имя исполнения долга, имеют моральный смысл при том условии, что человек поступает, будучи уверенным в своей правоте [4, с. 98]. Таким образом, военнослужащий, как защитник своего Отечества, безукоризненно выполняет свой воинский долг.

Помимо воинского долга, военнослужащей соблюдает жесткую дисциплину. Дисциплина – вид сознательно формируемых общественных отношений, посредством которых достигается соблюдение установленных норм, традиций, обычаев, правил поведения [27, с. 42].

Э. Дюркгейм фундаментальным признаком армии считал дисциплину. При этом Э. Дюркгейм не упоминал любовь отца-командира к солдатам и их ответное чувство к нему среди факторов, которые обеспечивает жизнедеятельность армии как коллектива, в отличие от З. Фрейда. Согласно учению Э. Дюркгейма о морали, высоконравственному человеку присущи такие черты характера, как чувство дисциплины, принадлежность к группе и автономия воли. Данные элементы являются элементами морали, а также

являются целью воспитания. «Влечение к упорядоченности и чувство морального авторитета суть не что иное, как два аспекта одного и того же всеобщего и комплексного состояния духа, которое можно назвать духом дисциплины... Мы можем, таким образом, сказать, что первый элемент морали состоит в духе дисциплины» [63, с. 48].

Э. Дюркгейм практически приравнивал дисциплину к морали. «Мораль – это дисциплина», именно она делает человека человеком, возвышает его среди других биологических существ. Дисциплина как элемент морали есть выражение самообладания и самоконтроля: «Совокупность моральных правил образует вокруг каждого человека настоящий идеальный барьер, возле которого усеиваются волны человеческих страстей» [там же]. Вторая черта морали – принадлежность к группе – выражается в том, что целью морального действия может быть только общество, а не отдельно взятый индивид. В соответствии со своим пониманием социальной структуры Дюркгейм истолковывал принадлежность к группе как принадлежность к любым социальным общностям. Так как он не считал классы основными социальными группами, то мораль объявлялась групповой или общечеловеческой, но отнюдь не классовой. «Свобода», или «автономия воли» (третья черта морали), – это ответственность индивида, знание причин, из-за которых он должен подчиняться духу общественной дисциплины, добровольно и свободно идя на самоотречение [там же, с. 49].

С. И. Гессен указывал, что в обществе, где дисциплина сводится к дрессировке, люди подчиняются носителям власти только из страха. А потому при первой же возможности они выходят из подчинения. В таком обществе общий интерес превращается в интерес эгоистический, поэтому оно неустойчиво и превращается в пыль при первой же сильной буре. Слепое подчинение руководителю из чувства страха не имеет никакой ценности, в том числе и для самого руководителя. Ценность и практический результат может дать лишь общая для начальника и подчиненного цель [49, с. 47].

В данном утверждении философа прослеживается влияние И. Канта, который считал, что моральное поведение не должно зависеть от мотивов удовольствия или неудовольствия (к последним можно отнести чувство страха), но должно быть свободным от внешних влияний [75, с. 233]. Из рассуждений С. И. Гессена следует, что подчиненный должен не бояться начальника, а уважать его, а также ценить общую для них цель. Таким образом, нравственное поведение людей в свободном обществе – это их общение, основанное на дисциплине и стремлении к общему благу.

С. Н. Булгаков считал, что русское войско держалось на железной дисциплине и вере: «...пока была власть, законная, авторитетная, была и основа дисциплины. Солдат знал, что он поставлен перед неизбежностью повиновения, и он с этой неизбежностью покорно, но мудро и кротко мирился. Вот почему он представлял собой столь классный боевой материал, для него ничего не было невозможно. Но затем у него была вера, которая давала ему возможность воевать не за страх, а за совесть» [29, с. 252]. Железная дисциплина, о которой писал С. Н. Булгаков, была привнесена в российскую армию из Европы Петром первым; впервые понятие дисциплины было использовано в его указе от 1714 года «О сохранении дисциплины на корабле и подсудности морских и сухопутных военнослужащих людей» [35, с. 151].

Выдающиеся российские государственные и военные деятели понимали значение духовно-нравственного воспитания офицеров, основанного на вероисповедании. А. В. Суворов в «Полковом учреждении» утверждал: «Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненной пред своим вышним на отдаваемой какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оной опорочивать после в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять... От послушания родителя попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности» [114, с. 25]. В приказе от 28 февраля 1772 г. А. В. Суворов требовал: «...в случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, понеже ничто так

людей к злу не приводит, как слабая команда. Почему командующему за прегрешения неослабно наказывать, ибо когда послабит, то тем временем в непослушание придут и своем звании оплошения учинятся» [там же, с. 26].

М. Фрунзе также обращал внимание на дисциплину и порядок: «...У нас нередко наблюдается отношение к военной выправке, дисциплине строя, внешнему порядку как к чему-то вредному, нереволуционному и ненужному. Это – абсолютная чепуха. Внутренняя сознательная дисциплина должна обязательно проявиться и во внешнем, порядке» [74, с. 82].

З. Фрейд в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» рассматривает войско как искусственную массу, которой для сплочённости необходимо внешнее принуждение; эта масса высоко организована, имеет четкие подразделения. По Фрейду, войско есть масса, возглавляемая вождями. Внешнее принуждение в армии необходимо, полагает Фрейд, чтобы удержать её от распада и задержать изменения структуры в войсках. Фрейд говорил, что в войске «...как правило, никого не спрашивают или никому не предоставляют выбора, хочет ли он быть членом такой массы или нет; попытка выхода обычно преследуется или строго наказывается, или же выход связан с совершенно определенными условиями. Полководец по отношению к солдатам выступает в роли отца, одинаково любящего своих солдат, и поэтому они сотоварищи. Войско состоит из ступенчатого построения масс. Каждый капитан в то же время и полководец, и отец своей роты, каждый фельдфебель своего взвода» [189, с. 76].

З. Фрейд ссылается на примеры великих военачальников – Цезаря, Наполеона, – подтверждая, тем самым, идею о том, что армия опирается не на идеи, а на любовь к вождю и ответную его любовь [там же, с. 84].

К. Маркс, Ф. Энгельс также видели могущество армии и общества в полководце, который доносил до них определенные прогрессивные идеи. Маркс называл Спартака великим полководцем, «истинным представителем античного пролетариата», высоко оценивал и полководческие качества Гарибальди [109, с. 476].

Для отличия военнослужащих по воинским званиям в вооружённых силах разных государств применяются знаки различия воинских званий на военном обмундировании. Характерной особенностью военного обмундирования является его полихромность. Это свойство военного мундира связано с символикой его элементов, наиболее ярко иллюстрирующей род войск, к которому он принадлежит. Культ чести военного мундира священ для военнослужащих. Военное обмундирование показывает принадлежность к роду войск и обязывает свято чтить его славные традиции. Так, при военном обмундировании не полагалось носить в руках ничего, кроме планшета (полевой сумки). Данное правило позволяло сохранить выправку военнослужащего и сохранить его внешнее достоинство. Помимо этого, данные правила имели чисто эстетическое значение для сохранения репутации военнослужащего. Военное обмундирование придает скромность и системный характер всему военно-социальному феномену, налагает обязанность быть вежливее и выдержаннее тех, у кого мундира нет.

Военный мундир – символ чести военнослужащего, знак его дисциплинированности и мужества. Красота военной формы с давних времен служит средством выделения защитников страны. В Спарте было положено начало обмундированию войск; с тех пор одежда воина становилась признаком доблести. Для своей военной одежды спартанцы избрали красный цвет, дабы кровь, текущая из ран, была незаметна. В русской армии (еще до петровских реформ) одеяние воина считалось признаком его чести. Едва ли не первой степенью среди наград была выдача одежды. В 1469 году, например, устюжане за мужество, показанное в сечах, получили от Ивана III по триста сермяг и бараньих шуб, удобных для ратных походов. До конца XVII века в России постоянных войск почти не было. Затем появились стрельцы, которые, составляя нечто вроде регулярной армии, имели и однообразную одежду – красную с белыми берендейками. Позже стрельцы оделись в длинные кафтаны из сукна. В мирное время они носили мягкие, отстроченные мехом шапки, в

военное время – круглые железные шапки. Уже тогда в деталях одежды строго подчеркивалось должностное различие [129, с. 197].

С образованием регулярной армии в характере одежды петровских войск очень ясно сказывалось желание поставить ее, на службу целям укрепления дисциплины, подчинения младших старшим. Например, офицерам полагались золоченые пуговицы, белый галстук, а при парадной форме – белый с красным плюмаж на шляпе. В строю, офицеры надевали на шею еще и особый металлический значок. Шарфы с золотыми и серебряными кистями служили для отличия штаб- и обер-офицеров [167, с. 24]. «Возлюбленные чада Петра» ценили свое обмундирование [197, с. 4].

«Погон – не для вида, погон для чести»- гласит русская пословица. С течением времени погоны стали важнейшей частью военного мундира. Знаки различия, появившиеся на них, ясно указывали степень офицерского чина и таким образом четко разграничивали служебное положение старших и младших, начальников и подчиненных, офицеров и солдат. Мундир всё более и более становился символом воинской чести, и выражение «честь мундира» в лучшем значении этих слов было тождественным честь на ноле брани. Один кавалерийский начальник говорил: «Военным нужны красивые мундиры для того, чтобы каждый офицер питал к ним любовь. И если бы мы не дорожили и не гордились воинской одеждой, которую носили когда-то наши доблестные предки, то были бы дрянью, лишенной чести» [193, с. 4].

Поведение военнослужащих регламентировано в силу их особого статуса специальными указами, приказами, положениями и уставами. Военнослужащему необходимо неукоснительно соблюдать все правила воинского этикета. Понятие «этикет» у военнослужащих часто заменяется понятием «честь мундира» или «офицерская честь». Отечественная историография отмечает важность таких вопросов воинской среды, как умение красноречиво говорить, грамотно писать, красиво танцевать, музицировать, следить за своим внешним видом и другие качества, присущие истинному «рыцарю и джентльмену» [88, с. 52].

Среди первых трудов по воинскому этикету подготовленных при непосредственном участии Петра Первого, и в дальнейших поведении для военных между собой и с гражданскими людьми трансформировались, и в последующем подпрапорщиком были изложены в труде в «Правила учтивости», где подробно описывалось подобающее офицеру поведение в обществе, например, дурное поведение, недоброжелательность к окружающим, раздражение, сквернословие и др.

В 1904 году ротмистр В. М. Кульчинский собрал воедино все правила воинского этикета, написав своеобразный этический кодекс – «Советы молодому офицеру», которые впоследствии стали «Кодексом чести русского офицера» [90, с. 7]. Среди всех советов особым образом звучит последний: «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!». Важнейшим критерием для понимания воинской чести выступает понятие «достоинство офицера», подразумевающее уважение к себе, осознание своих прав и подобающее поведение. О своем труде ротмистр писал: «Советы молодому офицеру одинаково полезны и находящимся на передовых позициях, и в тылу армии. Цель их – желание предотвратить от ложного, губительного шага неопытную военную молодежь. Здесь собраны старые, но вечные истины, которые большинством забыты, а молодым офицерам неизвестны» [там же]. В «Советах» ротмистр указывает на актуальные и сегодня правила поведения военнослужащих: «Помни всегда, что ты офицер; Держи себя просто, с достоинством, без фатовства; Одевайся строго по форме и всегда чисто; Будь выдержанным (корректным) и тактичным всегда, со всеми и везде; Будь учтивым и предупредительным, но не назойливым и льстивым. Умей вовремя уйти, чтобы не быть лишним; Необходимо помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и начинается низкопоклонство; Будь наблюдательным и осторожным в выражениях; Избегай «ты», дающее повод и право к фамильярностям дурного тона: предлог, на правах дружбы, выругать тебя, вмешиваться в твои дела, сказать пошлость, грубость и так далее...» [там же].

Для становления военного профессионала, его личностного и профессионального развития, активно используются методы военной акмеологии – научной отрасли, изучающей феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости. Военная акмеология, как и общая акмеология, имеет интегративный характер, который выражается в целостном подходе, включающим знания специфики воинского труда и технологий прогрессивного профессионального развития военнослужащих, стимулирующих процессы саморазвития и самосовершенствования.

Известный акмеолог Деркач А. А., размышляя на тему самостоятельности военной науки как таковой, считает, что военная акмеология исследует комплексно и во взаимосвязи жизненный и профессионально-деятельностный путь военнослужащего, воинского коллектива. На базе синтеза знаний многих наук следует выявлять пересечения вершин и спадов, определяя их закономерности. На основании данных закономерностей можно будет моделировать рациональные технологии воинского труда, определять и осуществлять подготовку кадров, обеспечивать акмеологическое сопровождение жизнедеятельности отдельного военнослужащего или профессионального коллектива [55, с. 76].

Свое интенсивное развитие военная акмеология получила в силу блестящих образцов военного мастерства – военных полководцев, таких как Александр Невский, Дмитрий Пожарский, Кузьма Минин, Дмитрий Донской, А. В. Суворов, П.С. Нахимов, М. Д. Скобелев, Ф. Ф. Ушаков, М. И. Кутузов, П. И. Багратион, К. К. Рокоссовский и других. Они представляют собой яркие примеры «акме» в воинской среде, а их жизнь и достижения являются значимыми объектами акмеологического изучения. На данном этапе прослеживается активное развитие военной акмеологии, где центральное место занимает профессиональный военнослужащий. Для достижения высокого уровня профессионализма военнослужащий должен обладать целым комплексом знаний и умений [там же, с. 89].

Процесс становления профессиональной личности военнослужащего как защитника Отечества является сложным и длительным. Он должен включать в себя как боевое совершенствование, так и духовное. Эффективность данного процесса обуславливается знанием истинной воинской службы и её специфических особенностей, чему помогает такая наука, как акмеология. Её философские основания помогают лучше изучать специфику воинского труда и предъявлять к личности военного профессионала необходимые требования. Военная акмеология является современной наукой, она подстраивается под современные реалии, и вместе с тем модифицирует воинскую среду, и модифицируется сама. Помимо философской «начинки» в военную акмеологию добавляется психологическая, педагогическая, историческая составляющие, вследствие чего военная акмеология приобретает мультинаучный облик, дабы быть эффективной наукой в веке развивающихся технологий. Современная военная акмеология старается уйти от философии больше в сторону психологии, но суть её остается истинно философской, хотя многие этого стараются не замечать.

Таким образом, воинское достоинство (достоинство военнослужащего) составляют ставшие его ценностями нормы: «честь мундира» (достоинство поведения в обществе); патриотизм («любовь к своему Отечеству, формирующая потребность в достойном, вплоть до самопожертвования, служении Родине») как достоинство гражданина; и профессионализм (глубокое овладение воинским искусством) как достоинство специалиста.

Для формирования воинского достоинства используются методы воинского воспитания. Для этого создаются особые условия воспитательного процесса, способные сформировать здорового, физически развитого, умственно одаренного и высоконравственного военнослужащего: в кадетских корпусах и школах, военных институтах и академиях, а также непосредственно в местах несения воинской обязанности.

Выводы по главе 2

Личность военнослужащего современной российской армии – высококультурная личность, выполняющая воинский долг профессиональной вооруженной защиты своего государства, соблюдающая воинскую иерархию, высоко дисциплинированная и обладающая развитым чувством патриотизма, ответственности и гражданственности.

Формирование личности военнослужащего происходит в процессе социализации личности и в направленном процессе воспитания и обучения. Помимо общесоциальных навыков, личность осваивает специфические навыки, в частности военные, боевые и избранно-профессиональные. Благодаря такому многостороннему усвоению норм и знаний формируется, с одной стороны, индивидуальная, не на кого не похожая личность военнослужащего, но с другой стороны личность коллективная, обладающая особыми знаниями и статусом члена данного коллектива.

Поскольку армия есть коллективистское сообщество (З. Фрейд), в ней есть своя культура, свои нормы, ценности. Благодаря таким фундаментальным ценностям армии как социального института, как патриотизм, воинский долг, дисциплина, воинская иерархия, формируется зрелая личность военнослужащего – защитника Отечества. Требования долга, дисциплины и неукоснительной иерархии священны для военнослужащего, они являются армейскими ценностями со времён появления регулярной армии в России, и остаются актуальными по сей день. С точки зрения личности военнослужащего как профессионала, благодаря его уникальной компетенции, реализуется социальный престиж и монополизирована ниша обеспечения социальной безопасности.

Собственно социально-философский уровень связан с реализацией в данной работе принципов социального детерминизма, приоритета личности в формировании ее профессиональной воинской культуры, а также конкретно-исторического и социокультурного подходов к развитию профессиональной воинской чести и воинского достоинства.

Воинская честь – аксиологическая категория, обусловленная спецификой воинской деятельности, включающая самооценку и оценку обществом морально-нравственных и социально значимых качеств военнослужащего для исполнения обязанностей воинской службы и поддержания статуса военнослужащего военной организации (армии) в целом.

Воинская честь является нравственной основой личности военнослужащего. Воинская честь является весьма значимым аспектом в экстремальных ситуациях, связанных со спецификой воинской деятельности, в частности, на войне (в бою), и несопоставим с другими ценностями. Воинская честь является честью должностной (профессиональной) в силу своего характера. Носителем воинской чести является военнослужащий. Социальным субъектом воинской чести может быть только военнослужащий

Всё вышеизложенное позволяет нам определить воинскую честь как достоинство профессионального исполнения воинского долга и верности присяге.

Диалектику формирования достоинства военнослужащего образуют коллизии:

– профессионального воинского служения «общественному благу» – и верности присяге как личного убеждения;

– профессионального воинского служения «общественному благу» – и карьеризма;

– профессионального воинского служения «общественному благу» – и фатализма;

– верности присяге как личного убеждения – и карьеризма;

– верности присяге как личного убеждения – и фатализма.

Воинское достоинство есть несомненная ценность личности военнослужащего как защитника своего Отечества, добродетель, в которой «метафизическое», «высокое» и «истинное» представляет соразмерность (гармония) профессионального воинского служения «общественному благу»

и верности присяге как личного убеждения; а порочность (дисгармонию) – карьеризм – или фатализм.

Традиции и ритуалы формируют культурную личность военнослужащих. Преемственность воинских традиций и ритуалов особым образом связывает воедино прошлое и настоящее. Именно традиции и ритуалы удерживают от хаотичного движения; они указывают вектор поступательного развития, который является опорой армии России. Только умелое и упорядоченное использование воинских традиций и ритуалов дает возможность поднять авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации. Сила многовековых традиций и ритуалов делают воинскую службу престижной и по сей день.

Для формирования достоинства личности военнослужащего используются методы воинского воспитания. Для этого создаются особые условия воспитательного процесса, способные сформировать здорового, физически развитого, умственно одаренного и высоконравственного военнослужащего: в кадетских корпусах и школах, военных институтах и академиях, а также непосредственно в местах несения воинской обязанности. Собственно, понятие воинского достоинства является важнейшим критерием для понимания воинской чести.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования определены понятия «ценность», «норма», «достоинство», «честь», «достоинство личности военнослужащего», «честь личности военнослужащего».

Ценность представляет собой индивидуально значимую меру добродетели и порока; норма – социально-эффективную меру добродетели и порока. Разрешение парадокса ценности и оценки как определение понятий нормы, ценности, достоинства и чести предстает в следующей дилемме: ценность всегда есть результат субъективной оценки, – но основаниями (правилами) оценки являются объективные нормы (общественные идеалы, эталоны, образцы), которые таковыми и стали лишь потому, что сами уже есть феномены ценностного мира личности. Личность, производя субъективную оценку социальных норм и общественных идеалов, заявляемых обществом в качестве всеобщих ценностей, принимает собственное решение о том, какие нормы для нее значимы (они и становятся её ценностями), а какие – нет.

Достоинство личности (человеческое достоинство) составляют добродетели следования общественному нравственному идеалу, уважения другого человека и самоуважения. Это позволяет определить *достоинство* личности как меру-гармонию в ней ценности и нормы; *недостойным* же личности являются чрезмерность ценности и нормы: самомнение (эгоцентризм) – или гипертрофированное подчинение «общественному мнению» (ритуализм).

Понятие достоинства личности военнослужащего отличается от понятия человеческого достоинства. Достоинство личности военнослужащего есть добродетель, в которой «метафизическое», «высокое» и «истинное» представляет соразмерность (гармония) профессионального воинского служения «общественному благу» и верности присяге как личного убеждения; а порочность (дисгармонию) – карьеризм – или фатализм.

Честь представляет собой достоинство гармонии (соразмерности) исполнения долга (принятых обязательств) и сохранения «лица» (соответствия

поведения норме). А это значит, что честь (вслед за достоинством, ценностью, нормой) имеет конкретно-историческое содержание. Из диалектики долга и «лица» и происходят добродетели и пороки человека чести.

Диалектика долга и «лица» проявляется в одной из четырех коллизий:

Коллизия 1. «Суверен» и норма остаются неизменными весь жизненный период личности – или претерпевают несущественные изменения («законная» смена «суверена» или принятие корпорацией дополнений к норме). Тогда коллизии чести замыкаются в пределах личности в её борьбе «с самой собой»; в противоречиях в ней «высшего» и «низшего» («души» и «тела»).

Коллизия 2. Существенно изменяется «суверен» (например, в результате государственного переворота), – но не меняется корпоративная норма. И тогда «человек чести» должен делать выбор между своим долгом низвергнутому «суверену» и долгом должности «суверена», занятой теперь другой личностью.

Коллизия 3. Существенно изменяется корпоративная норма (например, в результате смены референтного сообщества; замены в сфере управления института дворянства на институт выборности), – но не меняется «суверен» (например, королевская власть остается – как в Швеции или Англии). И тогда «человек чести» должен делать выбор между следованием нормам дворянства и нормам демократии.

Коллизия 4. Существенно изменяется и «суверен», и корпоративная норма (например, «пролетарская революция» 1917 года). В этом случае коллизия для «человека чести» предельно упрощается: он теперь ничего никому не должен и свободен в своем поведении от следования корпоративной норме (анархия). Но эта же коллизия и предельно усложняется: личность остается без непосредственных ориентиров поведения и вынуждена сама определять, реализация каких её достоинств позволит её оставаться «человеком чести» – если, конечно, это остается ценностью для неё и для общества. Основанием для этого выбора во всех четырех коллизиях, – в

последней особенно, – являются добродетели личности как гармония ценностей.

Если в добродетелях личности (диалектике меры-чрезмерности; гармонии-дисгармонии добра и зла) более ценно следование долгу (служение), личность определяет в свои приоритетные добродетели службу «на всеобщее благо» (государственную, муниципальную, воинскую, полицейскую); если же в этой диалектике для личности более ценно обретение и «сохранение лица», личность определяет в свои приоритетные добродетели корпоративные ценности (предпринимательство, творчество).

Таким образом в коллизиях чести реализуется такая фундаментальная ценность, как свобода, подтверждая точность её гегелевского определения как «осознанной необходимости», где в ранге «необходимости» выступает честь, а в ранге «осознанности» – добродетель.

Вышеизложенное позволяет нам определить честь личности военнослужащего как достоинство профессионального исполнения воинского долга и верности присяге. Диалектику формирования достоинства личности военнослужащего образуют коллизии: профессионального воинского служения «общественному благу» – и верности присяге как личного убеждения; профессионального воинского служения «общественному благу» – и карьеризма; профессионального воинского служения «общественному благу» – и фатализма; верности присяге как личного убеждения – и карьеризма; верности присяге как личного убеждения – и фатализма.

Коллизию «профессионального воинского служения «общественному благу» – и верности присяге как личного убеждения» создают противоречия, возникающие как при стабильности базовых ценностей общества и субъекта, которому приносилась присяга, поскольку личные убеждения подвергаются постоянным «атакам» со стороны пороков; так и при смене «общественного блага» (изменения в общественном устройстве и базовых ценностях общества) и (или) при смене субъекта, которому приносилась присяга.

Коллизию «профессионального воинского служения «общественному благу» – и карьеризма» создают противоречия, возникающие из презрения личных интересов при служении «общественному благу» – и объективной мотивации военнослужащего «быть в чести» (иметь воинскую славу, высокое воинское звание и высокую командную должность).

Коллизию «профессионального воинского служения «общественному благу» – и фатализма» создают противоречия, возникающие из общественной ценности военнослужащего (значительных общественных трат на его подготовку, содержание и вооружение) – и его (военнослужащего) презрения к личной безопасности при служении «общественному благу», создающего опасность значительных потерь для общества в виде необоснованной утраты дорогостоящего человеческого материала.

Коллизию «верности присяге как личного убеждения – и карьеризма» создают противоречия, возникающие из корпоративной нормы-ценности достойного исполнения воинского долга в любых условиях, на любой должности и при любом воинском звании, – и из объективной мотивации военнослужащего «дослужиться до чести» (славы, званий, должностей).

Коллизию «верности присяге как личного убеждения – и фатализма» создают противоречия, возникающие из корпоративной нормы-ценности создания максимальной полезности для «общественного блага» («героизма») – и презрения к личной безопасности при служении этому «общественному благу», создающего возможность «негероической» («неэффективной») утраты «боевой единицы».

Из вышеуказанных коллизий диалектики достоинства военнослужащего и воинской чести и происходят проблемы и задачи государства и воинского командования по их (достоинства и чести) формированию и поддержанию.

Полученные результаты позволяют предложить ряд рекомендаций научно-теоретического и практического характера. Первая группа рекомендаций связана с определением перспективных направлений

исследования вопросов формирования личности военнослужащего, его чести и достоинства. Среди них можно выделить такие, как:

–социально-философский анализ социализации личности военнослужащего в институте армии;

–изучение диалектики взаимодействия социального института армии с другими социальными, политическими и экономическими институтами в процессе формирования личности военнослужащего.

–исследование процесса формирования личности военнослужащего, характерных для различных категорий военнослужащих, обусловленных их профессиональной деятельностью, служебным положением.

–изучение закономерностей формирования личности военнослужащего, его чести и достоинства в условиях боевых действий.

–исследование особенностей формирования личности военнослужащего, его чести и достоинства в различных силовых структурах, таких как, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба охраны и др.

–изучение особенностей формирования личности защитника Отечества, его чести и достоинства в условиях трансформации общественных, политических, военных сфер общества.

–изучение зарубежного опыта становления личности военнослужащего, его чести и достоинства в институте армии.

–исследование проблем оптимизации воспитательного и образовательного процесса в результате реформ в Вооруженных Силах.

–разработка наиболее эффективных средств и методов формирования личности военнослужащего, его чести и достоинства в соответствии с современными требованиями к военнослужащему.

Вторая группа рекомендаций связана с определением перспективных направлений, направленных на снижение основных противоречий в ходе формирования личности военнослужащего и повышения воинских ценностей – чести и достоинства.

1. В военно-социальной сфере:

–разработка и внедрение концепции (федеральной программы) государственного патриотического воспитания. Среди её направлений особо следует подчеркнуть повышение престижа воинской службы;

–обеспечение социальной защиты военнослужащих и членов их семей;

–реализация конституционных прав и свобод военнослужащих, неукоснительное их выполнение и недопущение нарушений;

–расширение прав и свобод военнослужащих и членов их семей; совершенствование нормативно-правовой базы в сфере защиты военнослужащих;

–определение особого социального статуса ветеранов, инвалидов военной службы с предоставлением соответствующих уровню социальной значимости воинского труда правовых гарантий социальной защищенности.

2. В воинской деятельности как профессиональной сфере:

–исполнение принципа императивности воинской службы вне зависимости от конфессиональных и других различий.

–исполнение приоритетного направления контрактной формы при формировании воинских частей для более профессионального её функционирования и грамотного обучения призывников.

–смягчение административных барьеров для формирования профессионального роста личности военнослужащих.

–развитие комплекса мер для совершенствования отбора для несения воинской службы и приоритетных показателей по уровню здоровья, профессиональной подготовки, всестороннего развития кандидата для дальнейшего прохождения службы.

–создание системы морального и материального стимулирования несения воинской службы в целях повышения показателей и борьбы с коррупцией в воинской сфере.

–демократизация отношений в воинской среде для выражения и защиты личных интересов военнослужащих;

–введение законодательного закрепления системы взаимоотношений армии и общества и определение места судебной, исполнительной и законодательной власти в данной системе взаимоотношений.

–разработка и внедрение воинского Кодекса чести современного военнослужащего.

3. В области военного образования:

– повышение уровня гуманизации и демократизации в образовательном процессе в военных учебных заведениях и кафедрах.

– повышение качества обучения на военных кафедрах, в военных вузах и академиях в целях формирования высокообразованной и высококвалифицированной личности военнослужащего; развитие принципа приоритетности развития личности.

–организация и формирование гражданской профессиональной подготовки в период обучения курсантов для обеспечения социальной защищенности.

–принятие мер морального и материального стимулирования для повышения квалификации представителей военно-воспитательной деятельности.

–принятие мер морального и материального стимулирования престижности военной воспитательной деятельности; повышение ответственности должностных лиц военно-воспитательной деятельности за подопечных.

–развитие воинской культуры в военных учебных заведениях и кафедрах.

Данные рекомендации носят практический и теоретический характер, и могут использоваться в военно-воспитательных целях преподавателями в военных образовательных учреждениях в следующих целях:

– для проведения занятий по социальной философии, онтологии, культурологии, социологии, акмеологии;

– для разработки методик личностного и профессионального роста военнослужащих;

– для разработки методик профотбора военнослужащих согласно роду войск и направлений служебной деятельности.

Непосредственно в местах несения воинской службы, офицерам, проводящим воспитательную работу, данный материал диссертационного исследования может помочь:

– при подготовке материалов для проведения занятий, в том числе обсуждений и конференций, с личным составом в учебно-воспитательных целях, где особое внимание стоит уделить разъяснению противоречий ценностных представлений современного военнослужащего, делая акцент на важности таких ценностей воинской культуры, как воинская честь и воинское достоинство;

– при распределении военнослужащих по должностям и местам несения службы согласно их качествам и способностям (профессионально-ориентированная адекватная кадровая политика).

Перспективы дальнейших исследований воинской чести и воинского достоинства личности военнослужащего армии раскрываются в направлении определения и изучения их особенностей становления и формирования, сформулированных в диссертации, но еще не изученных.

Таким образом, становится очевидно, что реализация данных мероприятий будет способствовать повышению эффективности формирования личности военнослужащего, том числе его компетенций в сфере воинской чести и воинского достоинства.

Очевидно, что поставленные вопросы не рассматривают в полной мере все проблемы формирования личности военнослужащего, его чести и достоинства. Данный факт обусловлен сложностью и многогранностью данного явления. Вместе с тем, полученные данные в ходе диссертационного исследования позволяют описать специфику формирования воинской чести и воинского достоинства личности защитника Отечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 438 с.
2. Абушенко, В. Л. Личность / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 563 с.
3. Аверин, В. А. Психология личности : учеб. пособие / В. А. Аверин. – СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 2006. – 523 с.
4. Азарова, А. В. К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России / А. В. Азарова // Вестник Военного университета. – 2010. – № 3 (23). – С. 21–25.
5. Аксиологические основы поведения человека : учеб. пособие / Н. Л. Худякова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – сайт. – [Режим доступа] <http://www.psi-sintez.ru/Axiology/Khudyakova/I/2> (дата обращения к сайту 01.05.2017)
6. Античные риторика: собр. текстов, статьи / коммент. и общая ред. А. А. Тахо-Годи. – МГУ, 1978. – 134 с.
7. Апресян, Р. Г. Этика : учебник для высших учебных заведений / Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов. – М. : Гардарики, 1998–2004. – 478 с.
8. Апресян, Р. Г. Достоинство / Р. Г. Апресян // Этика : энцикл. словарь ; под ред. Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – 361 с.
9. Апресян Р. Г. Этика: новые старые проблемы. К шестидесятилетию Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова / Р. Г. Апресян. – М. : Гардарики, 1999. – 256 с.
10. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – Т. 4. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
11. Баева Л. В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории : монография / Л. В.Баева. – Астрахань : Изд-во Астраханского гос. ун-та, 2004. – 279 с.

12. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники : ежегодник. 1984–1985. – М. : Наука, 1986. – С. 25–41.
13. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е. – М. : Искусство, 1986. – 404 с.
14. Белинский, В. Собрание сочинений: в 9. т. / В. Белинский. – Т. 9. Письма 1829–1848 годов. – М. : Худож. лит., 1982. – 177 с.
15. Белявский, А. В. Охрана чести и достоинства личности в СССР / А. В. Белявский, Н. А. Придворов. – М. : Юрид. лит., 1971. – 53 с.
16. Бенда, В. Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций русской армии в русской армии и патриотизма в России XVIII века / В. Н. Бенда // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 12. – С. 56–62.
17. Бентам, И. Введения в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : Директ- Медиа, 2009. – 734 с.
18. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека / Н. А. Бердяев. – Париж : [б. и.], 1939. – 183 с.
19. Бердяев, Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Париж : Галимар, 1985. – 275 с.
20. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 298 с.
21. Блажевич, Н. В. Профессиональная честь и достоинство полицейского как методологическая проблема – / Н. В. Блажевич // Юридическая наука и правоохранительная этика. – 2015. – № 1 (31). – С. 22–27.
22. Блонский, П. П.. Избранные педагогические произведения / П. П. Блонский. – М., 1961. – 253 с.
23. Блюмкин, В. А. О чести и достоинстве советского человека / В. А. Блюмкин. – М. : Знание, 1974. – 145 с.
24. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М. : Просвещение, 1968. – 44 с.

25. Боранецкий, П. О достоинстве человека / П. Боранецкий // Основания героической этики. – Париж : [б. и.], 1950. – С. 6–11.
26. Борисов, С. Б. Честь как феномен российского политического сознания / С. Б. Борисов. – Шадринск : Изд-во Шадринского пединститута. – 200 с.
27. Бочкарев, А. В. Корпоративная культура офицерского корпуса / А. В. Бочкарев // Педагогическое образование в России. – 2010. – № 3. – С. 42–48.
28. Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М. : Мысль, 1988. – 301 с.
29. Булгаков, С. Н. На пиру богов: современные диалоги / С. Н. Булгаков. – Новороссийск, 1991. – 297 с.
30. «Варяг» не сдает Сирию // Российская газета – [Режим доступа] <https://rg.ru/2016/03/21/kakaia-voennaia-gruppirovka-rf-ostanetsia-v-sirii.html> (дата обращения 17.07.2016).
31. Варяжский, К. Младший офицер / К. Варяжский // Офицерская жизнь. – 1907. – № 66. – С. 250–251.
32. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания : избр. произв. / М. Вебер. – М. : Радуга, 1990. – 573 с.
33. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
34. Виндельбанд, В. Прелюдии. Философские статьи и речи. Избранное: дух и история / В. Виндельбанд. – М. : Юрист, 1995. – 293 с.
35. Волков, С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. – М. : Воениздат, 1993. – 642 с.
36. Волкогонов, Д. А. Честь офицера / Д. А. Волкогонов // Военная мысль. – 1982.
37. Воронцов, В. У. Инструкция господам ротным командирам / В. У. Воронцов. – М. : Молодая гвардия, 2004. – 416 с.

38. Выготский, Л. Психология развития человека / Л. Выготский. – М. : Смысл ; Эксмо, 2003. – 632 с.
39. Выжлецов, Г. П. Ценность и экзистенция в современной аксиологии / Г. П. Выжлецов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – Вып. 4. – С. 78–82.
40. Галеви, Д. Жизнь Фридриха Ницше / Д. Галеви. – М. : Сов. писатель, 1991. – 318 с.
41. Галкин, М. Новый путь современного офицера / М. Галкин. – М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. – 37 с.
42. Гарман, Н. Эстетика / Н. Гарман. – Киев : Ника-центр, 2004. – 640 с.
43. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Н. Гарман. – СПб. : Наука, 2003. – 639 с.
44. Гартман, Н. Этика / Н. Гарман. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 708 с.
45. Гаспари, А. История итальянской литературы : в 4 т. / А. Гаспари. – Т. 1: Итальянская литература средних веков. – М. : Мысль, 1895. – 79 с.
46. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 3. – М. : Мысль, 1977. – 471 с.
47. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 11. – М. : ОГИЗ, 1935. – 413 с.
48. Гершельман, Ф. Воспитание будущих офицеров / Ф. Гершельман // Военный сборник. – 1914. – № 12. – С. 27–42; 1915. – № 1. – С. 33–42.
49. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
50. Гоббс, Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 383 с.
51. Голубев, А. Н. В. Соловьев о бесконечности личности / А. Н. Голубев // О человеческом в человеке. – М. : Политиздат, 1991. – С. 327–343.
52. Гордин, Я. А. Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни / Я. А. Гордин. – СПб. : Изд-во Пушкинского Фонда, 1997. – 182 с.

53. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 357 с.
54. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Дрофа, 2011. – 2728 с.
55. Деркач, А. А. Акмеология / А. А. Деркач. – М. : Изд-во РАГС, 2004. – 352 с.
56. Дидро, Д. Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремёсел / Д. Дидро // Библиотека «Куб» : сайт. – [Режим доступа] <http://www.koob.ru/diderot/> (дата обращения 05.09.2017)
57. Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И. И. Докучаев. – СПб. : Наука, 2009. – 595 с.
58. Драгомиров, М. И. Избранные труды / М. И. Драгомиров. – М. : Воениздат, 1956. – 153 с.
59. Драгомиров, М. И. Подготовка войск в мирное время (воспитание и образование) / М. И. Драгомиров. – Киев : [б. и.], 1906. – 97 с.
60. Дробницкий, О. Г. Моральная философия: избранные труды / О. Г. Дробницкий. – М. : Гардарики, 2002. – 522 с.
61. Дробышевский, С. А. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве / С. А. Дробышевский, Т. В. Протопопова. – Красноярск : ИПК Сибирского федерального ун-та 2009. – 160 с.
62. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм // Библиотека «Полка букиниста» : сайт. – [Режим доступа] http://society.polbu.ru/dyrkgeim_sociology/ch16_i.html (дата обращения 05.09.2017)
63. Дюркгейм, Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм // Западно-европейская социология XIX – начала XX веков / Э. Дюркгейм. – М., 1996. – 387 с.
64. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. М. : Канон, 2012. – 352 с.

65. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 2011. – № 2. – С.46–54.
66. Ежевская, Т. И. Ценности как важный психологический ресурс личности / Т. И. Ежевская //Гуманитарный вектор. Психология. – С. 55–59.
67. Илларион. Слово о законе и благодати / Илларион. – М., 1994. – 125 с.
68. Ильенков, Э. В. С чего начинается личность / Э. В. Ильенков. – М., 1979. – 106 с.
69. Ильин, В. В. Философия и акмеология / В. В Ильин, С. Д. Пожарский. – СПб. : Политехника, 2003. – 299 с.
70. Ильин, И. А. О России: три речи / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. Т. 6 : в 2 кн. Кн. 2. [О России; Русские писатели. Литература. Театр. Музыка; Художник и художественность; О русской культуре]. — М. : Русская книга, 1996. – 672 с.
71. Исаев, И. А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. / И. А. Исаев. – М., 1995. – 182 с.
72. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения : сб. текстов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – Ч. II. – 174 с.
73. Калягин, П. Правила учтивости / П. Калягин. – СПб. : Тип. мор. шляхет. кадет. корпуса, 1819. – 29 с.
74. Каменев, А. И. Российский военный сборник / А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов. — 2000. – № 17. – М. : Рус. путь. – 640 с.
75. Кант, И. Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. I. – / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. –544 с.
76. Каплевский, М. С. Историко-педагогический анализ формирования имиджа офицера в образовательном процессе военных вузов России (VIII–XX вв.) – М. С. Каплевский // Транспортное дело России. – 2012.– № 2. – С. 8–10.

77. Каптерев, С. Е. Понятие «личность» и теории личности в работах русских исследователей первой половины XX века / С. Е. Каптерев // Изд-во Нижегород. гос. ун-та. – Н. Новгород. – 2011. – № 3. – С. 45–48.
78. Карповский, А. С. Субкультура рыцарства в контексте политической и правовой культуры средневековой Европы : автореф. дис. ... канд. культурологии / А. С. Карповский. – М. : Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. – 18 с.
79. Карсавин, Л. П. О личности / Л. П. Карсавин // Религиозно- философские сочинения. – М. : Ренессанс, 1992. – С. 3–35.
80. Кердан, А. Б. Социальная престижность государственной службы в России: культурологический анализ: на примере становления офицерской чести : автореф. дис. ... д-ра культурологии / А. Б. Кердан. – М. : Книга по требованию, 2011. – 24с.
81. Кердан, А. Б. Мифологема офицерской чести / А. Б. Кердан // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – №7. – С. 216–219.
82. Кессиди, Ф. Х. Сократ / Ф. Х. Кессиди. – СПб. : Алетейя, 2001. – 345 с.
83. Ключко В. Е. Самореализация личности: системный взгляд / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский. – М., 2013. – 451с.
84. Ковалева А. И. Социализация. / А. И. Ковалева // Знание. Понимание. Умение : электрон. журн. – 2004. – № 1.
85. Козин, Н. Постижение России: опыт историософского анализа / Н. Козин. – М., 1997. – 173 с.
86. Коллманн, Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России / Н. Ш. Коллманн. – М, 1991. – 318 с.
87. Коржевская, Н. Социальный институт как общественное явление (социологический аспект) – Н. Коржевская. – Свердловск, 1983. – 228 с.
88. Кривицкий, А. О военном мундире и погонах / А. Кривицкий. –Красная Звезда. – № 5 (5376) – С. 1–4.

89. Кром, М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России / М. М. Кром // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). – М., 1994. – С. 17.
90. Кульчицкий, В. М. Советы молодому офицеру / В. М. Кульчицкий. – 6-е изд. – Харьков, 1917. – 32 с.
91. Куштым Е.А. Субъектность человека в очертаниях мифа // Искусствознание: теория, история, практика. 2016. – № 3 (17). С. 81 – 90.
92. Куштым Е.А. . Субъектность человека в контексте духовного творчества // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. – № 3. С. 52 – 57.
93. Левинас, Э. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб. : Высш. религиоз.-философ. шк., 1999. – 266 с.
94. Левкович, В. Л. Обычаи и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений – В. Л. Левкович // Социальные исследования. Вып. 4. – М., 1970. – С. 69–89.
95. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1977. -375с.
96. Леонтьев, Д. А. Самореализация и сущностные силы человека / Д. А. Леонтьев // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. – М. : Смысл, 1997. – С. 156–176.
97. Лисанюк, Е. Н. Философия ответственности / Е. Н. Лисанюк. – СПб. : Наука, 2014. – 255 с.
98. Лосский, Н. Ценность и бытие. Бог и мировое зло / Н. Лосский. – М., 1994. – 262 с.
99. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. II / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – 419 с.
100. Лотце, Г. Основания практической философии / Г. Лотце. – СПб, 1882. – 87 с.

101. Лоусон, Т. Социология. А–Я : слов.-справ. / Т. Лоусон, Д. Гэррод. – М. : Фаир-пресс, 2000. – 461 с.
102. Лутовинов, В. И. Российский патриотизм: история и современность / В. И. Лутовинов // Патриотическое воспитание сегодня. Анализ, проблемы, перспективы. – М. : АС-Траст, 2009. – С. 27–38.
103. Мабли, Г. Избранные произведения / Г. Мабли. – М. : Изд-во Акаде. наук СССР, 1950. – 192 с.
104. Макаренко, А. С. Коллектив и воспитание личности / А. С. Макаренко. – М., 1972. – 222 с.
105. Макаренко, А. С. Проблемы воспитания в советской школе / А. С. Макаренко. – М. : Педагогика, 1984. – 346 с.
106. Мансуров, В. А. Социология профессий. История, методология и практика исследований / В. А. Мансуров // СОЦИС. Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 36–46.
107. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1956. – С. 4.
108. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46. Ч. 1. – М., 1966. – 673 с.
109. Маркс, К. Сочинения : в 14 т. Т. II / К. Маркс, Ф. Энгельс. – New York : New American Cyclopaedia, 1858. – 682 с.
110. Мельник, С. Н. Психология личности / С. Н. Мельник. – Владивосток, 2004. – 685 с.
111. Меренков А. В. Проблемы социализации личности в неопределенном обществе: стандартизация или вариативность // Материалы XX Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана. Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук, Департамент политологии и социологии; Редакционная коллегия: Грунт Е. В., Меренков А. В., Антонова Н. Л., 2017. – С. 163 – 169.

112. Меренков А. В. Жизненные шансы старшего поколения: ценностный выбор // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. – С. 103 – 107.
113. Меренков А.В. Человек между культурой прошлого и будущего// Дискуссия. – 2014. – № 3 (144). – С. 70 – 76
114. Месснер, Е. Российские офицеры / Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий. – Буэнос-Айрес: Юж.-Америк. отдел Ин-та по исслед. проблем войны и мира им. генерала, проф. Н. Головина, 1959. – 57 с.
115. Миловидов, А. С. Военская честь / А. С. Миловидов. – М. : Воен. изд-во, 1988. – 458 с.
116. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 381 с.
117. Мюнстерберг, Г. Философия ценностей / Г. Мюнстерберг. – М., 1908. – 241с.
118. Мясникова Л. А. Трансформация ценностных ориентиров человека XX –XXI вв. // Ярославский педагогический вестник. 2016. – №5. – С. 378 – 384.
119. Мясникова Л. А. Трансформация ценностей российского человека от советского к постсоветскому // Ярославский педагогический вестник. 2016. – №6. – С. 403 – 407.
120. Невелев, А. Б. Событие духа: от мысли к Лику / А. Б. Невелев. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т искусств и культуры : Челяб. ин-т переподготовки и повышения квалификации работников образования, 1997. – 203 с.
121. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. – Спб. : Азбука, 2012. – 384 с.
122. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М. : Эксмо, 2015. – 320 с.

123. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 1. / Ин-т философии Российской акад. наук ; гл. ред. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2003. – 774 с.
124. Новая философская энциклопедия // Вокабула: энциклопедии, словари, справочники онлайн. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/энциклопедии/новая-философская-энциклопедия>.
125. О достоинстве и превосходстве человека : [фрагменты] // Итальянское возрождение. Гуманизм второй половины XIV века – первой половины XV века : сб. источников ; сост. и пер. Н. В. Ревякина. – Новосибирск, 1975. – 163с.
126. Олпорт, Г. Остановление личности / Г. Олпорт // Избранные труды.– М. : Смысл, 2002. – 566 с.
127. Ольшанский, В. Б. Личность и социальные ценности / В. Б. Ольшанский // Социология в СССР. – М., 1965. – 369 с.
128. Осмонов, А. К. Уголовная ответственность за оскорбление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. К. Осмонов. – М., 1972.
129. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания / сост. А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин ; ред. А. Е. Савинкин. – М. : Воен. ун-т : Рус. путь, 2000. – 639 с.
130. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека. Антология мировой философии: Возрождение / Джованни Пико делла Мирандола. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. – 289 с.
131. Платон. Горгий / Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1994. – С. 477–574.
132. Платон. Собр. соч. : в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – 860 с.
133. Платон. Сочинения. – Т. 3. – Ч. 2. – М. : Мысль, 1972. – 682 с.
134. Придворов, Н. А. Достоинство личности и социалистическое право / Н. А. Придворов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 136 с.
135. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С. М. Вишнякова. – М. : НМЦ СПО. 1999. – 451 с.

136. Путь самурая. Кодекс бусидо // Айкидо и путь самурая: сайт. – Режим доступа [http://www.aikidoka.ru/bushido/bushido_2/] (дата обращения 17.07.2016).
137. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 6 т. – Т. 4. – М. : Правда, 1969. – 473 с.
138. Райковский, В. Л. Военное воспитание / В. Л. Райковский. – М. : [б. и.], 1908. – 84 с.
139. Рейфман, И. Ритуализованная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе / И. Рейфман. – М. : НЛО, 2002. – 285 с.
140. Риккерт, Г. О системе ценностей // Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. – М. : Республика, 1998. – 233 с.
141. Риккерт, Г. Философия истории // Г. Риккерт. СПб : [б. и.], 1908. – 210 с.
142. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 2008. – 292 с.
143. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М. : Воениздат, 1988. – 184 с.
144. Романова, О. Б. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «ценность» / О. Б. Романова // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2003. – № 4 (22). – С. 55–62.
145. Роттердамский Э. Похвала Глупости / Эразм Роттердамский. – М. : Сов. Россия, 1991. – 207 с.
146. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 2006. – 367 с.
147. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 272 с.
148. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. М. : Канон-Пресс, 1998. – 416 с.

149. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Электронная библиотека bookz.ru : сайт. – [Режим доступа] http://bookz.ru/au-thors/jan-jak-russo/emil_-i_789/1-emil_-i_789.html (дата обращения 17.07.2016).
150. Самойлов, Д. Рецепция морального учения И. Канта в сочинениях С. И. Гессена / Д. Самойлов // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2012. – № 39 (1). – С. 43–56.
151. Свидзинский, Э. Заметки о развитии военных познаний и общих принципов в среде офицеров армии / Э. Свидзинский // Военный сборник. – 1875. – № 10. – С. 221–245.
152. Седов, Л. А. Современная западная социология : словарь / Л. А. Седов. – М. : Политиздат, 1990. – 260 с.
153. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия / В. Ф. Сержантов. – М., 1990. – 360 с.
154. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов / В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 438 с.
155. Серых, В. Д. Воинские ритуалы / В. Д. Серых. – М. : Воениздат, 1986. – 387 с.
156. Словарь практического психолога / гл. ред. С. Ю. Головин. М. : АСТ : Харвест, 1998. – 351 с.
157. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – М. : Ридерз дайджест, 2004. – 960 с.
158. Соловцов, Н. Е. Менталитет российского офицера: вызов XXI века / Н. Е. Соловцов // Экономика. Социология. Менеджмент: образовательный портал [Режим доступа] <http://ecsocman.hse.ru/data/159/023/1217/006.SOLOVx60IEV.pdf> (дата обращения 17.07.2016).
159. Сорокин? П. А. Социальная стратификация и мобильность. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 425 с.
160. Социализация // Большой психологический словарь / сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – М. : Олма-Пресс, 2004. – 872 с.

161. Социологический справочник / под общ. ред. В. И. Воловича. – Киев : Политиздат Украины, 1990. – 382 с.
162. Сперанский, М. М. Четыре беседы с наследником престола / М. М. Сперанский // Правоведение. – 1997. – № 4. – 170 с.
163. Спиноза, Б. Этика. Избр. произведения : в 2 т. – Т. 1. М., 1957. – 538 с.
164. Спирина, О. Н. Основное содержание ценностных ориентаций личности / О. Н. Спирина // Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер. 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 2. – С. 72–74.
165. Стычень, Т. Что такое аксиология? / Т. Стычень // Культурология XX век. Аксиология, или философское исследование природы ценностей. – М. : ИНИОН РАН, 1996. – 347 с.
166. Сурин, А. Роль офицерства в военном воспитании / А. Сурин // Воин (Владивосток). – 1922. – № 2. – С. 13–28.
167. Суханов, И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений / И. В. Суханов. – М. : Политиздат, 1976. – 215 с.
168. Сухомлинский, В. А. Как воспитать настоящего человека (этика коммунистического воспитания) / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1990. – 288 с.
169. Сухотин, Н. Н. Война в истории русского мира / Н. Н. Сухотин. – М. : Военная академия Генерального штаба, 1998. – 55 с.
170. Тараданов, А. А. Логика социального II: генезис идеи / А. А. Тараданов // Генетическая социология XXI. – 2016. – № 2. – С. 71.
171. Теория и практика воспитания военнослужащих : учеб. пособие / под ред. В. Н. Бусловского, Н. Ф. Нуждина, В. Н. Богатырева и др. – М. : 12 централ. тип. МО РФ, 2005. – 239 с.
172. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М., 1991. – 173 с.
173. Толковый словарь русского языка / под ред. В. Д. Дмитриева. – М. : Астрель, 2003. – 1578 с.

174. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд 41-е. – М. : Рус. яз., 2010. 617 с.
175. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. I. – М. : АСТ, 2000. – 848 с.
176. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1. – М., 1935. – 1764 с.
177. Толстой, Л. Жизненные задачи русского офицера / Л. Толстой // Русский Инвалид. – 1907. – № 13. – 279 с.
178. Толстой, Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? / Л. Н. Толстой. – Л. : Худож. лит., 1991. – 416 с.
179. Тоффлер, Э. Ценности и будущее / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 154 с.
180. Трескин, Д. Н. Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформы русского военного дела / Д. Н. Трескин. – Киев [б. и.], 1909. – 83 с.
181. Тугаринов, В. П. О ценностях жизни и культуры / В. П. Тугаринов. – Л. : Тип. ЛОЛГУ, 1960. – 155 с.
182. Турпенко, А. С. О трансцендентальном понятии ценности в философии Г. Риккерта / А. С. Турпенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – Т. 24 (63). – 2011. – № 1. – С. 80–91.
183. Уваров М. А. О воинском звании и знании / М. А. Уваров // Военный сборник – 1906. – № 12. – 418 с.
184. Узнадзе, Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки / Д. Н. Узнадзе. – Тбилиси : Мерани, 1961. – 297 с.
185. Фейербах, Л. А. Избранные философские произведения : в 2 т. / Л. А. Фейербах. – Т. 1. – М. : Политиздат, 1955. – 676 с.
186. Фернхем, А. Личность и социальное поведение / А. Фернхем, П. Хейвен. – СПб. : Питер, 2011. – 283 с.

187. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
188. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 196 с.
189. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. – М. : Современные проблемы, 1926. – 352 с.
190. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 423 с.
191. Хайдеггер, М. Слова Ницше «Бог мертв» / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1990. – №7. – С. 143–176.
192. Хмелевская, С. А. Социальная философия и социология / С. А. Хмелевская. – М. : Когито-Центр, 2002. – 341 с.
193. Хренов, М. М. Военная одежда русской армии / М. М. Хренов, Р. Т. Зубов, Г. Н. Несторов-Комаров и др. – М. : Воениздат, 1994. – 382 с.
194. Худякова, Н. Л. Ценностные основы социальных отношений / Н. Л. Худякова // Вестник Челгу. – 2012. – № 4 (258). – С. 7–10.
195. Худякова, Н. Объективная форма ценностных основ профессиональной деятельности как основа воспитания в учреждениях профессионального образования / Н. Худякова // Вестник ЧелГУ. Вып. 9. Философия, социология, культурология. – 2008. – № 32 (133). – С. 30–37.
196. Цицерон. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / Цицерон. – М., 1999. – 784 с.
197. Червинка, Я. Военная карьера у нас и за границей / Я. Червинка. – Варшава : [б. и.], 1912. – 42 с.
198. Черемных, С. В. Военная присяга в преодолении основного нравственного противоречия войн / С. В. Черемных // Педагогическое образование в России. – 2008. – № 3. – С. 63–66.
199. Черная, Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XII в. / Л. А. Черная // Древнерусская литература: изображение общества. – М., 1991. – 89 с.

200. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов. – СПб. : Изд. книгопродавца В. И. Губинского ; Тип. С. Н. Худекова, 1894. – 1004 с.
201. Шахманаев, К. А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности (уголовно-правовой и криминологический анализ) : автореф. дис... канд. юрид. наук / К. А. Шахманаев. – М., 2009.
202. Шафранский, К. Д. К вопросу о ценностной ориентации личности / К. Д. Шафранский, Т. Д. Суханова // Личность и деятельность. – Л. : [б. и.], 1982. – С. 108–115.
203. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // М. Шелер. Избранные произведения. – М., 1994. – 279 с.
204. Ширшов, В. Д. Формирование корпоративных компетенций у будущих офицеров / В. Д. Ширшов В. Е. Ванягин // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 6. – С. 136–138.
205. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – М. : Эксмо, 2015. – 640 с.
206. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность / А. Шопенгауэр. – М. : Республика, 1992. – 448 с.
207. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль : монография / В. К. Шохин. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 18–54.
208. Экштейн, И. Честь в философии и праве / И. Экштейн. – СПб. : [б. и.], 1895. – 52 с.
209. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 82 т. и 4 доп. т. – М. : Терра, 2001. – 40 726 с. (20 306 с.)
210. Эфа, С. Г. Проблема ценностей и ценностных ориентаций в философской и психологической литературе / С. Г. Эфа // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – 2006. – № 6. – С. 166–169.

211. Юдзан Дайдодзи. Будосесинсю; Ямамото Цунэтомо Хагакурэ, Юкио Мисима. Книга самурая: Будосесинсю; Хагакурэ; Хагакурэ Ньюмон. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.
212. Юзефович, Ф. Прежние и настоящие военные аттестации / Ф. Юзефович // Военный сборник. – 1911. – № 2. – С. 76–77.
213. Юм, Д. Сочинения : в 2 т. / Д. Юм. – Т. 1. – М. : Мысль, 1966. – 674 с.
214. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. – Минск : Попурри, 1998. – 720 с.
215. Corvisier, A. Armee et societes en Europe de 1494 a 1789 / A. Corvisier. – Paris : Presse Universitaires de France, 1976. – P. 14.
216. Cowlshaw, G. Socialisation and subordination among Australian aborigenes / G. Cowlshaw // Man. – 1982. – Vol. 17. – N 3.
217. Durkheim, E. The Elementary Forms of Religious Life / E. Durkheim. – New York : Free Press, 1995. – 218 p.
218. Etkin, W. Theories of socialization and communication / W. Etkin // Social behavior and evolution among the vertebrates. – Chicago, 1963. – 329 p.
219. Frykman, J. Rityal as communication / J. Frykman // Ethnologia Scandinavica, 1979. – P. 54–62.
220. Hubert, H. Sacrince: its nature and function / H. Hubert, M. Mauss. – Chicago, 1964. – 359 p.
221. Hugo, G. De Jure Belli ac Pacis, Vol. 1 (Italian Edition) / Grotius Hugo. – М. : Книга по требованию, 2011.
222. Huxley, J. Introduction / J. Huxley // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Ser. B. – 1966. – 251 p.
223. Jensen, A. E. Myth and cult among primitive peoples / A. E. Jensen. – México : Fondo de Cultura Económica, 1998. – 273 p.
224. Leach, E. Ritual / E. Leach // International encyclopedia of the social sciences. – New York, 1968. – Vol. 13.
225. Maslow, A. H. Motivation and Personality / A. H. Maslow. – New York : Harpaer & Row, 1959. – 159 p.

226. Perry, R. B. Realms of value. A critique of human civilization / R. B. Perry. – Harwarde, 1952. – 154 p.
227. Radcliff-Brown, A. R. Structure and function in primitive society / A. R. Radcliff-Brown. – London, 1952. – 225 p.
228. Rappaport, R. Ritual regulation of environmental relations among a New Guinea people / R. Rappaport // Ethnology. – 1967. – N 6.
229. Rokeach, M. The nature of human values / M.Rokeach. – New York, 1973. – P. 5.
230. Schwartz, S. Universal Psychological Structure of Human Values / S. Schwartz, W. Bilsky, A. Toward // J. of Personality and Social Psychology. (Vol. 53). – 1987. – N 3. – p. 550–562.
231. Selden J. Joannis Selden Juris Consulti Opera Omnia... / J. Selden. – vol. 3. – London : J. Walthoe, 1726. – P. 64.